

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валерий Бродовский

По следу зверя...

Повесть 7

Татьяна Третьякова-Суханова

Алое сердечко зари

Новелла.....127

Владимир Петров

Нелегкая командировка

Повесть 143

ПОЭЗИЯ

Сергей Лобанов

Стихотворения 3

Тамара Лангуева

Стихотворения 115

Станислав Подольский

Стихотворения 121

Татьяна Третьякова-Суханова

Стихотворения 129

Николай Ананьченко

Басни 237

ЛЕГЕНДЫ СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Татьяна Пестрякова

Звезда Даниила Осинового 131

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Блохин

Гвардии рядовой..... 245

Главный редактор

Владимир Бутенко

Литературное

Ставрополье

№ 1 (2022)

ББК 84(2Рос=4Ст)

УДК 821.161.1

Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова,
А. Куприн, Е. Полумискова, С. Скрипаль,
Т. Третьякова-Суханова**

Л64 Литературное Ставрополье. Альманах № 1.
– Кемерово: ОАО «ИПП «Кузбасс», 2022. – 260 с.

ISBN 978-5-85905-651-4

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел. (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

После заката

Закат украсил бронзовой каймой
Нависшие над горизонтом тучи
И скрылся за дубовой стеной,
Лучи развесив на корявых сучьях.

Темнело...

На листе тускнела медь...
Полоска дня всё становилась уже...
Раскинутую стынущую степь
Сентябрьский вечер сумраком уютжил.

Из рук Вселенной выпала луна –
Озябшая, несмелая, глухая.
Росла над капонирами она,
Как яблоко, от света набухая.

Туман ночной курился у земли,
Пытаясь залечить окопы-раны,
И звёзды яркой россыпью цвели,
Как незабудки под окном у мамы...

На НП*

Полыхало осенними красками поле,
Пряча рваные раны невинной земли.
Находясь на НП, я и друг Анатолий
За чужой стороной наблюденье вели.

Ледяная крупа нас хлестала по лицам,
Шлифовала горбы вросших в землю камней.

**СЕРГЕЙ
ЛОБАНОВ**

Поэзия

«Как ты думаешь, брат, неужели случится?» –
Я, задумавшись, тихо спросил о войне.

Улыбнулся Толян, ничего не ответив,
И на небо взглянул, поправляя АК**.
...По окопам шнырял обездоленный ветер,
Мир висел на хвосте спускового крючка...

*НП - наблюдательный пост

** АК - автомат Калашникова

На вокзале

На бетонном полу в тёплом зале вокзала,
Как бывало не раз, разведрота лежала:

Кто-то спал, уместившись на узком картоне,
Кто-то грыз зубочистку и думал о доме.

Ночь давила на окна февральским морозом,
А разведчики ждали сигнал тепловоза,

Когда тот загудит, приближаясь к перрону.
Но согласно особому в жизни закону

Он, увы, не спешил... И дежурный диспетчер,
Сожалея, сказал: «Тепловоз ваш далече».

...На бетонном полу в тёплом зале вокзала,
Как бывало не раз, разведрота лежала.

Крепкий сон одолел всех разведчиков, кроме
Командира-отца... Он стоял на перроне...

Вдова

Заочно крещена войною –
И ни жива, и ни мертва.
Ещё вчера была женою,
Теперь – скорбящая вдова.

Горит лампадка возле фото,
Лежит на рюмке чёрный хлеб.
Она, в слезах, бормочет что-то,
Укутавшись в любимый плед.

Печален Промысел Господень...
И кто-то скажет – «Ну, как есть».
...В ладонь зажат посмертный орден –
Серебряный тяжёлый крест.

Три дня

Ты выжил там, где властвовала смерть.
Она тебя, мой брат, три дня пытала.
Ты мог бы сдаться, мог бы не терпеть,
Но для тебя погибнуть – было мало.

Израненный, средь дыма и огня
Три дня лежал ты в поле у дороги,
Когда твои погибшие друзья
Уже в раю беседовали с Богом.
Ночами, в ожидании зари,
Боролся ты с чужой февральской стужей.
И чтобы жажду как-то усмирить,
Ты ел кровавый снег и пил из лужи.

Бои гремели где-то в стороне:
Рвались снаряды, голосили мины.
Едва дыша, ты думал о жене
И некрещёном годовалом сыне.

На третью ночь тебя нашли свои.
Играло небо звёздною картечью.
И даже громогласные бои
Не заглушали звуков русской речи.

...Живи, мой братец, всем смертям назло!
Со временем затянутся все раны.
И знай, тебе не просто повезло –
У Бога на тебя другие планы.

За селом

Иду вдоль дороги по краешку поля,
Топчу разнотравье, сшибая росу.
Еще не жара, а во рту – привкус соли,
И хочется пить, как бродячему псу.

Бледнея, луна вековой черепахой
Ползёт по бескрайней небесной степи,
И яшень в июльской зелёной рубахе
В тени тополей неприкаянно спит.

Цикорий цветёт... Молодыми глазами
Он преданно смотрит в заветную синь.
...Всё поле со мной говорит голосами,
И горечью пряной дурманит полынь...

По следу зверя...

Повесть

Часть вторая¹

1

Кутора

«Совершенно секретно
Начальнику 2-го Управления
НКГБ СССР тов. Федулову.
Город Москва.

20 августа на территории Воронежской области был арестован немецкий агент Коротков Егор Кузьмич, 1910 года рождения, бывший красноармеец, уроженец города Курск. Установлено, что с весны по осень 1943 года он проходил обучение в Варшавской школе немецкой разведки и в ночь на 3-е октября того же года был заброшен в СССР, в район города Тамбов. Сопроводительную записку к документу прилагаю.

Начальник Управления НКГБ по Воронежской области подполковник госбезопасности.

*Смирнов И.В.
Сентябрь 1944 г.»*

¹Первая часть опубликована в нашем альманахе в № 2 и 3 2021 г.

**ВАЛЕРИЙ
БРОДОВСКИЙ**

Проза

На вечерний город незаметно опускались сумерки. Отложив доклад, Поликарп Матвеевич Федулов не спеша докурил папиросу, раздавил окурок в тяжелой бронзовой пепельнице и включил настольную лампу. Вспыхнув мягким зеленоватым светом, стеклянный абажур разбросал по стенам причудливые тени. Устало откинувшись на высокую спинку кресла, полковник задумался.

Уже двое суток он, как и многие в Управлении, оставался на рабочем месте. За последние недели на его столе скопилось множество донесений из разных мест о раскрытых шпионах. Внимание привлекало то, что почти все они проходили подготовку в Варшавской школе разведки «Жемчужина».

Успехи Красной армии, перешедшей в решительное наступление на всех фронтах, и практически полная потеря занятых ранее советских территорий вынуждали вермахт решительно пересмотреть план ведения войны с русскими, а руководство абвера – расширить агентурную сеть в западной и северо-западной части Советского Союза.

В Германии разведывательно-диверсионными и карательными операциями занимались в основном две организации – Главное управление имперской безопасности РСХА, а за рубежом – абвер.

«Неужели немцы не понимают, что война идет к концу и рано или поздно ими будет проиграна? На что Гитлер рассчитывает?» – тревожно размышлял Поликарп Матвеевич. Для него скорая победа советского народа не вызывала сомнений. После первых тяжелейших неудач Красная армия сумела устоять, собраться с новыми силами и дать врагу решительный отпор.

Федулов встал из-за стола, подошел к окну и приоткрыл одну из створок, чтобы проветрить кабинет. Взгляд невольно задержался на деревьях, по которым ранняя осень, словно искусный живописец, размашисто прошла кистью, придав кронам золотисто-медный оттенок.

Вернувшись, он достал из раскрытой папки сопроводительную записку к докладу подполковника Смирнова и погрузился в чтение. Что-то в деле немецкого агента Короткова его насторожило. Поликарп Матвеевич снова, на этот раз более внимательно, изучил докладную записку.

«...С целью легализовать свое присутствие на территории СССР Коротков Е. К., в форме старшего лейтенанта Красной армии, появился в Городском совете города Тамбов, где интересовался у сотрудников, не проживала ли здесь его семья – жена и малолетняя дочь. С его слов, они могли приехать сюда в начале войны из Курска. Получив соцсправку об отсутствии данных о своих родственниках, Коротков отправился в город Воронеж. Здесь он продолжил безуспешно разыскивать жену и дочь, о чем имеет аналогичную справку...»

Федулов задумался. Такие справки, полученные немецкими агентами в двух-трех советских городах, являлись прекрасным прикрытием для их безопасности. Любой патруль, остановив офицера Красной армии, разъезжавшего по городам в поиске потерявшей во время войны семьи, с пониманием отнесся бы к его несчастью. Сотрудники Абвера знали, на какие чувства советского человека воздействовать.

«...В Воронеже, – продолжал читать Федулов, – рассматривая выданное в связи с ранением отпуск-

ное удостоверение Короткова, один из патрулей выявил в нем подделку. Офицер был доставлен в городскую комендатуру, где при досмотре у него обнаружены: чистые бланки различных организаций, продовольственные аттестаты, отпускные документы, справки о ранениях, наградные удостоверения к медали «За отвагу» и ордену «Красная звезда» и около восемнадцати тысяч рублей...»

Поликарпа Матвеевича озадачило, что многие из задержанных в разных местах агентов были также снабжены большим количеством документов и чистых бланков, на которых заранее были проставлены печати учреждений, но только у Короткова, кроме бланков на русском языке, обнаружили отпечатанные на латинице. На их угловых штампах и круглых печатях были указаны важные стратегические объекты, как военного назначения, так и народного хозяйства Литвы. «Выходит, немцы Короткова готовили для заброски в северную республику? Тогда почему он кружил между Воронежем и Тамбовом?» Федулов снова задумался. В тылу воюющей страны лишнее перемещение агента из одного города в другой было рискованным. Могло вызвать подозрение советских спецслужб. Руководители немецкой разведшколы не могли этого не понимать.

Одно было совершенно ясно: Короткова немцы на территорию СССР забрасывали на долгий срок. Зачем?..

В дверь, постучав, вошел высокий стройный капитан Глазков, секретарь Федулова. Поставив на стол небольшой поднос с чашкой чая и блюдцем, на котором лежали галеты, офицер в замешательстве остановился.

– Товарищ полковник, снова будете всю ночь работать? Нельзя ведь без сна... Может, перекусите?

Федулов вспомнил, что в запарке отказался от обеда. Есть и сейчас не очень хотелось, но на предложение секретаря согласился:

– Это можно.

– Сейчас принесут. Я быстро...

– Вот что, Серёжа, – голос полковника остановил его. – Подготовь мне к полудню данные о Тамбове и Воронеже. Есть ли в этих городах или ближайших к ним населенных пунктах объекты военного назначения.

– Есть!

Глядя ему вслед, Поликарп Матвеевич усмехнулся:

– Если «есть» в смысле кушать, то это в первую очередь! И сам не забудь поужинать.

Оценив шутку начальника, капитан подхватил:

– Есть самому поесть!

Дождавшись, когда дверь за помощником закроется, полковник вновь обратился к записке Смирнова.

«...Нами также установлено, что собственной семьей Коротков обзавестись не успел. До войны он отбывал срок в Вятской исправительно-трудовой колонии как кулацкий элемент... – Федулов знал: лагерь этот, организованный в Верхнекамском районе Кировской области еще в 1931 году, был одним из крупнейших в системе Главного управления лагерями, куда ссылали политически неблагонадежных. Официально же его зарегистрировали в 1938-м. Тогда и попал туда один из его дальних родственников, о чем Поликарп Матвеевич никогда и никому не говорил. – ...Осе-

нию сорокового года Коротков был освобожден, а в декабре сорок первого призван в ряды Красной армии... В марте 1942 года добровольно сдался гитлеровцам в плен и был переведен в город Прокурор, где записался в 5-й Северо-Кавказский легион, назвавшись кубанским казаком. После участия в боевых действиях против советских войск его направили в Варшавскую школу разведки, где он изучал структуру Красной армии, ее руководящий состав, минно-подрывное дело, топографию, организацию агентурной сети...»

Лишь под утро Поликарп Матвеевич позволил себе ненадолго прилечь на выдавший виды, потертый кожаный диван, жалобно застонавший старыми пружинами.

Работа в спецотделах особого Управления проводилась оперативно. Едва напольные часы старинной работы, в резном красного дерева футляре, звонкими замирающими ударами отбили десять утра, капитан Глазков положил на стол начальника доклад.

Ознакомившись с ним, Федулов узнал, что в городе Тамбове располагаются большие подземные склады с запасами оружия и боеприпасов, а также действуют несколько оборонных предприятий и объектов военного назначения. Заинтересовать гитлеровских шпионов мог и Воронеж.

Отложив доклад, офицер встал, с удовольствием, до хруста в позвоночнике, потянулся, словно собирался достать головой потолок, и медленно зашагал по кабинету, привычно заложив руки за спину. От недосыпания немного кружилась голова. Вспомнив, что за весь прошлый день так ни разу и не позвонил родным, подошел к аппарату связи...

Лето уже уступило календарное право осени, но солнце все еще щедро дарило тепло всему живому на земле. В такое время лежать целыми днями мешком на скрипучей, до смерти надоевшей койке, Сверчок находил кошунственным.

Заняв привычное место у окна, которое облюбовал сразу же, как только доктор разрешил ходить после операции, юноша открыл книгу, собираясь погрузиться в мир приключений героев Фенимора Купера. В госпитале была неплохая библиотечка, собранная городскими ребяташками для раненых. Заметив в окно резвящихся на дворе кошек, гонявших по двору голубей, он вложил закладку обратно и стал наблюдать. Словно передразнивая полосатых преследователей, птицы невысоко вспархивали и, отлетев от прежнего места на небольшое расстояние, снова садились на землю, торопливо подбирая хлебные крошки, которыми делились с ними находившиеся на излечении солдаты и офицеры. За высоким кирпичным забором шумел возвращавшийся к мирной жизни, посеревший от горя и разрухи городок, хранящий следы войны.

Услышав, как за спиной скрипнула несмазанными петлями дверь, юноша обернулся. В палату, кого-то разыскивая среди раненых, ступил молодой, гладко выбритый офицер в новой, еще не полинялой форме. Потеряв к незнакомцу интерес, Сверчок вернулся к кошкам и голубям.

– Так вот где доблестные партизаны отдыхают? – раздался вдруг позади него знакомый голос. Сверчок снова обернулся. Широко улыбаясь, в двух

шагах от него стоял Виктор Вовк. – Не госпиталь, а сплошной курорт, понимаешь! Живи – не хочу!

Не сдержав эмоций и нарушая всякую субординацию, юноша бросился офицеру на грудь:

– Товарищ старший лейтенант! Как же вы меня нашли?

– Ну, во-первых, боец Цвирко, ты забыл, что мы разведчики и узнать, где лежит мой боевой товарищ, дело плевое! А во-вторых, – уже капитан! – мягко пожурил он его за невнимательность.

Только сейчас Коля обратил внимание, что на погонах офицера красовалось по четыре маленькие звездочки...

Покинув здание госпиталя, они спустились во двор, решив прогуляться по дорожкам небольшого парка, окружавшего бывший санаторий.

– Признаться, встретить вас на улице, я бы не сразу узнал, – заметил Сверчок.

– Ясное дело. Ты же меня бритым и в форме никогда не видел.

– Да, а усы-то с бородой знатные были! – улыбнулся юноша. Рана давно затянулась, но нога все еще побаливала, из-за чего ему приходилось немного опираться на костыль.

– Думаю, скоро снова придется отрачивать, – нахмурившись, загадочно произнес капитан.

Сверчок уже собирался расспросить, что означают его слова, но вовремя сдержался. Командир Чепраков учил бойцов не проявлять излишнее любопытство. «Офицеры сами решат, когда и что донести до подчиненных», – помнил он оброненные однажды Федором Ивановичем слова.

С десяток метров они прошли молча. Сверчок собирался спросить, что известно о судьбе их ко-

мандира, но, опасаясь услышать печальную весть, так и не решился.

Наконец, оторвавшись от своих мыслей, в которые был погружен, Виктор Вовк скосил взгляд на костыль.

– Как нога, сильно болит?

– Практически нет, – соврал Сверчок.

– В таком случае, не надоело тебе матрац давить? Война, между прочим, еще не окончена.

Почувствовав некоторую укоризну в голосе офицера, юноша стал оправдываться:

– Да я хоть сейчас, товарищ старший лей... ой, капитан! Только врачи не отпускают. Говорят, рана снова может открыться.

– Знаю, Коля, знаю. – Вовк положил руку ему на плечо. – Я разговаривал с твоим врачом. Доктор рассказывал, что в рану грязь попала. Медики, считай, тебя с того света вытащили.

– Грязь – это, наверно, когда мы с Матюшиным боролись. Здоровый бугай! Чуть не придушил меня.

– Ребята, когда узнали, что у тебя заражение крови началось, а это, брат, дело нешуточное, сразу стали пенициллин искать. В госпиталях его не хватает, а без него ты бы не выжил. У нас ведь своего пока мало, а союзнички, будь они неладны, не очень торопятся с поставками. Меня в это время как раз в Москву вызвали на доклад к одному высокопоставленному офицеру. Через него и нашли тебе лекарство.

– Так это, значит, я вам обязан своим выздоровлением! – Сверчок с благодарностью взглянул на офицера.

– Да брось ты! Все мы друг другу чем-то обя-

заны. Да! – вдруг спохватился Вовк. – Я же главное тебе не сказал! К тому времени, как меня с комиссаром Строжевским вызвали для доклада, наш отряд, как боевую единицу, расформировали. Можно сказать, списали в архив.

– Как?! – Новость повергла Колю Цвирко в уныние. – А как же война? Сами же говорите – она еще не закончилась! Я думал, мы до Берлина дойдем, там и встретим победу.

– Встретим, Сверчок, обязательно встретим. Может, не там и не вместе, но встретим.

Последние слова совсем испортили настроение.

– Не вместе? Я так надеялся с вами дойти до Берлина! И дед Захар мечтал. Помните, как он хотел пройтись по его улицам?

Юноша с надеждой смотрел на офицера, но его вопрос остался без ответа.

– Разговор к тебе имеется, Николай, – осторожно начал Вовк, предложив присесть на пустую лавку. – Очень важный разговор.

Появившееся в голосе офицера напряжение передалось Сверчку. Он по-своему оценил его слова.

– Если вы по поводу того, что я сдался в плен и затем привел фашистов к Николиному хутору, – так я уже все кому надо рассказал, – выпалил, словно выстрелил, юноша. – Скажу только, что не знаю, откуда немцам стало известно о нашей встрече с подпольщиками там, у мельницы. Сам все гадаю.

В госпиталь к нему, действительно, приходил офицер из особого отдела. Подробно расспрашивал о том, как попал в плен, но все больше о Ма-

тюшине. Перед уходом особист заверил, что все подозрения с него будут сняты.

– Ну, зачем ты так?! – Капитан недовольно скривил губы. – Никто тебя ни в чем не винит и не подозревает. К тому же Федор Иванович рассказал, что ты его приказ выполнял. Правда, подробностями он поделиться не успел, но это уже неважно. Строжевского отозвали на гражданку, и тебе теперь уже ничто не грозит.

– Куда его?

– По слухам, направили в один из дальних районов Белоруссии на партийную работу. Теперь там будет искать врагов.

Судьба бывшего комиссара отряда меньше всего интересовала Сверчка. Куда больше ему хотелось узнать о командире и других боевых товарищах.

– Что с Федором Ивановичем, жив? – решил он спросить.

– Ты не знаешь? Хотя откуда. Мне и самому об этом только недавно стало известно. Жив наш Федор Иваныч, жив!

Радость охватила юношу.

– Врачи его, можно сказать, с того света вернули. Пуля в голове застряла. Видно, на излете была, силу потеряла, иначе бы... Правда, в каком он состоянии сейчас, я не знаю. Все-таки ранение в голову. Зато узнал, где лежит. Надеюсь, в ближайшее время сумею навестить его.

– Хорошая новость! – сдержанно, как и подобает взрослому человеку, изрек Сверчок. – А что с дедом Захаром?

– Потом, Коля, потом мы с тобой обо всем поговорим. Извини, но у меня совсем мало времени.

– По привычке понизив голос, будто их кто мог подслушать, Виктор спросил: – Скажи, ты смог бы повторить путь, по которому преследовал Матюшина?

– Какой же там путь, товарищ капитан?! – удивился юноша, поеживаясь от пробежавшего по парку прохладного ветерка. – Лес один. Тем более, что половину пути я ночью прошел. Теперь вряд ли найду. А зачем?

Явно удрученный таким ответом, капитан перевел взгляд на аккуратно подстриженный, сохранивший еще часть листвы куст чубушника, в глубь которого, весело чирикавая, залетели погреться воробьи. Осень осторожно заявляла свои права.

– Ты, конечно, знаешь, что в тот день, когда гнался за Матюшиным, нам не удалось освободить город. К счастью, через два дня в него вошли наши войска. В кабинете небезызвестного тебе капитана Хойера были обнаружены документы. Всего несколько папок, но они оказались чрезвычайно важными. Немцы – народ дотошный, все записывают. В общем, среди бумаг обнаружился список папок, которые должны были находиться в кабинете Хойера, но некоторых там не оказалось. А тут Матюшин на допросе проговорился. Сказал, что оставил какие-то в лесу. Они лежали в ранце с драгоценностями. Где – не помнит. Помнит, что это был день. Так что, Коля, вся надежда на тебя. Если бы ты смог пройти тем же маршрутом и отыскать их...

Коля Цвирко понял главное: ему, как и прежде, доверяют. От радости хотелось вскочить, отшвырнуть костыль в кусты и крикнуть, что он в лепеш-

ку расшибется, но найдет эти чёртовы папки.
– Когда выезжаем? – спросил, не раздумывая.

3

Услышав на другом конце провода тревожный голос жены, полковник Федулов выдохнул в трубку:

– Здравствуй, Машенька!..

Супруга не любила телефонные звонки. Боялась их. Но еще больше она пугалась, когда аппарат в их доме надолго замолкал. Это началось в тридцать девятом году, когда Поликарпа Матвеевича в первый раз арестовали. Тогда его обвинили в троцкизме. В стране уже не первый год шла чистка партийных рядов. Выискивали врагов народа. Опытный разведчик, Федулов понимал, чем грозило человеку такое обвинение. Однако вскоре его неожиданно отпустили и отправили на войну с финнами.

Второй раз арестовали уже перед самым нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Такая же участь постигла еще десятка два офицеров. На этот раз их всех обвиняли в связях сразу с несколькими иностранными разведками.

И снова ему повезло. В начавшейся войне с фашистами специалистов с богатым опытом разведывательно-диверсионной работы в армии оказалось не так уж много. Федотова вернули на службу и назначили ответственным за подготовку диверсантов-парашютистов.

От природы малоразговорчивый, Поликарп Матвеевич после второго ареста совсем замкнулся. Наученный горьким опытом, когда по навету человека, которого считал приятелем, был арес-

тован и некоторое время провел за решеткой, он на службе старался ни с кем не сближаться. Не заводил друзей и среди гражданских лиц. Отшучивался, мол, должность не позволяет. Сослуживцы его считали сухарем. И только дома, среди родных, Поликарп Матвеевич преображался, становился мягким и заботливым отцом и любящим мужем.

С супругой Марией, школьной учительницей, Федулов познакомился в одной из своих командировок. Они могли часами говорить на разные темы. Избегали лишь разговоров о политике и его профессиональной деятельности. Поликарп Матвеевич берёг жену. Понимал: так лучше для них обоих.

Единственного сына-восьмиклассника Володю полковник обожал. Старался каждую свободную минуту проводить с ним. Глядя, каким добрым и покладистым мальчуган растет, сетовал: «В тебе совсем нет ни капли здоровой злости, Вовка! С таким мягким характером тяжело придется в жизни!» Памятуя, как знания самообороны без оружия не раз выручали его на войне, но особенно в тюрьме, в какой-то момент он решил обучить сына боевым приемам. Уверял: «Хоть раз в жизни тебе это обязательно пригодится!» Но мальчика больше тянуло к книгам.

...Убедившись, что с его родными все в порядке, Федулов сел писать докладную записку своему начальнику, комиссару госбезопасности 2-го ранга Абакумову...

Поздно вечером, вызвав из ведомственного гаража машину, полковник отправился домой. Здесь, в уютной домашней обстановке, созданной

заботливыми руками любимой женщины, он наконец смог расслабиться.

Встретив отца в прихожей, сын не отходил от него даже тогда, когда тот, пофыркивая от удовольствия, умывался холодной водой в ванной комнате. Володю интересовало все, что касалось войны.

– Пап, а в школе говорят, что Черчилль нам совсем не друг, хоть и воюет против Гитлера! А правда, что нам еще долго придется драться с проклятыми фашистами? Ты как думаешь, когда наши окончательно разобьют их?..

– Скоро, Володь, очень скоро! Ты лучше расскажи, что нового в школе проходите? – останавливая вереницу вопросов, заинтересовался Поликарп Матвеевич, застегивая пуговицы на рукавах свежей сорочки.

– А, ничего интересного, пап. Вот по биологии землероек проходим. Ты знаешь, как их еще называют?

Володя протянул отцу раскрытый на нужной странице учебник. На рисунке некий зверек зарывался в землю.

– И как же их называют?

– Бурозубки! Зубы у них мелкие, но очень крепкие.

– М-да, человеку бы такие, чтобы гранит науки грыз, да, Вовка? – вздохнул Поликарп Матвеевич, сожалея, что у сына не замечалось особых способностей к точным наукам. Он хотел видеть его физиком или знаменитым математиком.

Пропуская слова родителя мимо ушей, мальчик принялся взахлеб рассказывать все, что вычитал о землеройках.

– Самые свирепые и прожорливые из них называются куторами. Они единственные, которые выделяют смертельный яд.

– Да?! И где же эти твари обитают? Надеюсь, не у нас? Что-то не очень хочется быть покусанными ими.

– Не бойся, не покусают, – засмеялся сын. – Куторы в Америке живут.

– В Америке? Самые ядовитые, говоришь?

– Ага. Смотри, какие симпатичные!

– Да уж, те еще красавцы. Значит, куторы...

В ожидании ужина, над которым хлопотала на кухне супруга, Поликарп Матвеевич присел на диван. Рядом примостился, прижавшись головой к отцовскому плечу, сын. Полковник приобнял его за плечи и, не в силах противостоять сну, прикрыл глаза. «Значит, куторы», – едва слышно прошептали его губы...

Утром следующего дня Федулов был вызван в кабинет заместителя наркома обороны и начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ», комиссара госбезопасности 2-го ранга Виктора Семеновича Абакумова.

Увидев полковника в дверях, хозяин кабинета, продолжая кого-то отчитывать по телефону на другом конце провода, призывно махнул рукой, приглашая занять место за столом. Закончив разговор, Абакумов нервно бросил трубку на рычаг и тут же, абсолютно спокойным голосом, произнес:

– С докладом твоим, Поликарп Матвеевич, я ознакомился. Ты правильно полагаешь, что немцы усилили деятельность в нашем тылу. Донесения приходят даже с Урала и Кавказа.

– Так и есть, товарищ комиссар второго ранга, – кивнул Федулов. – Абвер далеко забрасывает своих агентов.

– Что конкретно тебя насторожило в аресте Короткова?

Абакумов откинулся на спинку кресла – верный признак того, что готов спокойно выслушать, – и впился в подчиненного пронизывающим взглядом, каким многих доводил до нервной трясучки, но только не полковника Федулова.

Поликарп Матвеевич вздохнул:

– Бланки, товарищ комиссар второго ранга. Я писал об этом в докладе.

Голос Виктора Семеновича возвысился:

– А ты мне еще раз, теперь на словах, объясни!

– У задержанного Короткова обнаружены бланки организаций, которые находятся на территории Литовской республики. Пока непонятно, почему агент с такими документами появился в Воронеже и Тамбове, а не в Прибалтике.

Губы Абакумова сузились в нитку.

– Так развяжите язык этому Короткову? Мне вас, что ли, учить?

– Это не тот контингент, товарищ комвторанга, с которым следует разговаривать с позиции силы, – возразил Федулов. – Такие люди не боятся смерти, а значит, если не захочет, ничего не расскажет.

– У каждого человека есть болевая точка. – Абакумов сжал кулаки. – Найдите ее и надавите! Поищите родственников. Попробуйте воздействовать через них.

– На это у нас нет времени. Да и боюсь, чтобы не вышло, как с агентом Сысоевым...

В самом начале войны попав в плен, старший лейтенант Красной армии Алексей Сысоев не сразу согласился работать на гитлеровцев. Майору из немецкой контрразведки пришлось немало потрудиться, прежде чем советский офицер подписал нужную бумагу. Решающую роль, заставившую Сысоева пойти на сотрудничество с фашистами, сыграла фотокарточка, которую гитлеровец положил на стол перед ним. На снимке майор стоял рядом с его матерью, оставшейся на оккупированной территории. До войны Сысоев увлекался фотографией и без труда определил – снимок подлинный.

– Видите, мы ее нашли, – ухмыльнулся немец. – Если понадобится, мы каждого найдем. – Слова эти прозвучали как угроза. – Ваш старший брат, офицер-пограничник, убит, – продолжал майор. При этом лицо его неожиданно приняло страдальческое выражение. – Я искренне вам сочувствую, господин Сысоев! Правда! К сожалению, на войне это часто случается. Так будет и с вами, если откажетесь сотрудничать.

– Расстреляете меня? – усмехнулся Алексей. – Я же военнопленный, а военнопленных не расстреливают!

– Да, но вас застрелят при попытке к бегству...

Циничный ответ не удивил Сысоева. К чему-то подобному он был готов.

– Но сначала мы расстреляем вашу мать. – Гитлеровец не мигая смотрел на пленного. – И вы об этом непременно узнаете...

Алексей молчал. Что-то в душе подсказывало, что брата действительно нет в живых. Слишком уж уверенно заявлял об этом майор.

– У вас удивительная мать! Такая разговорчивая, – продолжал тем временем немец. – Я, кстати, узнал от нее, что вы не женаты. А вот у вашего брата остались жена и двое детей. Мальчики, если не ошибаюсь?..

Алексей промолчал, готовясь услышать нечто более страшное, нежели то, что его расстреляют.

– Мы пока не нашли их, но, думаю, это вопрос времени. Догадываетесь, что будет с ними в случае вашего отказа?

Циничная ухмылка снова обнажила мелкие кривые зубы фашиста. Присев на край письменного стола в непосредственной близости от лица Сысоева, майор достал из кобуры пистолет и стал разглядывать его, точно видел в первый раз. Во всем его облике чувствовалось превосходство победителя.

Алексей попытался улыбнуться, чтобы скрыть свой страх за племянников.

– Знаю, убьете. От вас вряд ли что другое можно ожидать. Только воевать с детьми – разве это по-мужски?

Майор захохотал.

– О, нет, мы их не уничтожим! Мы не варвары. Германский народ вырастит из них достойных солдат, и они будут служить Великому Рейху.

– Насколько я помню, так поступали монголы, – заметил Сысоев. – Уничтожая народы, они обычно забирали с собой мальчиков, чтобы воспитать воинов. Только это было много веков назад, в дремучие времена.

Сравнение со степными завоевателями майору явно не понравилось. Смерив пленного тяжелым взглядом, он встал.

– А вы неплохо знаете историю.

– Были и другие случаи, совсем недавние. Точно так же поступали турки-османы. Хотите быть похожими на них?

Алексей Сысоев мучительно размышлял, как поступить. Он был уверен, что эта фашистская сволочь, стоявшая сейчас напротив него, обязательно приведет в исполнение свои угрозы. Позволить палачу убить родную мать, жену брата, вырастить из любимых племянников рабов, он не мог.

Как и многие тысячи других советских военных, попавших в плен в первые же дни войны, старший лейтенант был морально подавлен стремительным отступлением Красной армии, в силе и мощи которой их так уверяло руководство страны.

Измученный частыми многочасовыми допросами и голодом, он, в конце концов, сломался, согласившись на сотрудничество.

Майор Абвера был опытным вербовщиком. Он не зря старался, отбирая из многих десятков военнопленных офицеров именно этого человека. До начала войны Алексей Сысоев служил в штабе прифронтового округа и хорошо знал всю оборонительную структуру местности. В разгар наступления на Москву это было очень важно для армий Вермахта.

Немцам понадобилось всего несколько занятий, чтобы полностью изменить мировоззрение Сысоева. Его убедили, что советская система руководства основана на страхе, унижении и уничтожении собственного народа и потому является человеконенавистнической, а Великая Германия

принесет его народу настоящую свободу. Скоро немцы получили идейного противника советской власти.

Пройдя обучение в школе диверсантов, бывший старший лейтенант сначала был заброшен в тыл Красной армии, затем в Москву. Здесь ему удалось развернуть целую агентурную сеть. Людей он подбирал из недовольных сталинским режимом.

Почти долгих три года ему удавалось собирать необходимую информацию для своих немецких хозяев. Однако Сысоев не знал, что последний год он находился под колпаком советской контрразведки. Немецкого агента сдал привлеченный им же к сотрудничеству инженер одного из оборонных предприятий. Пожилой мужчина сам обратился к сотрудникам государственной безопасности и честно рассказал, как и кем был завербован. Раскаявшемуся инженеру предложили некоторое время продолжить общение с гитлеровским вербовщиком. Умело снабжая вражеского агента дезинформацией, сотрудники контрразведки нередко подсовывали и настоящие данные, дабы не вызвать подозрений у его кураторов.

В конце концов Сысоев оказался в руках сотрудников «СМЕРШ», но идти на контакт с ними наотрез отказался. Не возымели действия и обещания сохранить жизнь. Алексея по-прежнему волновала судьба родных, все еще остававшихся на оккупированной территории.

Его нашли повесившимся в камере, в которой он успел отсидеть четыре дня. На стене кровью из прокушенного пальца бывший советский офицер начертил: «Стыдно»...

Вспомнив историю абверовского агента, Абакумов недовольно цокнул языком:

– Упустили мерзавца! Под суд бы всех, кто в этом повинен. Надеюсь, больше такое не повторится?

– Так точно! – вскочил в стойку полковник и тут же сел обратно, повинувшись властному жесту руководителя.

Вынув из ящика в столе папку с документами, руководитель военной разведки достал из нее один из листков и положил перед собой.

– Как думаешь, зачем Короткову Литва?

– По нашим данным, там еще остались небольшие немецкие части, а в тамошних лесах собираются десятки местных банд. Среди них встречаются и крупные. Туда же на соединение идут националисты из других республик.

– И не только в лесах, – поправил полковника Абакумов. – Немецкая агентурная сеть разбросана по всей Прибалтике. У меня есть данные нашей разведки из школы абвера в Нейгофе. – Голос хозяина кабинета стал ледяным. – То, что ты сейчас услышишь, Поликарп Матвейч, должно остаться в этих стенах. Кроме нас с тобой об этом будут знать лишь несколько человек в стране...

Услышав вместе с фамилиями наркома госбезопасности СССР, комиссара первого ранга Всеволода Меркулова и его первого зама, Богдана Кобулова, имена всесильного наркома внутренних дел Лаврентия Берии и самого товарища Сталина, полковник Федулов почувствовал, как к голове прилила кровь.

– Так точно, ясно! – хрипло выдавил он из себя. – Обязуюсь сохранить все в тайне! Слово офицера!

Последнее вырвалось неожиданно и прозвучало как-то старорежимно. Абакумов поморщился:

– Брось, Поликарп Матвеевич, не перед царем стоишь! – Встав из-за стола, он прошелся по кабинету. – Есть данные, что некоторые высшие офицеры из руководства абвера вступили в контакт с представителями спецслужб наших союзников. Понимаешь, что это означает?

– Как? – Федулов решил, что ослышался. – Как это возможно? Мы вроде как вместе бьем врага!

– У англичан и американцев далеко идущие планы. Капиталистам чужды идеи коммунизма. Им Советский Союз поперек горла стоит. Иосиф Виссарионович подозревает, что с поражением Германии война не закончится. – Абакумов снова сел на место. – Нам стало известно, что еще в прошлом году США и Великобритания стали вести сепаратные переговоры с Германией.

– Неужели они решатся ударить по нам? Как же Черчилль сможет объяснить своему населению, почему Великобритания сначала вместе с русскими боролась против германского фашизма, а потом напала на СССР? Простые англичане так легко не забудут гитлеровские бомбардировки Лондона.

– А их никто и спрашивать не будет. Любому народу очень просто внушить мысль о грозящей опасности извне.

– Получается, абвер сейчас усиливает разведывательную сеть не столько для себя, сколько для...

– Мы этого не исключаем. В случае поражения немцы захотят купить себе свободу. А как это сделать?

– Передать им свою налаженную сеть разведки, – согласился с комиссаром Федулов. – Легко сдаваться недругу, когда у тебя за спиной общий враг, а в рукаве такой мощный козырь, как готовая агентура.

– Вот именно.

Поликарп Матвеевич покачал головой:

– И все же я сомневаюсь, товарищ комиссар второго ранга. Решатся ли Черчилль с американцами рассориться с товарищем Сталиным?

Абакумов подался немного вперед:

– Товарищ Сталин уверен: если Англия и США нападут на нас, то непременно используют сдавшиеся им в плен немецкие армии. Нападение, скорее всего, произойдет со стороны прибалтийских республик, где у населения наиболее сильны националистические настроения. Мы должны сыграть на опережение.

– Каким образом?

– А это уже наша с тобой задача, полковник. И вот что нам предстоит...

4

Капитан Вовк не лгал, когда сообщал Коле Цвирко, что их отряд, возглавляемый после командира Чепракова короткое время комиссаром Строжевским, вскоре был расформирован. В ходе наступательной операции «Багратион», завершившейся в конце августа 1944 года, советские войска разгромили группу армий «Центр», отбросив фашистов на Запад. После освобождения Белоруссии и Литвы большинство партизанских отрядов, действовавших в тылу оккупационных

войск, прекратили свое существование. Часть бойцов влилась в состав подразделений Красной армии, чтобы продолжить борьбу с гитлеровцами. Остальные же вернулись к мирной жизни, восстанавливать разрушенные войной промышленность и сельское хозяйство.

Однако Вовк не сразу открылся Сверчку, что отделение разведчиков-диверсантов, которым в отряде Чепракова руководил он, по приказу Москвы было сохранено и увеличено до двух взводов.

Капитан лично отбирал бойцов из различных армейских соединений. На закрытой лесной базе, в восьмидесяти километрах от Минска, они проходили спецподготовку под руководством опытных офицеров Главного управления контрразведки «СМЕРШ», созданного еще в апреле 1943 года специально для борьбы с немецкими агентами. Группе, которую временно ему было поручено возглавить, предстояло выполнить особое задание Центра. Сюда и привез офицер Николая Цвирко из госпиталя.

Оставив позади несколько постов, на каждом из которых строгая охрана тщательно проверяла личные документы, серый «опель» въехал на огороженную колючей проволокой территорию. Здесь, на небольшом пятачке земли, уютно расположились недавно возведенные деревянные корпуса, еще дышащие свежестругаными досками. Вся остальная прилегающая зона была отведена под различные тренировочные площадки.

– Видишь, какой у нас тут строгий контроль? – покидая салон автомобиля, отметил не без гордости капитан. – И мышшь не проскочит!

– Угу, – кивнул юноша, последовав за ним. В этот момент взгляд его был прикован к спортплощадкам. На одной из них бойцы упражнялись со штангами и гирями. На соседней – отрабатывали друг на друге приемы рукопашного боя. До войны Коля обучался французской борьбе и сейчас почувствовал, как в нем просыпается здоровый спортивный азарт.

Уловив в его глазах характерный блеск, Виктор Вовк усмехнулся:

– Иди, погуляй немного. Может, кого из знакомых встретишь.

Не переставая загадочно улыбаться, он пошел докладывать начальству лагеря о своем прибытии.

Сверчок направился к группе в пятнистых маскхалатах, оттачивавших мастерство владения холодным оружием. Широкоплечая фигура одного из них ему показалась знакомой. Это был Олег Грушин.

Молодой незнакомец в гражданской одежде вызвал интерес старшего лейтенанта, проводившего тренировку. Узнав от курсантов, что прибыл их боевой товарищ, офицер объявил получасовой перерыв.

Встреча разведчиков, два года деливших радости и горести партизанской жизни, была бурной. Сверчку показалось, что о его появлении на этой базе многим заранее было известно. Обменявшись приветствиями, бойцы повели юного товарища к длинному узкому строению, служившему курсантам школы столовой, на ходу засыпая вопросами о самочувствии, времени, проведенном в госпитале и планах на будущее.

– План пока один – бить и дальше с вами фашистов! – гордо ответил Сверчок, несколько озадаченный вопросом. Он был уверен, что капитан Вовк его сюда для этого и привез.

Грушин, на плечах которого красовались свежие погоны старшего сержанта, возложив на себя заботу о прибывшем, ненадолго скрылся за дверью, ведущей на кухню. Вскоре он вернулся со сковородой, полной жареной картошки и мяса. Растволкав по сторонам облепивших юношу товарищей, Олег торжественно водрузил посудину на стол:

– Ешь, пока не остыло, а то глядеть страшно. Совсем истощал на госпитальных харчах.

Дежурный по кухне – боец с веселыми бегающими глазками, вынырнув из-за его спины, поставил перед юношей большую кружку компота из сухофруктов и приготовился слушать новости с «гражданки».

– Отведай-отведай, Сверчок, мясо местного дикого кабанчика! – демонстративно сглатывая слюну, поддержал Грушина ефрейтор Черенков по прозвищу Лопата. – Только вчера подстрелил! Знаешь, какой большой оказался, чертяка? Почти с меня ростом, – стал он хвастаться. – Еле доперли тушу в лагерь, скажи, Кнут! – повернулся он к сидевшему рядом дружку.

Тот как-то виновато потупился и сдержанно кивнул.

– Ну и мастак ты заливать, Черенков! – рассмеялся сидевший справа от Сверчка широкоплечий старшина Александр Андрусенко, носивший прозвище «Циркач». – С тебя ростом! Да такие в здешних местах отродясь не водились. Вот у нас в Сибири кабаны так кабаны!..

– У вас? Тю, какие там кабаны?! В вашей тундре им и жрать-то нечего! – стал спорить с ним рыжий Лопата, получивший свое прозвище не столько из-за фамилии, сколько за огромные ручки, которыми легко гнул кочергу.

– Сам ты тундра, – скривился Циркач. – Тайга у нас. – Глядя, с каким аппетитом юноша налегает на жаркое, старшина подломил руку под голову и мечтательным голосом заговорил: – Представляете, мужики, вернется Лопата после войны домой, придут к нему кореша и станут спрашивать, как он немцев бил, а он и скажет: что там немцев? Я секача огромного одним выстрелом промеж глаз подрубил!

– Ага! И с каждым разом размеры этого несчастного поросенка в его рассказах будут расти как на дрожжах, – вызвал дружный хохот Грушин.

– Ну и балаболы, – отмахнулся Лопата, словно назойливых мух отгонял. – Вам бы все зубоскалить...

– Слышь, Сверчок, расскажи лучше, как там, в госпитале? Не влюбился в какую-нить санитарочку часом, не? – прорвался сквозь смех и гвалт высокий, чем-то похожий на птичий щебет, голос белобрысого и худосочного Сергея Шепитько. – Что там, вообще, на гражданке-то? Девчат, небось, видимо-невидимо!

– Никого там по углам не зажимал? – оживился и Кнутов. – Смотри, жених, тебе нельзя! Тебя Лидка дома дожидается.

– Какой жених? Чего придумали? – вскинулся юноша, почувствовав, как предательски загорелись уши: «Вот, черти! Как они про Лиду-то пронюхали?»

– Жених-жених, чего там! Разведке все известно!
Коля округлил глаза:

– Не жених я ей! С чего взяли?

– Гля, как уши красной ракетницей осветились! – засмеялся Кнут. – Прав, значит, дед Захар был, когда про вашу с ней любовь сказывал.

– Натрепал вам старик, а вы и поверили. – Коля попытался оправдаться, но все было напрасно.

– Не-а, дед Захар твои чувства охранял, – заступился Циркач за старого казака. – Это он нашим кренделям открылся, чтобы к Лидке не приставали.

– Ага. Так и сказал, занята уже!

– Да ты не тушуйся, Сверчок, – обнял его за плечи Олег Грушин. – Хорошая девчушка. Душевная. Сильно переживала за тебя, когда подумала, что убит.

– Мы все так считали, – взгрустнули его товарищи, вспоминая летние события.

Отложив вилку, Коля поинтересовался судьбой деда Степаненко. Оказалось, что после расформирования отряда, никто из бойцов его больше не видел.

– Вовк сказывал, вроде как домой подался, – заметил кто-то.

– После войны обязательно разыщем старикана, – пообещал старшина Андрусенко, напомнив, каким чутким товарищем был тот им всем.

– Ну, так как там насчет девок-то? – напомнил Кнутов.

– Кто о чем, а Кнут о бабах, – незлобно буркнул Олег Грушин. – Дайте человеку поесть с дороги. В госпитале, наверное, одной перловкой да кислыми щами кормили?

– Да уж, такого великолепия точно не было. Когда немца бить пойдем? – спросил Сверчок.

Грушин с Андрусенко переглянулись.

– Как по мне, так лучше тут оставаться, – буркнул Олег.

– Точно, – немедленно поддержал его Александр. – Если так подумать, то лучше за кабанчиками охотиться, чем за фрицами.

– Местные говорят, что их нынче на редкость много развелось, – присоединился к их хору и голос Кнутова, и вдруг все, как по команде, куда-то заторопились. Последним столовую покидал старший сержант Грушин.

– Ты поешь, отдохни с дороги! – бросил он уже с порога. – Я дежурному по казарме скажу, чтобы койку подготовил.

Сверчок чувствовал, что старшие товарищи чего-то не договаривают. Отложив окончательно вилку, он перевел взгляд в окно. Небо над лесом заволакивало с севера грязно-серыми тучами.

К специальным занятиям, на которых курсантов обучали тонкостям разведывательно-диверсионной борьбы, капитан Вовк его не допустил. Разрешил лишь посещать спортивные площадки, что подтверждало подозрение юноши: он здесь ненадолго. Улучшив момент, когда они оказались одни, Сверчок поинтересовался:

– Меня что, в отряд не возьмут, товарищ капитан? Даже форму не выдали!

– С формой туго, – отмахнулся Вовк. – Вот можешь найти папки, там видно будет. Пока же отдыхай, жирок нагуливай.

Вечерами, сидя в кругу старых и новых товарищей, он слушал их рассказы о прошлой, дово-

енной жизни. Много нового узнавал о неведомых краях, откуда те призывались. В их сборном отряде люди были из разных мест. Коля радовался необъятности своей родины, величию духа советского народа, единым кулаком ударившего по коричневой чуме, как называл гитлеровцев бывший политрук Стржевский.

Разговоры о родных местах наполняли Колю тоской. Как давно он не видел мать с сестрой. Жив ли отец?

Иногда на него нападала хандра. Тогда юноша, с разрешения капитана Вовка или дежурного офицера по лагерю, где кроме их отряда проходили подготовку и другие, брал оружие и уходил в лес. Углубившись в чащу, он мысленно предавался разговорам с родителями. Живо представлял Коля и будущую встречу с Лидой. Не сомневался в том, что она состоится. Только немного пугала неопределенность. Не знал, как девушка поведет себя. Что, если заневеститься успела? Дед Захар говорил, что девки на это дело скорые.

Все чаще вспоминался ему и старый казак Степаненко...

5

В лагере Коля пробыл чуть больше недели. За это время организм заметно окреп, и он бросил костыль. Сожалел только, что раненая нога еще не позволяла полноценно заниматься борьбой, которую любил. Отдохновение находил, стреляя по мишеням. В этом он превосходил многих опытных бойцов.

К предстоящему заданию капитан Вовк бойцов готовил тщательно. На поиск документов началь-

ника районной жандармерии Клауса Хойера, кроме Сверчка, были снаряжены старший сержант Олег Грушин и ефрейтор Павел Черенков.

– ...Если встретитесь с неприятелем – в бой не вступать! – инструктировал офицер их перед самой отправкой. – Помните, что вы – сбежавшие полицейские.

Их переодели в гражданское, вооружили немецким оружием и снабдили настоящими документами убитых членов батальона шуцманштафта. Пригодились и те, которые Сверчок забрал у убитых им Власенко и Сухевича.

– Не забывайте, в лесах сейчас много наших групп, которые вылавливают диверсантов. Если нарветесь на своих – сдавайтесь немедленно, а после просите выхода на связь со мной или подполковником Циунчиком, начальником лагеря подготовки, – наставлял капитан Вовк. – Мы вас вытащим.

В осенний, изрядно промерзший лес они входили с той стороны городской окраины, откуда Сверчок начинал свое преследование Кондрата Матюшина и его сообщников. Утро в этот день выдалось пасмурным. Временами пугливо выглядывая, солнце тут же снова пряталось за тяжелыми тучами. Озябшие от осенней сырости, разведчики медленно шли следом за Сверчком, часто заглядывая под кусты и груды валежника.

Ближе к полудню небо прояснилось, и стало чуть теплее. Они решили устроить короткий привал. Нырнув в густой ельник, подальше от случайных глаз, все трое растянулись на сырой мшистой земле. Скинув с плеча вещевой мешок,

в котором хранились продукты, Черенков принялся развязывать узел. Пора было подкрепиться.

Внимательный Грушин первым заметил движение между деревьями и подал тревожный сигнал, но было уже поздно. Их брали в кольцо, вырваться из которого уже не представлялось возможным. Мысленно обругав себя за то, что проморгал, Олег выглянул из-за дерева.

– Эй, кто там ховается? Доложись! – прокричал старший сержант зычным голосом.

От охватившего волнения у Сверчка взмокла спина. Долгое пребывание в госпитале, вдали от военных действий, дало себя знать страхом, сковавшим все тело.

Один из тех, кто скрывался за деревьями, выступил на свет.

– Хлопци, звидкы будете? – обратился он на украинском.

– Свои мы! Из местного охранного батальона, – ответил Грушин.

– Ну, побачимо, яки свои.

Догадываясь, кто перед ними, Олег опустил автомат:

– Сами-то кто такие?

– С ридной нэньки утёкли! Прймайтэ в гости, друже, як що нэ поганы ми вам! – осклабился старший из украинских полицаев.

Разглядев на его плечах погоны ротного фельдфебеля, а на головном уборе свастику в лавровом венке, Грушин сделал шаг навстречу:

– Хорошим людям всегда рады.

На левом рукаве украинского «друга» заметен был штандарт с девизом на немецком языке «вер-

ный, храбрый, послушный». Такие носили только отмеченные особой храбростью.

Представившись Кузьмой Скоробогатько, фельдфебель попросил показать удостоверение.

– Нэ серчай, друже, бо час такой, що потрибно у всіх перевіряты.

Выданный на имя Василия Власенко документ не вызвал подозрений.

– Все нормально, – понимающе кивнул Грушин, дружески подмигнув остальным подошедшим украинцам. – Мы сами никому не доверяем.

– Мени можно, – хохотнул Скоробогатько, протягивая свой документ.

Взглянув на него, Олег едва сдержался, чтобы тут же не начать стрелять. Перед ним стоял командир одного из взводов 118-го украинского батальона штурманшафта, известного далеко за пределами Украины. Полицаяи этого подразделения принимали активное участие в карательных операциях против мирных жителей не только у себя на родине, но и в Белоруссии, где отличились особой жестокостью. За ними давно и безуспешно охотились сотрудники Управления «СМЕРШ».

– Говоришь, тебе можно доверять? А почему знаки различия сохранили? – Олег строго глянул на Скоробогатько, указав на погоны. – Вам что, не доводили указ о зольбухе?

Ротный фельдфебель не мог не знать, что с этого года гитлеровцы отменили все знаки отличия в полевой жандармерии, чтобы в случае пленения фельджандармы, участвовавшие в карательных операциях против мирных советских граждан, могли избежать преследования со стороны со-

трудников советской контрразведки. С этой же целью в батальонах стали выдавать фальшивые книжки, в которых указывалось, что данный сотрудник служит в охране продовольственных складов или других дополнительных структурах, и в боевых действиях не участвует. Но гитлеровцы просчитались. «СМЕРШ» на такую уловку не повелся.

– А що нам та немчура? Мы сами соби указуемо, що робити.

Вызывающий тон Скоробогатко породил дружный хохот у его подчиненных.

– У нас свои вожди е! Ми сами з вусами! – стали раздаваться реплики.

– Слух иде, що червоноармейци по лисах з нашими документами шаستاють. Навроде, як полицейские. Не бачив таких, ни? – вкрадчивым голосом спросил Кузьма.

Олег придал лицу озабоченное выражение:

– Нет, не попадались. А что, много их?

Украинец не ответил.

– Пидемо зараз з нами! – предложил он. – Трьом вам не вижити, а разом зручніше буде комуняк бити. Тільки вчора напоролися на их отряд. Чотирьох ми поклали, але и вони наших дев'ятьох до праотців видправили. Таке дило.

– А сколько вас?

– Та трошки е. Три десятки людин буде с гаком.

Грушин мучительно размышлял, как поступить – уйти и продолжить выполнение основного задания или... Отпускать украинских националистов он не хотел, но и справиться втроем с таким количеством хорошо вооруженных полицейав им не удастся.

– Ты верно говоришь, Кузьма. Вместе легче будет красных бить, – согласился Грушин, предупреждая взглянув на своих товарищей, чтобы не испортили задуманное им. – Только надо остальных наших привести. Они тут недалеко схоронились.

– Так вы що, не втрюх, чи що? – насторожился Скоробогатко.

– Нет. У нас тоже почти два десятка стволов. Мы в разведку отправились, узнать, что да как впереди. Хорошо вот, вас встретили. Теперь легче всем будет.

– Двадцать? Ось це добра сила! – Полицай одобряюще цокнул языком. – Добра! – Несколько секунд он смотрел на Грушина-Власенко, решаясь, довериться ему или нет. Наконец, достав карту местности, ткнул в нее пальцем: – Ось на цьому хутори и побачимся.

– Далековато будет, – недовольно проворчал Грушин, запоминая место. Он хотел выиграть как можно больше времени. – Раньше, чем к утру не поспеем.

– А мы що, поспишаемо чи що?! Гуртуйтесь, покиль мои хлопци трохи видпочинуть.

Пожелав украинским «братам» хорошо отдохнуть, разведчики скрылись в лесу.

Пройдя с километр, Олег остановился:

– Надо срочно выйти на связь с нашими!

– Далеко от своих ушли, не получится, – сокрушенно покачал головой Черенков.

– Я пойду, – вызвался Сверчок. – Дойду до какого-нибудь села и свяжусь по телефону.

– Куда тебе с твоей ногой? – Вынув из кармана такую же немецкую карту, какая была у Ско-

робогатко, Грушин отыскал на ней ближайший населенный пункт. – Пойдешь в это село, – повернулся он к Черенкову. – Оттуда до хутора, где нас будут ожидать полицаи, километров десять. Обратишься в местную администрацию. Сообщишь об украинских бегунках и скажешь, чтобы связались с армейцами или местным отделением госбезопасности. Времени у нас только до утра. Надо поторопиться. Мы встретим вас с южной стороны хутора.

Закинув автомат за плечо, Лопата поправил на голове картуз.

– А как же приказ капитана не вступать в бой? – напомнил он. Было видно, как ему не хочется оставлять их одних.

– А мы ему не скажем, – улыбнулся Олег, пряча карту в карман. – Ты пойми – это каратели! Кто знает, сколько мирных жителей они еще погубят. Можем мы это допустить?

– Не можем, – согласился с ним Сверчок.

Ефрейтор скептически покачал головой:

– А если в селе нет администрации и телефонной связи? Советская власть еще не везде восстановилась. Люди только возвращаются на места.

– В таком случае найдешь кого-то из бывших партизан. Они подскажут, что делать. Если вернешься без подмоги – уйдем тихо и все...

Выйдя на проселочную дорогу, ефрейтор Черенков направился на юг. Скоро показалась окраина деревни. Убегая, фашисты спалили ее, не оставив целым ни одного двора. Лишь обугленные печные трубы тянулись к небу могильными стелами. Заметив у одного из пепелищ мужчину,

Павел повернул в его сторону, держа на всякий случай палец на курке.

Увидев вооруженного незнакомца, мужчина, до этого достававший из пепла закопченные кирпичи и складывавший их в столбики, подобрал с земли немецкий пистолет-пулемет и стал с настороженностью следить за его приближением.

– Бог в помощь! – поздоровался Черенков с легкой улыбкой на губах.

– Был бы – давно пришел на помощь, – буркнул мужчина, глядя на него исподлобья. Как и многие высокие люди, он был сухопар и немного сутуловат.

– Понимаю, – с сочувствием произнес Лопата. Сняв с головы картуз, он прошелся ладонью по взмокшим от быстрой ходьбы рыжим волосам. – Как бы мне вашего главу повидать?

– Главу чего?

Павел недоуменно пожал плечами:

– Села или деревни, что тут у вас.

– Нет тут больше ни села, ни администрации, – ответил мужчина, рукавом куртки убирая с лица налившую сажу.

Черенков снова огляделся по сторонам, бросил взор на широкие, поросшие молодым подлеском равнины, на которых некогда колосились хлеба, на чернеющие от пожарищ подворья. Горе людское бывает разным. Иногда оно быстро забывается. Горе жителей этого села было жестоким, горьким, из тех, что навсегда оседает в душе золой.

– Я смотрю, вы вернулись на родную землю? Решили заново отстроиться? Значит, будет и село, и администрация при нем. Все будет. Иначе, зачем мы согнали фашистов с нашей земли?

Он повернулся, собираясь уходить.

Мужчина, все еще с подозрением щурясь, остановил его:

– А на кой тебе местный голова? Может, я сгожусь?

– Может, и сгодишься. Только как я могу быть уверен, что ты именно тот, кто мне может помочь?

– А что тебе нужно?..

Несколько минут спустя Мирон Карпов, – так он представился, – все годы оккупации воевавший в одном из местных партизанских отрядов, кликнул подростка лет четырнадцати. При появлении незнакомца тот все это время умело скрывался неподалеку в овражке.

– Егорка, сынок, скачи к дядьке Панасу, – велел отец. – Пусть немедля идет сюда со своими мужиками, понял?

Молча кивнув, паренек исчез в ближайшем лесочке, где деревья, обдуваемые ветром, роняли листву, оголяясь. Несколькими минутами позже он вновь появился верхом на старой буланой лошадке без седла.

Провожая взглядом поскакавшего к лесу паренька, к спине которого был прикреплен немецкий карабин, Павел Черенков с восторгом заметил Мирону:

– Как ловко он спрятался от меня! Я даже не заметил!

– Не прятался, на мушке тебя держал, – ответил не без гордости за сына Карпов.

Заметно прихрамывая, мужчина спустился в сохранившийся рядом со сгоревшим домом глубокий погреб. Несколько минут спустя появившись вновь, положил на землю немецкий

ручной пулемет и две коробки с полными лентами.

– Ого! – удивился Лопата, беря в руки смазанное маслом оружие. – Скорострел Бергмана? Откуда?

– У фрицев забрал по случаю, – отмахнулся Карпов, доставая из-за пояса парабеллум. Дважды выстрелив в воздух, он выдохнул: – К военным добраться не успеем. Они в райцентре обосновались, а до него далеко. Придется своими силами справляться.

На выстрелы из разных мест сожженного села, до войны раскинувшегося по обе стороны небольшой, змейкой петляющей мелководной речушки, сбежалось человек двадцать пять вооруженных людей. В основном это были женщины да несколько стариков.

– Знатная армия! – с трагическим сарказмом произнес Черенков.

– Все, кто остался, – пожал плечами Карпов, охватывая взглядом собравшихся. – Остальные – кто погиб при немцах, кто еще не вернулся. Мужики, те, что уцелели, сейчас записались в Красную армию. В начале войны не успели. Фашисты слишком быстро пришли в наши края, н-да.

Отобрав семерых боеспособных мужчин, все после ранений, Черенков решительно отказал женщинам и подросткам, пожелавшим выступить с ним.

– Свояк мой, Панас, поболее мужиков соберет, – уверенно заявил Мирон. – Он в соседнем селе живет. Трохи придется подождать. А куда предлагаю потрапезничать.

С этими словами он достал из узелка несколько отварных картофелин...

Еще не успела полностью рассеяться ночная мгла, когда рядом со Сверчком и Грушиным на остывшую осеннюю землю припали Павел Черенков и двое незнакомцев.

– Мирон Карпов и Панас Голубенко! – представил он их. – С ними тридцать человек. Все при оружии.

С пригорка, с которого старший сержант наблюдал за полицияями, хуторок виднелся как на ладони. Вокруг тревожно просыпался густой лес.

– Маловато. – Олег сокрушенно покачал головой. – Ночью к малороссам еще один отряд прибил. Человек двадцать, не меньше.

– Будем брать, – решительно заявил чубатый Панас Голубенко.

– Как? – вяло усмехнулся Грушин.

– Хитростью! Трошки покумекаем и решим.

– Поздно думать. Скоро совсем рассветет. Боюсь, уйдут они. А этого мы им позволить не можем. Так что атаку проведем прямо сейчас.

Все отползли назад, чтобы их не было видно. Грушин вынул из ножен штык-нож, очистил от травы и листвы небольшой кусок земли и стал чертить схему.

– Поступим так: поскольку они меня ожидают, то я пойду на хутор. С собой возьму человек пятнадцать. Отберите из своих самых боевитых. Остальным – минут сорок на то, чтобы оцепить хутор со всех сторон. Ни одна сволочь не должна уйти!

– Я уже сказал ребятам: в плен никого не брать! – заявил Панас, загоревшись желанием напасть на карателей немедленно. Его безжизненная левая рука, поврежденная осколком мины, была

ремнем притянута к груди. – Я эту гниль сам в землю сведу!

То, с какой ненавистью он произнес эти слова, не оставляло сомнений: так и поступит. «Кто знает, сколько горя пришлось перенести этим людям за годы оккупации?! – думал Олег, глядя вслед уползающим народным мстителям. – Наверное, они имеют полное право быть и судьями, и палачами»...

Услышав во дворе громкие голоса, Кузьма Скоробогатычко подскочил к окошку.

– Ваши все пидийшли? – спросил он, обернувшись навстречу вошедшему в хату Грушину-Власенко. – Де старший?

В комнате за столом сидели еще двое. В полумраке Олег не видел их лиц.

– Сейчас придет, только людей разместит. Народ устал, отдохнуть просит.

Скоробогатычко вновь наклонился к низкому окошку. Стоя так, он наблюдал, как прибывшие разбредались по заросшему бурьяном двору.

«Э, да ты трусишь выйти!» – язвительно подумал Грушин.

Со двора послышались громкие приветствия. Недавние партизаны, чьи руки еще не успели избавиться от запаха оружейной смазки, шумно здоровались со своими украинскими «друзьями».

– Как фамилия? – шумно отхлебнув из кружки, подал голос один из сидевших за столом.

Произношение выдавало в нем белоруса.

Выбирая удобное для стрельбы положение, Олег подошел ближе.

– Чья? Моя или командира?

Тусклый свет от догоравшего на столе огарка

высветил из полумрака часть лица и плечо говорившего. На черном погоне его кителя серебрилась свастика. Такие носили полицаи так называемой «индивидуальной службы». Рядом с ним сидел немец в форме фельдфебеля. Присмотревшись внимательнее, Олег заметил на его нашивке молнию. «Этого надо взять живым!» – решил он, заподозрив в гитлеровце связиста или радиста. Последние были редкой удачей для разведчиков. За такого ценного «языка» могли и к ордену представить.

– Я ж тебе говорю: Власенко вин! – оторвался от окна Скоробогатко. – Васыль Власенко. Я и документы бачыв.

Сидевший за столом напрягся.

– Василь, говоришь? – Рука полицая резко потянулась к пристенку за спиной, к которому были прислонены винтовки. – Дурак! Я Василя хорошо зна...

Не тратя более ни секунды, Олег одной длинной очередью срезал всех троих. Последним, успев выхватить из кобуры пистолет, на пол свалился немец.

Едва в доме раздались выстрелы, ожидавший за дверью Сверчок вихрем ворвался внутрь.

– Жив? – выкрикнул он, заметив склонившегося у окна товарища.

– А то!

Выбив стекло, Грушин выставил в окно ствол автомата.

Удостоверившись, что старший сержант цел, Сверчок развернулся в дверном проеме и стал косить из автомата забежавших в панике по двору неприятелей.

Застигнутые врасплох, каратели пытались дать отпор, но было слишком поздно. Люди Мирона Карпова и Панаса Голубенко, открыв шквальный огонь, никому из них не позволили выйти из оцепления. Короткий бой закончился так же внезапно, как и начался.

Надо было немедленно уходить. Стрельба в глухом лесу, недалеко от границы с Литвой, могла привлечь внимание других групп, окажись они поблизости. Собрав оружие, Мирон с Панасом уводили своих бойцов, унося на самодельных носилках и тела троих погибших товарищей. Еще четверо получили легкие ранения.

– Вы с нами? – спросил Карпов, покидая хутор.

Грушин отрицательно покачал головой.

– Задание у нас, – не стал он скрывать.

Мирон понимающе кивнул.

– Ну, если снова понадобится...

Простившись с ним, Мирон с Панасом исчезли вслед за товарищами.

Грушин оглядел своих:

– Все целы?

– Нормально! – улыбнулся Лопата.

Сверчок поднял высоко воротник. С запада, со стороны Европы, дул напористый морозный ветер.

6

Второй день поиска подходил к концу. По открытым местам передвигались осторожно. Старались избегать новых встреч с противником. В какой-то момент Колю стали одолевать сомнения в том, что им удастся найти документы Хойера. Все же времени прошло немало.

Огибая очередной небольшой холм, они слышали за мелким подлеском скрип тележных колес и приглушенные голоса. Говорили по-белорусски. Низко пригнувшись, разведчики бесшумно пробежали несколько десятков метров и затаились в небольшой ложбинке. Скоро к ним, подминая под себя высохшую траву, приблизилась груженная доверху различным домашним скарбом бричка с высокими бортами.

Сидевший на облучке пожилой возница в старом полупальто и треухе, трясая на ухабах головой, о чем-то негромко рассказывал молодой, лет тридцати, спутнице. Неожиданно выскочившие из засады вооруженные люди заставили женщину вскрикнуть и испуганно прижаться к старику.

– Тпрууу! – Грушин схватил под уздцы старую клячу, едва волочившую от усталости ноги, и навел на старика оружие. – Кто такие?

Рядом, по обе стороны телеги, выросли Сверчок с Лопатой.

– Дак, это... тутошние мы, тутошние! – медленно приходя в себя, затряс реденькой бородкой возница. – До хаты возвращаемся. – То – дочь моя, – кивнул он в сторону спутницы. – А там, – старик повернулся назад, – там детки ейные.

Только сейчас они заметили спрятавшихся под грудой узелков двух девочек лет восьми-деяти.

– Кого еще прячете? – Лопата вызволил детей из вещевого завала.

– А рази ж они прячутся! – осипшим от испуга голосом ответил возница, нервно поправляя норовивший сползти на ухо треух. Сверчку показалось, что он сейчас разрыдается. – Мы их под барахло-то загнали, чтобы теплее было.

Опасаясь за дочек, женщина подползла к ним и прикрыла собой.

Усостыившись ее испуганного взгляда, Сверчок опустил оружие.

– Да вы не пугайтесь, не обидим, – извиняющимся тоном сказал он.

– Не поздно ли едете? Ночь на носу, – поинтересовался Олег. – Мало ли что может случиться в дороге.

Старик тяжело вздохнул и посветлел лицом.

– Так, война, вроде как, далеко отодвинулась, чего ишо бояться-то? Чай, по родной землице едем!

– Он по-прежнему настороженно следил за ними. –

Вот, до дому возвращаемся, – повторил, просительно добавив: – Нам бы до темени успеть добраться, а!

– Откуда едете?

Старик отвечать не стал, спросил сам, набравшись храбрости:

– Сами-то кто будете?

Продолжая осматривать телегу, Лопата обнаружил у борта прикрытый тряпкой немецкий карабин.

– Не-не, то не наше! – немедленно открестился возница. – Я это ружьишко тут недалече нашел.

– Он неопределенно махнул рукой куда-то за спину. – Там еще одёжка рваная была. В таких полицаи ходят. Случаем, не из ваших кто сгинул, не?

Страх в глазах старика усилился. Догадавшись, что он принимает их за переодетых полицаев, Грушин миролюбиво произнес:

– Не бойтесь! Свои мы, свои.

– С лица мы все свои, россы, славяне, – потрянул бородежкой дед. – А как война началась, тут и выяснилась истина, кто свой, а кто враг. Накану-

не нас тоже двое остановили. Одеты так само, как вы. Тоже кудахтали: свои, мол, не обидим, от партизан отбились. А сами, ироды проклятые, харчи забрали да еще по лицу мне надавали.

– За что? – Сверчку стало жаль старика.

– А за то, что не согласен я был харчи им уступать.

– Спасибо, хоть в живых оставили! – промолвила женщина. – Вон, детей до смерти напугали.

Олег Грушин закинул автомат за спину.

– Свои мы, отец, точно свои.

Насупив брови, старик сверкнул очами:

– Я в тех людях сразу полицаев признал. Повадки у них характерные, вороватые. А глаза пужливые. Сторожко так бегали по сторонам, словно кого боялись. Совсем не так, как в сорок первом году. Тогда у полицаев глаз был злой, наглый. Вот я и смекнул: будь наши, чего им опасаться-то, верно?

– Верно-верно. – Олег присел на облучок. – Давно эти места покинули?

– А в сорок первом и покинули. Утёкли к родичам в Воронежскую область. Внучат хотели сберечь.

– Далековато забрались от родных мест, – улыбнулся старший сержант.

– А толку?! Фашисты нас и там догнали. Правда, больше итальянцев да венгров было. Лютовали страшно!

– Дедушка, вы сказали, что карабин недалеко отсюда нашли? – напомнил Сверчок, разглядывая оружие. – Место сможете показать? Очень мне нужно на него поглядеть.

Поняв, что выбора у него нет, старик неохотно согласился:

– Ну, ежели надо...

Бледным туманом на землю опускались сумерки. Дню оставалось жить совсем недолго. Идти и в самом деле оказалось недалеко. Километра через два старик остановился у чернеющего кустарника и призывно помахал, требуя следовать за ним. Оставив на всякий случай рядом с молодой женщиной и ее детьми Лопату, Груша со Сверчком углубились в заросли.

– Я сюда по нужде полез, э... по надобности первойшей, – отводя ветки от лица, объяснял по дороге старик. – Только портки было скинул, глядь в сторону, а там труп лежит. Вернее, то, что от него осталось. Я от страха чуть не оконфузился! – выдавил дед улыбку. – Должно быть, тело кабаны сгрызли. Тут же в кустах и карабин лежал. Только патронов в нем не было.

Тщательно осмотревшись по сторонам, Сверчок шепнул Грушину:

– Узнаю это место. Здесь я Власенко застрелил. Теперь знаю, как дальше идти, – уверенно сказал он.

Они вернулись к телеге. Видя уставшие, изможденные лица женщины и ее дочерей, Грушин вновь предложил старику переночевать с ними в лесу, а утром продолжить путь, однако тот остался непреклонен.

– Нет, поедем. К утру на месте будем. Дома и отдохнем.

Вспомнив, что полицаи отобрали у них всю провизию, Олег достал из вещмешка три банки немецкой тушенки и протянул их женщине.

– Все, что можем, – сказал он. – Вы так и не ответили, куда едете.

Старик назвал село.

Услышав, куда они направляются, Лопата нахмурился. Это было то самое село, где он повстречал Мирона Карпова. Отведя деда подальше от телеги, ефрейтор глухим голосом проговорил:

– Отец, не ходи туда.

– Чего это? – попытался тот возмутиться.

– Нет больше вашего села. Сожгли его фашисты. Вместе с жителями спалили. Немногим удалось спастись.

Услышав трагическую весть, старик поник плечами и ссутулил спину. Некоторое время он стоял, замерев словно изваяние.

Лица разведчиков были напряжены. В этот момент каждый из них испытывал душевные муки, словно лично был виноват в случившемся. Он и миллионы таких же молодых и сильных мужчин, не сумевших предотвратить опасность, вовремя дать отпор врагу.

– Беда, ой беда! – Стерев выкатившиеся с глаз скупые стариковские слезы, возница выпрямился. Взгляд его упал на внучек, прижавшихся к матери. – Ничего, заново отстроимся. Ничего.

Посоветовав старику по приезде на место сдать Мирону Карпову найденное оружие, разведчики простились с семьей.

Ночь уже обняла землю от края до края. Вокруг было тихо, темно и диковато...

Вопреки ожиданию Сверчка, следующий день не сразу принес радость находки. Наконец они обнаружили документы Хойера. Благодаря кожаному переплету, почти все папки неплохо сохранились.

Сверчок ликовал. Теперь у него было больше уверенности в том, что капитан Вовк оставит его в своем отряде.

Несколько дней спустя после их возвращения капитан собрал личный состав на плацу и сообщил о представлении Николая Цвирко к боевой награде. Это была вторая в жизни Коли медаль. Первую, «За отвагу», ему вручали год назад.

Тем же вечером Виктор Вовк снова заглянул к ним в казарму и предложил Сверчку прогуляться. Они покинули территорию лагеря и некоторое время брели молча, прислушиваясь к замирающим звукам осеннего леса. Заметив на переносице капитана хорошо знакомую глубокую складку, Коля насторожился. Она проявлялась всегда, когда Вовк о чем-то сосредоточенно думал. Не выдержав долгого молчания, юноша первым заговорил.

– Товарищ капитан, случилось что? Что-то с моими близкими, с мамой?

– Твоя мать жива и здорова, не волнуйся, – ответил Вовк. – Ждет тебя. Так что, как только придет награда, лично доставлю тебя к ней.

Вовк собирался как можно мягче объявить юноше, что в отряд, готовившийся к особому заданию, он его зачислить не может. По требованию вышестоящего начальства в него должны были войти лишь специально обученные красноармейцы. Несмотря на то, что восемнадцатилетний Николай Цвирко не раз участвовал в сложнейших операциях, хорошо умел стрелять и уходить от погони, ему все же не хватало некоторых качеств профессионального диверсанта. Но главное было не в этом. Вовк не хотел рисковать жизнью паренька, которого полюбил, как младшего брата.

Чувствуя, что офицер недоговаривает, Сверчок остановился, взглянул на него в упор:

– Товарищ капитан, хотите что-то сказать?

– Хочу, Коля. – Вовк не стал отводить глаза. – Хочу обрадовать тебя и поздравить с тем, что война для тебя закончилась. Скоро нам предстоит расстаться.

– Как же так, товарищ капитан? – не сумел скрыть обиду юноша.

– Так выходит, Сверчок, извини. Я человек военный, можно сказать, подневольный. Куда прикажут, туда и иду. А тебе надо учиться. Скоро в Минске откроются все учебные заведения.

– Как же так?! – продолжал сокрушаться юноша, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. – Нечестно это, товарищ капитан!

Они повернули назад.

– Разве ты не хочешь учиться? – Вовк пытался ободрить его. – Станешь инженером или учителем. А может, врачом?..

– Я воевать хочу! – заупрямился Сверчок. – Не возьмете к себе – пойду в военкомат. Восемнадцать уже есть, возьмут. Не имеют права не взять.

«А ведь и впрямь пойдет! – чертыхнулся капитан. – Запишут в пехоту, а там...»

Он хорошо знал, что окопники, как называли пехотинцев, на войне гибнут чаще всех. Несколько минут снова шли молча. Вспомнив, что хотел рассказать о новости, которую только недавно узнал, Виктор спросил:

– Коля, ты на море бывал?

– Нет. Когда бы я был?

– А хотел бы съездить, покупаться?

Сверчок пожал неопределенно плечами:

– Съезжу, когда война закончится.

– Зачем же ждать? У меня тут поездка одна намечается. Хочу взять тебя с собой. Надо с одним человеком встретиться. Кстати, ты его хорошо знаешь.

– Вы бы лучше меня в отряд зачислили, товарищ капитан, – сухо отрезал парень.

7

– Раньше о Черном море Коля имел смутные представления. Лишь по тем черно-белым рисункам из книжек о приключениях, которыми зачитывался. Увиденное юношу потрясло. Море не шло ни в какое сравнение с самым большим озером в их округе, куда летом бегали с товарищами поплавать. Безграничное, с зеленовато-голубым отливом, с видимыми сквозь толщу прозрачной воды камешками на дне, которыми играла набегавшая на берег волна, то подкатывая их ближе, то сбрасывая обратно, оно восхищало.

Юноша подступил ближе к воде и опустил в нее руки. Несмотря на то, что на дворе стоял сентябрь, она была теплой.

– В Сочи это время года самое лучшее, чтобы купаться и загорать, – промолвил капитан Вовк, с любопытством наблюдая, как несколько человек, шумно пофыркивая, плескались в море, метрах в сорока от них. Бархатный сезон был в самом разгаре.

– После войны непременно приеду сюда с женой. Сверчок с удивлением взглянул на него.

– Так вы что, женаты, товарищ капитан? Никогда не говорили об этом.

– Мы поженились перед самой войной. Даже неделю не прожили вместе. Она у меня актри-

са. Сейчас в Ташкенте находится со съемочной группой. Пишет, кино снимают. Героическое! – Вспомнив супругу, с которой за все годы войны так ни разу и не встретились, офицер взгрустнул. – Ну, есть желание искупнуться вечером? А то когда еще придется!

– Спрашиваете, товарищ капитан! – Сложив ладони ковшом, Сверчок зачерпнул морской воды и брызнул себе на лицо. – Соленая! – с детским восторгом воскликнул он, почувствовав на губах соль.

– Никак в первый раз на море? – донесся до них голос.

Остановившись чуть поодаль от них, двое мужчин с любопытством наблюдали, как юноша зачарованно следил за набегавшими на берег легкими волнами. Их принадлежность к морской службе выдавали тельняшки, черно-белым полосатым треугольником выглядывавшие из-под больничных халатов. На голове старшего сидела набекрень надетая офицерская фуражка с золотым «крабом». Одна из штанин его пижамы была пуста, и моряк опирался на костыль. Рядом с ним стоял совсем молоденький паренек, на вид ровесник Сверчка. Обе руки его, на которых отсутствовали кисти, были высоко забинтованы.

Приветливо кивнув им, Вовк произнес:

– На этом – в первый раз. Там, откуда этот парень приехал, другое море, зеленое!

– Это что же, тайга, что ли? – поправил фуражку мужчина.

– В Белоруссии нет тайги!

– А-а! Все равно далековато от наших мест. – Подойдя ближе, он представился: – Капитан-лейтенант Соколов!

– Капитан Вовк! – оценивая силу его рукопожатия, ответил Виктор.

– Подходящая фамилия для белорусских лесов! – улыбнулся Соколов. – Для гитлеровских шакалов – в самый раз. А это Толя Скворцов, моторист мой, – ткнул он подбородком в сторону улыбающегося паренька с забинтованными кульями.

– Хм, ваши фамилии больше подошли бы летунам! – сострил в ответ Вовк. – Соколов, Скворцов!

– Так и есть. – Капитан-лейтенант затянулся папиросой. – Одни мы с Толиком и слетели с кормы, когда гитлеровцы по нашему катеру из пушек стали палить. Не иначе, как сам куриный бог нам помог.

– Извини, друг, неудачно пошутил! – посуровел Виктор.

Моряк махнул рукой, разгоняя облачко дыма:

– Да ради бога! Сами над собой шутим. Фениксами кличем друг дружку. Сюда-то, какой волной занесло?

Пригретый жарким южным солнцем, Виктор расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки, достал из нагрудного кармана конверт с адресом.

– В госпиталь приехали. Гостиницу «Приморскую» ищем. Не знаешь, где такая?

– Так это же наш госпиталь! – воскликнул капель. – Пошли, провожу. Тут недалеко.

Они шли почти по самой кромке берега. С моря дул легкий бриз. Жадно вдыхая свежий воздух, напоенный ароматом еще не отцветших, густо растущих вдоль дороги роз и запахом выброшенных на берег водорослей, Сверчок с интересом разглядывал стоявшие у пристани суда.

За разговором о положении дел на фронте дорога, действительно, заняла немного времени. Поднявшись по неширокой лестнице, огражденной каменными фигурными балясинами, они вскоре подошли к гостинице, в которой располагался госпиталь. Здание, построенное в стиле «сталинского ампира», белело среди пальм и стройных кипарисов. Отсюда открывался прекрасный вид на море.

Остановившись на небольшой смотровой площадке, Сверчок наблюдал, как по нему, ревя моторами, неслись на большой скорости два торпедных катера, нарушая спокойствие и умиротворенность южного курортного городка. И только эти военные суденышки да устремленные в небо стволами зенитные орудия напоминали сейчас о войне.

Распростившись у входа, моряки пошли дальше по своим делам. Вовк с Николаем вошли в вестибюль.

– Товарищ капитан, вы так и не сказали, кого мы ищем? – задал вопрос Сверчок.

Легкая улыбка озарила лицо офицера.

– Сейчас узнаешь. Только бы не выписался...

– Уж не меня ли вы ищете, бойцы? – вдруг раздался за их спинами знакомый голос.

Коля резко обернулся и обомлел: перед ними стоял их командир, Федор Иванович Чепраков. Левая надбровная дуга офицера до самого виска была деформирована ранением и последующими двумя операциями, отчего верхнее веко заметно опустилось, прикрыв часть глаза. Как ни странно, но это придавало его лицу еще больше мужественности.

Юноша кинулся к нему:

– Товарищ капитан! Федор Иванович, вы живы?

Чепраков притянул его к груди и по-отцовски обнял:

– Здравствуй, здравствуй, Сверчок! Жив, как видишь. – Отступив на шаг, чтобы можно было лучше рассмотреть, Федор Иванович остался доволен. – Слышал о твоём ранении. Очень рад, что сдюжил, выкарабкался. Как нога?

– Все хорошо, товарищ командир. Уже почти бегаю.

Капитан шагнул к терпеливо ожидавшему рядом Виктору Вовку. Несколько секунд офицеры пристально смотрели друг на друга. Война давно их сблизила, духовно породнила.

– Ну, здравствуй, Виктор! Рад тебя видеть! – Чепраков принял Вовка в объятия. – Поздравляю с очередным званием! Ты знаешь, что я давно подавал тебя на капитана.

– Знаю, Федор Иванович.

Восхитившись новенькой, подогнанной под фигуру формой офицера, Чепраков цокнул языком:

– Хорош! Хоть сейчас на парад.

Теплый осенний день располагал к душевной беседе на природе. В палату подниматься не стали. Решили спуститься к воде.

– Товарищ капитан! – Сверчок взглянул на Вовка. – Выходит, вы знали, что командир жив? Знали и не сказали?

– А разве ты спрашивал? – улыбнулся офицер, уловив горечь в его словах.

– Я боялся! Боялся услышать, что Федора Ивановича... э-э...

– Нет в живых? – договорил за него Чепраков и засмеялся. – Не дождутся фрицы!

– Зато какой сюрприз получился, правда? – улыбнулся Вовк.

– Да уж. – Юноша по-детски надул губы.

– Не обижайся. Я и сам только недавно узнал, когда в Москве был, – стал оправдываться капитан. – Когда вернулся, сразу всем нашим рассказал. Тебе не стал. Хотел сюрприз сделать.

– Федор Иванович! – обратился Сверчок к командиру. – Прикажете, пожалуйста, капитану Вовку зачислить меня в новый отряд! Он хочет меня на «гражданку» отправить. Говорит, учиться надо.

Взглянув на Вовка, Чепраков сделал серьезное лицо:

– Верно говорит. Парень ты смысленый, и нечем оставаться права не имеешь.

– И вы туда же!..

На берег, как и миллионы лет назад, накатывались волны. И не было морю никакого дела до обиды молодого человека, стоявшего у кромки воды и всерьез размышлявшего, где найти ближайший военкомат, чтобы записаться в армию. Желание продолжить бить фашистов в душе Сверчка поддерживалось мечтой прошагать по мостовым поверженного Берлина.

Офицеры оставались сидеть в нескольких метрах от него, но юноша не слышал их разговора, заглушаемого шумом прибора.

Положив на колени фанерный чемодан, Виктор достал из него большой сверток и протянул Чепракову.

– Это ваша новая форма, товарищ майор! – радостно сообщил он. – Из самой Москвы вез!

– Капитан! – поправил его Чепраков. – Ты хотел сказать – капитан!

– Нет, все верно, Федор Иванович, майор. – Достав следом за свертком пару новых погон, Вовк встал и, щелкнув каблуками, зычным голосом торжественно произнес, точно стоял перед строем: – Товарищ командир! Разрешите поздравить с присвоением очередного воинского звания! Надеюсь, когда-нибудь мне доверят вручить вам и генеральские погоны, – добавил он.

Сверчок, услышав поздравительную речь Вовка, забыл о собственной обиде, с радостным криком подлетел к Чепракову и, как и подобает настоящему военному человеку, вытянулся во фронт.

– Ура! Поздравляю, товарищ командир! Я бы сразу вам генерала дал, честное слово!

Федор Иванович улыбнулся и пожал каждому руку.

– Говоришь, из Москвы привез? – повернулся он к Вовку.

– По личному распоряжению полковника Федулова.

Услышав знакомую фамилию, Чепраков замер над свертком.

– Это какого Федулова?

– Поликарпа Матвеевича! Начальника 2-го Упра!

– Поликарпа? – Федор Иванович мысленно вернулся в довоенное время, когда они с Федуловым были знакомы. – «Выходит, тогда, в сорок первом, его также отпустили?» – подумал он. Вслух же проронил: – Уже полковник? Молодец!

– Слышал от него, что вы с лейтенантских лет знакомы?

– Бери раньше, с курсантских! Одно время тесно общались. Прекрасный офицер! В последний раз виделись незадолго до начала войны. – Отложив сверток в сторону, Чепраков спросил Вовка: – Что в Москве делал? Капитан тяжело выдохнул:

– Мы туда вместе с комиссаром Строжевским поехали. Как раз решался вопрос о расформировании большинства партизанских отрядов, в том числе и нашего. В Москву нас сам Федулов вызвал. Я потом узнал, что именно к нему попал рапорт Строжевского, в котором он нас с вами обвинял в неграмотном руководстве и связанных с этим больших потерях в последней операции. Зато все бывшие удачи приписал себе. Очень уж хотелось ему героем показаться. А ведь я предупреждал, товарищ командир, что комиссар – редкостная шкура!

Чепраков отвел глаза в сторону:

– Я помню.

– Меня сначала в Минске допрашивали, в особом отделе. Потом в Москве. Федулов лично выслушал и, как я понимаю, не стал давать дальнейшего хода этой мерзкой кляузе комиссара. В общем, Строжевского после этого вернули на гражданскую службу. Будет теперь доносы на своих партийных товарищей стряпать.

– Ты бы, Виктор, потише о таких вещах говорил, – прервал его Федор Иванович, оглядываясь по сторонам. – Времена беспокойные, а люди тут разные хаживают.

Наученный горьким жизненным опытом, Чепраков пытался уберечь молодого товарища от неприятностей.

Вовк перешел на шепот.

– В первую встречу Федулов долго расспрашивал меня о работе нашего отряда в тылу. На следующий день снова вызвал. Приказал собрать и возглавить до его особого распоряжения новый разведывательно-диверсионный отряд, что я и сделал. Мне для этого особый документ выдали. Костяк отряда составили наши ребята.

– Как меня нашел?

– Федулов помог. Сделал запрос по госпиталям. После велел лично с вами встретиться.

Оставив офицеров, Сверчок вернулся к кромке воды и стал бросать в море плоские камешки-голыши.

– Обижается малой, что в отряд не беру! – бросив взгляд на юношу, с грустью произнес Вовк.

– А почему не берешь?

– Мальчишка еще! Полковник Федулов приказал отобрать только опытных бойцов, прошедших подготовку и переподготовку.

– У этого, как ты говоришь, мальчишки, двухлетний опыт партизанской войны. Разве не мы с тобой его готовили? Не возьмешь – он снова сколотит отряд из пацанов. Будут рыскать по лесам, выискивая беглых полицаев, пока те их не перебьют.

– Я об этом как-то не подумал, – сокрушенно покачал головой капитан и полез в планшет. Достав запечатанный сургучом желтый конверт, он протянул его Чепракову. – Что ж, теперь вы назначаетесь командиром нашего отряда, вам и решать судьбу Цвирко.

– Это что? – вскинул брови офицер.

– Приказ полковника Федулова!

– Неправильно это! – вспыхнул Федор Иванович. – Ты столько сил положил, чтобы собрать людей, а я на готовенькое? И только потому, что полковник Федулов мой старый знакомый? Я буду отказываться.

– Отряд собирал я, а возглавлять вам. И я этому, признаться, только рад, Федор Иванович. – Произнося эти слова, Вовк не кривил душой. – Мы с вами столько всего вместе пережили... И потом, я уверен, что это ваша фамилия спасла меня от навета комиссара Строжевского. Что-то вы значите для Федулова.

Новоиспеченный майор протянул руку боевому товарищу:

– Виктор, если нам выпала доля и дальше вместе служить, то я хочу, чтобы никаких обид...

– Какие могут быть обиды? Общее дело делаем. Офицеры крепко пожали друг другу руки.

– Где вы остановились? – поинтересовался Чепраков.

– Да присмотрели тут неподалеку комнатку у одной бабульки. Должен заметить, что цены у местных аховские! – улыбнулся капитан.

– Кому война, а кому и мать родная! – согласился с ним майор. – Надолго вырвался?

– Пускай Коля пару деньков на море походит, а там обратно. Обещал лично отвезти его домой, к матери. – Помолчав немного, Вовк добавил: – Акулина похоронку на мужа получила. Оказывается, он еще в сорок втором погиб. Сверчок об этом не знает. Я не решился рассказать ему.

Время приближалось к обеду. Договорившись встретиться вечером у входа в госпиталь, Виктор подозвал юношу.

– Товарищ капитан, все хотел спросить: удалось установить, кто вывел немцев на нас у мельницы? – неожиданно спросил Сверчок, обращаясь к Вовку.

– Кстати, этот вопрос и меня интересует! – повернулся к капитану и Чепраков. – Проводил кто-нибудь расследование?

Виктор досадливо махнул рукой:

– Кто бы тогда этим занимался, Федор Иванович? А теперь, видимо, уже поздно.

– Вот пока вы будете новые задачи решать, найдется и мне чем заняться! – радостно воскликнул Сверчок. – Кто-то же должен искать предателя? Домой я все равно не вернусь. Приеду в райцентр, найду Лиду и через нее остальных подпольщиков.

– Не вздумай! – стал запрещать Чепраков. – Это может быть опасно для тебя.

– В том, что предатель существует, у меня нет уверенности, – задумчиво произнес Вовк. – Матюшин на допросе ни единым словом не обмолвился об этом.

– Все равно поеду. Я теперь никому не подчиняюсь. Только можно я сначала окунусь, а потом пойдем обедать? – крикнул Сверчок, сбегая к воде.

Не дожидаясь ответа, он быстро скинул с себя одежду и прыгнул в море.

– Вот упертый! – Вовк недовольно покачал головой. – А ведь и вправду не поедет!

Через минуту он уже сам рассекал с удовольствием волну за волной, догоняя все дальше отплывавшего от берега юношу.

8

Москва встретила майора Чепракова холодным проливным дождем и пустынными улицами. Сразу с вокзала он отправился домой, к семье, с которой не виделся с первых дней войны.

В белорусских лесах Федор Иванович нечасто получал весточки от родных. С большой земли письма доставлялись в отряд по воздуху, вместе с боеприпасами, лекарствами и продовольствием. Не желая волновать супругу, в ответных посланиях ей офицер каждый раз сообщал, что служит глубоко в тылу, на Урале. Догадывался, что жена не поверит, и все же лгал, оправдывая себя: «Ложь во благо – не ложь, а благо».

В прифронтовом госпитале, куда его в беспмятстве доставили с аэродрома, хирург не рискнул извлечь пулю из головы, и Чепракова отправили в Минск. К тому времени город только что освободили. Врачи, удалившие кусок свинца, опасались, что им не удастся полностью восстановить пациента.

Узнав из своих источников о тяжелом ранении капитана Чепракова, своего старинного товарища, Поликарп Матвеевич Федулов приложил все усилия, чтобы дальше его вел один из лучших военных хирургов страны, профессор Зорин. В сочинский госпиталь, где и служил военврач, раненого доставили самолетом. После повторной операции, которую лично проводил Зорин, все функции организма стали быстро восстанавливаться. Даже зрение удалось сохранить почти полностью. И только когда ухудшалась погода или случалось понервничать, Фе-

дор Иванович испытывал сильную головную боль, иногда до рвоты, да в левом глазу начинало двоиться.

В последний раз жене он написал уже из Сочи. В нем лишь вскользь упомянул о своем ранении, пообещав в скором времени встретиться. Обратный адрес указывать не стал. Зная ее, опасался, что все бросит и приедет. Предстать перед любимой женщиной в столь жалком виде он себе позволить не мог.

Остановившись перед дверью, Федор Иванович оправил на себе форму, провел рукой по голове, прикрывая прядью волос страшные рубцы на лбу и виске, и утопил кнопку звонка.

Увидев мужа, женщина на мгновение застыла от неожиданности, затем бросилась к нему. Целуя его лицо, она не сдерживала слез, приговаривая: «Вернулся!.. Живой!.. Любимый!..». Ее пальцы, огрубевшие от тяжелой работы на заводе, коснулись рубца на его виске...

Они проговорили почти всю ночь. Утром осторожно, чтобы не разбудить спящего сына, майор Чепраков покинул квартиру и отправился по адресу, указанному в письме, которое в Сочи ему передал Вовк. В конверте находился также пропуск, выписанный на его имя полковником Федуровым.

Шагая по улицам пасмурной осенней Москвы, Федор Иванович пытался сосредоточиться на предстоящей встрече, но перед глазами всплывало светящееся любовью лицо жены. Он не знал, как долго пробудет в Москве. Возможно, ему уже сегодня придется отправляться обратно. Идет война, и он на ней солдат.

Войдя в кабинет Федулова, секретарь доложил:
– Товарищ полковник, прибыл майор Чепраков!

Услышав знакомую фамилию, Поликарп Матвеевич встал из-за стола и двинулся навстречу:

– Пусть войдет!

Несколько мгновений они стояли друг напротив друга, не проронив ни слова. Два боевых офицера, чья дружба зародилась еще в годы учебы в военном училище, которое они оба блестяще окончили.

– Да, потрепала тебя война, Федор! – первым заговорил Поликарп Матвеевич, протягивая руку для приветствия.

– А вы совсем не изменились, товарищ полковник! – крепко пожимая ее, ответил Чепраков.

Брови Федулова взлетели вверх.

– С каких это пор мы с тобой на «вы»?

– Положено так, – показав на его погоны, подчеркнул майор. – Субординация!

Поликарп Матвеевич обеими руками схватил старого приятеля за грудки и притянул к себе.

– Я смотрю, ты все такой же ершистый! – вымолвил он и трижды, как положено по русскому обычаю, расцеловав в обе щеки, шутливо отшвырнул от себя.

– Прости, Поликарп. – Федор Иванович поправил на себе гимнастерку. – Думал, жизнь и тебя сломала.

– Скажешь тоже, – смутился полковник. Приоткрыв в приемную дверь, он бросил: – Сережа, принеси нам два чая. Если что – меня на месте нет!

– Ты и вправду мало изменился, – продолжал настаивать Чепраков.

Федулов махнул рукой:

– Тоже, знаешь, досталось – во! – отмерил он себе рукой до шеи и вдруг громко, от души, расхохотался: – Нам с тобой с самого училища достается! Помнишь, как нас майор Тихомиров невзлюбил? Гонял на занятиях, как сидоровых коз! М-да. – Лицо полковника посуровело. – Убили его фашисты. Раненым попал к ним в плен. Долго пытали на глазах других наших солдат и офицеров, а потом закололи штыком. Так и умер, не проронив ни слова. А на вид таким тщедушным казался.

– Жаль старика, – искренне посочувствовал Чепраков, вспомнив их бывшего преподавателя. – В сущности, хороший был мужик, правильный. Настоящий офицер. А то, что гонял... Я его потом часто вспоминал, когда тяжело становилось. Кто знает, если бы не требовательность наших учителей, выстояли бы мы в этой войне?

Поликарп Матвеевич подошел к книжному шкафу, открыл застекленную дверцу и снял с полки початую бутылку коньяка с двумя стаканами.

– Хоть и строго у нас с этим, но Тихомирова мы с тобой помянем! Всех наших помянем, кто ушел. Сколько людей погибло! – сокрушенно покачал головой полковник.

– Сколько еще погибнет!

Плеснув на дно немного коричневой жидкости, Поликарп Матвеевич протянул один стакан Чепракову. Офицеры выпили молча, не чокаясь.

– А ведь это ты должен сидеть сейчас в этом кресле! – неожиданно произнес Федулов. – Ты был лучшим на курсе.

Поймав на себе его потеплевший взгляд, Федор Иванович возразил:

– Нет, Поликарп. Как говорят немцы: *Jeden nach seinem verdienst*. Каждому по заслугам.

– Не спорь. После финской войны тебе пророчили высокие должности. В сорок первом, когда нас арестовали, я был уверен, что нам всем грозит участь Тухачевского и его команды. Твоя стойкость тогда многим из нас помогла. Даже военследователь, требовавший подписать донос на нашего генерала, как-то отметил это. Не скрою, мне помогла. Помню, слух прошел по камерам, что тебя особо жестоко пытаются. Не знаю, чем уж ты им так насолил, но поговаривали, что до суда не доживешь.

– Ничем особым я их тогда не достал, – опустил голову Чепраков. – Просто, когда понял, что все равно расстреляют, как иностранного «шпиона», открыто послал их куда подальше. Я тогда как в бреду был. – Он рассмеялся. – Материл страстно, с чувством! Мне казалось, что так я им мщу за свою гибель.

– Да, редкостной сволочью оказался следак, – качнул головой Федулов. – Он сейчас в НКВД, у Берии служит. А все же мы с тобой, Федор, выстояли, никого не заложили. Не все так смогли. – Федулов снова плеснул в стаканы и потянулся через стол чокнуться. – Знай: я все помню. И друзей не забываю.

Чепраков глубоко втянул в себя воздух.

– Я не осуждаю тех, кто не выдержал, – выдохнул он. – Просто не могу принять обратно в сердце. Что-то в душе оборвалось.

– А принимать-то и некого! – развел руками

Федулов. – Практически всех, кто тогда подписал бумагу на генерала Плотникова, расстреляли. Предатели никому не нужны. – Подавшись вперед, полковник заговорщически прошептал: – Попомни мое слово, Федор, скоро все изменится. Дай только войне закончиться.

Не отрывая прямого взгляда от его лица, Чепраков поинтересовался:

– Скажи, Поликарп, ты выяснил, кто тогда написал пасквиль на нас? Твое нынешнее положение позволяет это сделать, было бы желание. И какова судьба нашего генерала? Я с тех пор ничего о нем не слышал.

Федулов в задумчивости зажевал верхнюю губу. Высокая должность офицера особого отдела не предполагала излишней откровенности, и он давно приучил себя не говорить лишнего. Но ответил. Осторожно, словно прощупывал собеседника каждым словом.

– Нам с тобой, Федор, повезло выжить, а вот генералу Плотникову нет. Его расстреляли раньше, чем пришел приказ об отмене приговора. Поторопились, сволочи. А что касается пасквильника, – он поднял глаза на стенку, откуда с портрета на них строго смотрел нарком обороны и вождь всех советских народов, и тихо, точно опасался, что тот может подслушать, сказал: – С ним произошел несчастный случай на дороге. На повороте его автомобиль перевернуло. Такое случается.

– Я его знал?

– Мы все его знали.

Федулов назвал фамилию одного из заместителей генерала Плотникова, услышав которую, Чепраков присвистнул:

– Да что ты?! Никогда бы не подумал. Всегда считал его блистательным офицером.

– В дамки хотел пролезть, подсидеть генерала. – Взяв со стола коробку «Казбека», Поликарп Матвеевич выщелкнул из нее папироску и стал мять. – Тебе не предлагаю. Знаю, что не куришь.

Чепраков был удивлен.

– Что еще ты обо мне сегодняшнем знаешь?

– А то, что если все пойдет так, как должно, то сидеть тебе на моем месте скоро.

– Пустое! – Майор поднял руку, останавливая товарища. Я боевой офицер, а не кабинетный работник, извини.

– Меня в сорок первом тоже хотели разжаловать до летёхи, как и тебя, – продолжал Поликарп Матвеевич, словно оправдываясь за свой высокий пост. – До сих пор не знаю, кто этому воспротивился. Несправедливо. Я – полковник, а ты только сейчас майора получил.

Чепраков отвернулся к окну:

– Забудь. Давай лучше выпьем за победу.

Выпив еще по глотку, Федулов убрал бутылку обратно в шкаф, достал из ящика стола папку и выложил перед майором два листка исписанной убористым почерком бумаги.

– Это рапорт твоего бывшего комиссара Строжевского. На тебя и твоих бойцов. Тот еще гнус! Можешь забрать на память.

Тяжелые желваки пошли по скулам Чепракова, когда он пробежал глазами по докладной записке своего бывшего комиссара.

– Сколько еще таких будет на нашем пути? – посетовал Федулов.

– Ладно бы только на меня настрочил. Но за

что парней моих решил опорочить? Боевые ребята, не чета ему!

– Так за это и мстил! Удел слабаков и трусов!
– Федулов убрал со стола папку. – Ладно, все это уже в прошлом. Теперь давай о деле поговорим, из-за которого я тебя, собственно, и вызвал в Москву. – Голос начальника 2-го Управления НКГБ стал суровей. Чепраков заметил, как резко добродушное лицо его товарища приобрело жесткие черты сотрудника «конторы». Несомненно, работа в органах накладывала на характер человека особый отпечаток. – Нам с тобой поручено сложное и очень важное задание: как можно скорее внедрить одного из наших агентов в банду так называемой «Литовской освободительной армии». Ты назначаешься командиром спецгруппы, которую мы отправляем в Литву. За ходом этой операции будут следить несколько человек, в том числе нарком обороны, товарищ Сталин. Абакумов лично будет докладывать ему. Это дело и на контроле наркома внутренних дел Берии. Выполнишь задание – буду ходатайствовать о присвоении тебе внеочередного звания и возьму к себе в замы.

– В замы не надо, – улыбнулся Чепраков. – Дружить лучше на расстоянии.

– И не надейся, – засмеялся Федулов. – Я теперь намерен тебя при себе держать. Сейчас иди, отдыхай, а завтра снова жду.

Война не терпит отлагательств. Майору Чепракову совсем немного было отпущено времени на личную жизнь. Скоро ему предстояло вернуться в Белоруссию и, возглавив особый отряд, снова отправиться в полный опасности лес.

Но это будет потом, а сегодня он был намерен устроить родным настоящий праздник. Получив от секретаря Федулова особый пропуск, Федор Иванович отправился на специальный продуктовый склад.

Оставшись один, Поликарп Матвеевич подошел к растворенному окну и задумчиво стал смотреть во двор. «Справится ли Федор с заданием? – размышлял он, вспоминая, каким отчаянным был его товарищ в лейтенантские годы. – Должен! Должен справиться».

Взглянув на часы, полковник чертыхнулся. Через час у него была намечена встреча с курсантами разведшколы...

9

К невзрачному зданию бывшей гимназии, перед самой войной перестроенному под многоквартирный дом, Поликарп Матвеевич шел пешком, оставив за углом служебный автомобиль с водителем. Одетый в драповое полупальто, в кепке на голове и в брюках, заправленных в хромовые сапоги, он почти ничем не отличался от случайных прохожих. Как обычно, в кармане полковника лежал заряженный револьвер.

Сегодняшняя встреча с двумя молодыми немецкими антифашистами была особенной для него.

Курт Краузе и Ульрих Мюллер являлись членами запрещенной в Германии компартии, которым по счастливой случайности удалось избежать ареста на родине. Большинство же их товарищей попали в тюрьмы и концентрационные лагеря. Туда же был отправлен и лидер партии, видный

общественный деятель Германии Эрнст Тельман, с которым они вместе работали.

На родине молодые немцы активно боролись против пришедшего к власти Гитлера, выпуская и распространяя листовки, в которых старались раскрыть своим соотечественникам всю пагубность новой идеологии о «великом тысячелетнем Рейхе». Однако соотечественники их не слышали. Германский народ был заражен миазмами национального превосходства, разрушительного в своей основе.

За месяц до начала Второй мировой войны Краузе и Мюллер нелегально прибыли в Советский Союз из Греции. Добравшись морем до Одессы, молодые люди – на тот момент им не было и двадцати пяти лет – торопились сообщить местным органам власти о готовящемся вторжении Германии в Польшу. Их задержали и, объявив провокаторами, передали сотрудникам госбезопасности. Не услышали немецких антифашистов и в Москве, куда они были доставлены.

Долгих два года Краузе и Мюллер провели в одном из северных лагерей. И лишь в августе сорок первого года, когда по советской земле тяжелым танковым катком проходила германская армия, молодые немецкие коммунисты были наконец освобождены.

В качестве морального ущерба советская власть предоставила им отдельные комнаты в общежитии для семей членов Коминтерна и карточки на спецпаек. Едва поправив ослабленное в лагерях здоровье, Курт и Ульрих стали немедленно проситься на фронт. Не сразу, но их просьба была удовлетворена.

Служба немецких коммунистов началась на передовой, в агитбригаде фронта. Вместо огнестрельного оружия им в руки были даны микрофоны громкоговорителей. Задачей пропагандистов было пытаться уговорить своих воюющих соотечественников прекратить войну и сдать Красной армии.

Активно их использовали и в качестве переводчиков. За время, проведенное в лагере, оба неплохо освоили русский язык и теперь помогали советским офицерам во время проведения допросов плененных гитлеровцев.

Наконец к ним проявили интерес и сотрудники контрразведки. Поликарп Матвеевич Федотов лично изучал дело каждого. Знал, кто и как вел себя на допросах, чем занимался в лагере, с кем поддерживал там связь. Впрочем, папки на каждого хранили весьма скудные сведения. Чтобы получить о них как можно больше информации, пришлось задействовать агентуру, работавшую в Германии. Разведчиками были подтверждены данные о совместной довоенной работе Краузе и Мюллера с верхушкой немецкой компартии. Лишь после этого Федотов счел возможным использовать этих людей в своей работе.

Краузе и Мюллера направили в спецшколу разведчиков. После ее окончания они не раз переправлялись в немецкие города, выполняя различные поручения, и давно доказали свою преданность Советскому Союзу.

Несмотря на то, что Поликарп Матвеевич лично никак не был причастен к их аресту в тридцать девятом году, всякий раз, когда встречался с ними, испытывал неловкость.

Сегодня он в очередной раз собирал их на инструктаж. Через сутки один из немецких товарищей должен был отправиться в Литву, а другой убыть в Белоруссию вместе с майором Чепраковым.

Они сидели в небольшой мебелированной квартире общежития, где сотрудники Управления иногда проводили встречи со своими подопечными. Двери этой служебной квартиры открывались нечасто. Временами она ненадолго заселялась странными неразговорчивыми людьми, неохотно идущими на контакт с соседями по дому. У некоторых они вызывали подозрительность. Война идет, мало ли что. Вдруг это шпионы! Тревожные телефонные звонки особо бдительных граждан несколько раз приводили в общежитие участкового. Зная, за кем числится квартира, милиционер успокаивал соседей: «Командировочные это... Металлисты... По тяжелому станкостроению приехали в столицу...» Постепенно жильцы дома оставили в покое неразговорчивых «металлистов».

– Товарищи, кто из вас ответит мне, на какие основные категории абвер делит разведчиков? – задал первый вопрос полковник, почувствовав, как громко, почти набатно, прозвучало в его устах это привычное слово «товарищи». – Замечу, что на эти же категории делят своих агентов разведки всего мира.

Вопрос не застал немцев врасплох. Переглянувшись, они почти одновременно подняли руки.

– Да, Курт, пожалуйста! – Федулов повернулся лицом к улыбчивому светловолосому Краузе. Этот молодой человек нравился ему своей какой-то неиссякаемой жизненной энергией. «Вот

такие и будут строить новую, мирную Германию»,
– не сомневался полковник.

– Думаю, абвер не оригинален и делит разведчиков на три основные категории, – начал Курт.
– В свою очередь их можно разбить на подкатегории. К первой относятся те, кто оступился, совершил проступок против своего государства, за который может понести наказание. Таких людей проще завербовать, но это не самые надежные агенты. Они лишь инструмент в руках настоящих разведчиков и действуют из страха. Из-за него чаще всего и проваливаются. Ко второй категории я бы отнес тех, кто работает за вознаграждение...

– Говоря проще – продает родину? – улыбнулся Федулов.

– Да, так будет точнее. Это хитрые, ловкие, умные разведчики, не лишённые отваги. Они знают, на что идут ради денег и будущей обеспеченной жизни. Но самая важная, на мой взгляд, – это третья категория. В нее входят люди целеустремленные, готовые ради идеи, в которую свято верят, идти на смерть, зная, что никто этого не увидит и не оценит. Такие люди многим жертвуют: благополучием, семьей, будущим.

– Скажите, а к какой категории вы, лично вы, себя бы отнесли?

Полковник не отводил от молодого человека пристального взгляда.

Лицо Курта, до этого светящееся легкой улыбкой, исполнилось мрачной решимости. Опершись руками в колени, он глубоко вздохнул и без молодецкой бравады ответил:

– К последней. Я хочу увидеть наш народ, подаривший миру известных философов, поэтов,

музыкантов, ученых, снова свободным от всяческих предрассудков и националистических идей. За это я готов отдать жизнь, если понадобится.

Удовлетворившись ответом, Федулов качнул головой:

– За это мы все готовы отдать свои жизни. За свободу наших народов. Только предлагаю не торопиться умирать.

– Товарищ полковник, вы всерьез полагаете, что у немецкого народа будет шанс измениться, снова стать свободным от националистических идей Гитлера? – спросил Мюллер.

– Главное, что у немцев будет шанс сохранить-ся как народ, – ответил Федулов. Он уловил тайный посыл его мысли, его обеспокоенность. Будет ли советский народ мстить их соотечественникам за ту кровавую бойню, которую они учинили на этой земле? Сохранится ли Германия на географической карте как самостоятельная единица, или же ей суждено будет прекратить свое существование? – Идеологи фашизма обольщивали немецкий народ лишь последние несколько лет. До этого такого мракобесия в Германии не было. И я уверен, что скоро немцы проснутся от тяжелого, морфийного сна. И после войны вам предстоит многое сделать, чтобы ваш народ окончательно протрезвел. Именно вам, товарищи, потому что ваших учителей уже почти никого не осталось в живых.

Некоторое время все сидели в задумчивости.

– Мы отомстим! – Краузе сжал кулаки. – За всех наших товарищей отомстим фашистам.

– Скорее бы уже на задание! – воскликнул Мюллер.

– Скажите, вы хорошо изучили структуру немецкой армии? – Федулов встал, прошелся по комнате. – Можете рассказать, что входит в дневной рацион солдат и офицеров?

Прошедшие специальную подготовку немцы, казалось, были готовы к любому вопросу, однако этот заставил их задуматься.

– Неожиданно! – вздохнул Ульрих, поджав губы. – Я попробую ответить.

– Надо не пробовать, а точно знать. Именно на мелочах попадают опытные разведчики. Что такое, например, искусственный мед и как его удобнее есть, вы знаете? Или какой сорт сигарет выдают солдатам, а какой офицерам?

– Но зачем нам все это знать? – удивился Курт. – Нас же не на передовую отправляют?

– Ошибаетесь. На войне передовая везде. Вам предстоит встретиться с очень серьезным врагом. Этот враг одинаково ненавидит как немцев, так и русских. И в каждом подозревает шпиона. И только потому, что сейчас он зависит от силы немецкой армии, дружит с гитлеровцами.

– Что это за враг такой? – удивился Ульрих.

– Национализм! Неважно, чей он. Вот вам небольшой пример. Когда армии вермахта вошли на территорию Литовской республики, то сразу объявили мобилизацию. Думали, что местные юноши охотно начнут записываться. И многие литовцы, действительно, не без удовольствия брали в руки оружие, чтобы сражаться против Советской власти. Но было немало и тех, кто стал уклоняться от призыва и прятаться в лесах, точно так же, как перед этим уклонялись от вступления в Красную армию.

– Почему? Ведь многие ждали прихода Гитлера! – удивился Мюллер.

– Они так рассуждали: пусть немцы воюют с русскими, а мы подождем, посмотрим, чья возьмет, тогда и решим, с кем быть. Руководство Вермахта попыталось силой заставить местное население воевать. В итоге литовцы стали объединяться в отряды и вести партизанскую войну и против советских людей, и против немцев. Основной девиз: моя земля – моя страна! Сейчас по всей Прибалтике создается большой змеиный клубок из националистов. В дальнейшем это может создать серьезную угрозу нашей стране. Вот поэтому вы направляетесь в самое логово этого террариума, чтобы помочь нам разорвать клубок. Это и будет ваша передовая.

– Если нам предстоит работать в среде прибалтийских партизан, – догадался Краузе, – то зачем нам знать, что подают на завтрак солдатам вермахта или какие сигареты они курят?

– Плохая подготовка и некомпетентность часто приводят к провалу любого агента. Многие прибалты служили в дивизиях СС и других подразделениях и неплохо знают структуру изнутри. Вы можете проколоться на мелочах. К примеру, знаете, какими гвоздями подбиты сапоги немецкого солдата и чем они отличаются от русских гвоздей?

– Обычными, – пожал плечами Мюллер.

– Ничего обычного в природе нет. Всему есть имя и оценка. Придется дать вам еще пару дней на подготовку...

Первыми квартиру покинули Курт с Ульрихом. Стоя у окна за тяжелой занавеской, Поликарп Матвеевич наблюдал, как немецкие товарищи пе-

ресекали пустынную улицу. Сзади, в нескольких десятках метров от них шли, делая вид, что о чем-то оживленно беседуют, мужчина с женщиной. Это были сотрудники из отдела охраны.

10

Будущее Сверчку казалось таким же темным и непредсказуемым, как дорога через лес, по которой они возвращались на базу. Освещенный тусклым светом редких фонарей лагерь спал. Охранявшие его по всему периметру овчарки, устроив ленивую переключку, тут же замолчали. Отказавшись от ужина, юноша пожелал капитану Вовку доброй ночи и отправился в казарму. После долгой утомительной дороги хотелось спать.

Прикрыв глаза, Сверчок лежал, вспоминая дни, проведенные в тихом приморском городке с его уютными улочками и широкой пристанью, где в ожидании выхода в море бились бортами друг о друга суда.

Он не заметил, как провалился в сон. В мире зазеркалья Коле привиделись родной дом и мать. Рядом с ней, в длинном платье с ромашковым полем, стояла девушка. Как ни старался напрячь глаза, но разглядеть ее лицо он не мог и тогда замахал руками, пытаясь рассеять туман. Наконец лицо девушки проявилось. Это была Лида. За ее спиной, молодцевато подмигивая, попыхивал дымком дед Захар Степаненко. Вдруг он нахмурился и, размахнувшись, бросил в него трубку, попав в лоб.

Сверчок открыл глаза и машинально коснулся ушибленного места.

– И горазд же ты дрыхнуть, Николай! – услышал он знакомый голос. Над ним, держа карандаш в руке, склонился улыбающийся сержант Улейкин, командир группы саперов. Рядом стояли еще несколько человек. – Вставай, вставай, боец! Зарядку еще никто не отменял, – весело скомандовал старший сержант Грушин.

– Оставьте парнишку в покое! Видите, как его гражданская жизнь расслабила, – засмеялся Лопата, чем вызвал улыбки на лицах бойцов.

Присев на край койки, Сверчок поджал ноги.

– Вы чего? – смутился он, протирая глаза.

– Как это чего? – хмыкнул Кнутов. – Ты же везунчик! Сначала в госпитале сестричек тискал, теперь вот на море смотался. Признавайся, девок щупал?

– Как там, на морях, хороша водичка? Искупаться удалось? – посыпались со всех сторон вопросы.

Сверчок влез в армейские брюки, подаренные товарищами, натянул на ноги сапоги, на два размера больше, чем требовалось. Собственного обмундирования у него не было. Оно полагалось только зачисленным в штат.

– А как же! Мы с капитаном и в море купались, и пальмы-магнолии всякие видели, ага. И с красивыми морячками общались. Даже в ресторане посидели с ними, – пошутил Сверчок.

– А дельфинов видел? – подсел ближе Сергей Шепитько. – Правда, что они говорить умеют человеческим языком?

– Разговаривать не разговаривали, а поплавать с ними удалось, – с серьезным выражением лица проговорил юноша и тут же рассмеялся: – Прав-

да, они были очень далеко и вечером, а мы ближе к берегу и утром.

– Шутишь, да?

– Бог с дельфинами, ты про девок давай! – загорелся нетерпением снайпер Кунгуров. – Верно сказывают, что в море они в панталонах купаются?

До войны он проживал на Северном Урале и о черноморском побережье мало что знал.

– В каких панталонах? Это когда было-то, при царе Горохе? Нынче все в трусах с кружевами ходят! – с серьезным видом знатока изрек Черенков-Лопата.

– Нет, мужики, барышни нынче в костюмах плавают, – заявил старшина Андрусенко. – мода эта к нам еще до революции пришла из Европы. Я на фотокарточке видел. Там Маяковский со своей дамой в таких стояли.

Представив женщин, плавающих в пиджаках, похожих на мужские, Ленька Кунгуров возмутился:

– Гонишь ты, Циркач. В костюмах же неудобно! Маяковский, может, пьяным был?

– Вот деревня! В купальных костюмах!

Ленька хмыкнул, обидевшись за «деревню»:

– Ну, не знаю, не видал. У нас девки исстари в ночных поддевах в воду заходили, ежели на людях. А когда одни оставались, бывало и нагишом. Выйдет какая-нить краля из речки на берег, вся такая мокрая, аж блестит. Закачаешься!

– И загорали в ночнушках? – загоготал Кнутов.

– Не, нагишом! – Ленька зажмурился, представив в эту минуту себя на берегу родной реки. – Я как-то раз соседку нашу, Ньюрку, увидал, – пустился он в воспоминания. – Рыбалил в кустах.

– Рыбалил он, как же! Небось, подсматривали с пацанами за девками?

Кунгуров скривился:

– А ты застукал?

– Ладно, не обижайся, – вступил в перебранку товарищей Лопата. – Так чё там Нюрка?

– Ядреная была! Мокрой ляжкой как сверкнула на солнце, так у меня в грудях все и захолонуло. Душевная красота!

Коле Цвирко нравился этот прямодушный парень из далекого уральского села. Цепким глазом снайпера и прирожденным спокойствием он не раз выручал их в бою.

– Небось, центнера полтора весу было в той «красоте»? – не унимался Кнутов...

Подходило время утренней зарядки. Натянув на мощный торс исподнюю рубаху, старшина Андрусенко двинулся к выходу из казармы:

– Все, парни, выходи строиться на пробежку!

От общей зарядки Сверчок себя не освобождал. Вот только раненая нога все еще не давала бегать наравне со всеми по лесной, утоптанной армейскими сапогами, тропе...

С момента их возвращения с капитаном из Сочи прошло больше недели, но судьба Коли все еще не была решена. Каждый день он ожидал, когда Вовк, убывший сразу после этого в Минск, вернется и вызовет его. И объявят бывшему партизану Николаю Цвирко, что пора ему собираться домой. Но время шло, а офицер все не объявлялся в лагере.

Это утро начиналось, как обычно, с зарядки. Проводив взглядом выбежавших за КПП товарищей, Сверчок собрался идти на спортплощадку,

чтобы размяться. Его внимание привлек урчащий звук двигателя автомобиля, въезжавшего на территорию лагеря.

Сверкая темно-зеленой полировкой на скупом сентябрьском солнце, «БМВ» подъехал к административному зданию и припарковался рядом с «эмкой» подполковника Циунчика. Из салона вышли четверо: трое военных и мужчина в гражданском. Впереди шел капитан Вовк. Сверчок решил немедленно обратиться к нему. Дальше находиться в отряде на птичьих правах он не желал. Заметив среди прибывших майора Чепракова, с которым только недавно виделись в Сочи, Коля решил повременить.

Увидев паренька, Федор Иванович приветливо помахал ему рукой и, коротко козырнув выскочившему из здания дежурному офицеру, проследовал внутрь. Следом неотступно шли невысокого роста чернявый старший лейтенант и молодой светловолосый мужчина, с интересом озирающийся по сторонам.

Вернувшиеся с пробежки разведчики, узнав от Коли о приезде их старого командира, собрались возле здания администрации, ожидая встречи с ним.

Коротко доложив начальнику лагеря о себе, майор Чепраков представил подполковнику Циунчику сопровождавших его старшего лейтенанта и немецкого товарища. Попросив как можно удобнее устроить последнего, майор спустился во двор к ожидавшим его бойцам.

Заметив появившегося на ступеньках командира, старшина Андрусенко собрался было скомандовать «стройся!», но Чепраков остановил его:

– Вольно, вольно!

Громко поздоровавшись и получив в ответ мощное «Здравия желаем, товарищ майор!», Федор Иванович окинул собравшихся взглядом.

– Сколько человек в отряде? – обратился он к старшине Андрусенко.

– Восемьдесят, товарищ командир! – ответил Циркач. Затем, оглянувшись на стоявшего за его спиной Николая Цвирко, добавил: – Или восемьдесят один, точно не знаю.

– С вновь прибывшими товарищами я познакомлюсь чуть позже, – сказал Чепраков, – а пока всем разойтись!

Получив команду, старые бойцы, служившие под его руководством, остались стоять.

– Товарищ майор, вы к нам погостить или как? – голос старшины Андрусенко наполнился ожиданием.

Обступив офицера, замерли в ожидании ответа и остальные.

– Если не прогоните, будем вместе до окончания войны, – пошутил Чепраков, взглянув на подошедшего Вовка.

– Федору Ивановичу поручено возглавить наш новый отряд! – объявил капитан, чем явно обрадовал присутствующих. – Я не стал говорить вам раньше об этом. Боялся, как бы наверху не переиграли. – И Коле Цвирко наказал молчать.

– А как же вы, товарищ капитан? – донеслось из толпы.

Тронув офицера за локоть, майор Чепраков торжественно объявил:

– Товарищи, представляю вам своего заместителя! Как видите, мы снова вместе будем бить

врага, пока не очистим нашу землю от последнего фашиста. – Сзади кто-то кашлянул. Чепраков обернулся. Только сейчас многие заметили стоявшего все это время чуть поодаль молодого офицера. – А вот и наш новый замполит! Прошу любить и жаловать – старший лейтенант Вершинин Юрий Игнатьевич! – представил его Федор Иванович. – Между прочим, опытный разведчик! За его плечами не один десяток вылазок в тыл врага, а на счету семь «языков».

Нового политрука бойцы встретили сдержанно. Им еще помнился комиссар Строжевский, которого в отряде побаивались.

Дождавшись, когда первые радостные мгновения встречи прошли, Сверчок приблизился к командиру.

– Федор Иванович, а что со мной решили? – поднял он глаза на майора.

– А что с тобой? – Офицер стянул лоб, приподняв правую бровь в немом вопросе. – Ах, с тобой! Ну, как и говорил капитан Вовк, собирайся, поедешь к родным. – Увидев, как поникло лицо юноши, майор улыбнулся: – Как боец Красной армии поедешь! Иди, возьми в машине сверток. Там твоя форма. Ее еще надо успеть подогнать по росту. Сегодня вечером примешь присягу, а утром отбудешь вместе с... – оглядев бойцов, Федор Иванович кивком головы указал на Лопату, – с ефрейтором Черенковым. И советую, красноармеец Цвирко, – голос офицера приобрел командирские нотки, – долго там не задерживаться! Одна нога дома, другая – здесь.

Охваченный неожиданной радостью, юноша вытянулся в струну и на одном дыхании выпалил:

– Есть, одна нога там, другая – здесь, товарищ майор! – и тут же бросился к автомобилю.

Оставив повеселевших бойцов, офицеры повернули назад, к зданию администрации.

11

Отряд свой майор Чепраков разделил надвое, оставив за собой общее руководство. Большая группа хорошо вооруженных людей, внезапно и неизвестно откуда появившаяся в приграничном с Литвой районе, могла вызвать подозрение бродивших по лесам националистов. Одну группу он возглавил вместе со своим новым замполитом, Юрием Игнатьевичем Вершининым. К радости командира, старший лейтенант довольно быстро нашел общий язык с бойцами. Другую группу возглавил капитан Виктор Александрович Вовк. Для посторонних это были два независимых друг от друга отряда.

Не одну неделю они скитались по лесам, сталкиваясь с небольшими, разрозненными группками националистов из «Белорусской независимой партии», «Белорусской народной громады» и «Союза белорусской молодежи». Имея численное превосходство и возможность уничтожить неприятеля, бойцы «СМЕРШ» всякий раз уходили от столкновений. Не вступили в бой и с украинцами из УПА – повстанческой армии, борющейся против Советов у себя на родине, осколки которой поддерживали связь с прибалтами и польскими националистами. Наоборот, вице-фельдфебель Кондрат Матюшин, под чьим именем сейчас действовал майор Чепраков, постарался сблизиться

с ними. Он надеялся, что весть о появлении его отряда «лесная почта» донесет до Андреаса Урбонаса. Этот литовец, руководивший на юге Литвы второй по численности крупной бандой, был сейчас для майора спецотряда НКГБ куда важнее, чем ликвидация нескольких десятков врагов.

Однако Урбонас, опасаясь охотившихся за ним сотрудников советских спецслужб, неохотно шел на контакт с незнакомыми людьми. Не доверял он и многим своим землякам, среди которых были и те, кто, прикрываясь идеей «великой освободительной войны», действовал на стороне советской власти.

Чепраков тщетно искал пути сближения с отрядом Андреаса Урбонаса. Наконец ему удалось выйти на него через украинских националистов. После недолгого молчания тот согласился пригласить своего связного для переговоров.

Луна, пугливо выглянув из-за туч, выхватила чернеющий глазницами окон бревенчатый домик, сиротливо стоявший в окружении стеной поднимавшегося леса. Встревоженно вздыхал на осеннем ветру молодой березняк, рассыпавшийся перед невысокой плетенкой из раkitника. Несколько человек, одетых в форму вспомогательных подразделений шуцманшафта, приблизились к избе с восточной, подветренной стороны и остановились, прислушиваясь. Царапая лицо озябшими ветвями, один из них проскочил молодую березовую поросль, перемахнул через ограду и, выскочив на небольшую поляну перед домом, притаился за могучим стволом старой осины. Чуть в стороне под пронзительным осенним ветром раскачивались несколько сосен. Цепляясь

друг за друга ветвями, они издавали звуки, похожие на чей-то протяжный стон.

– Николай, вперед без команды не вырывайся! Напорешься на засаду, – услышал Сверчок позади себя тяжелое дыхание командира.

– Слушаюсь, товарищ майор! – виновато произнес юноша.

– И никаких майоров, забыл?

Забыл. Конечно, забыл. Он все никак не мог привыкнуть к их новой роли – роли полицаев.

– Виноват, господин вицефельдфебель. – Бокowym зрением юноша заметил, как старшина Андрусенко вместе с Куртом Краузе побежали к соснам.

– Хорошо, что собак нет, – прошептал Федор Иванович, рассматривая подходы к избе. – За версту бы учуяли нас.

Скользнув лучом по двору, ночное светило вновь исчезло за тучами. Черное, почти беспросветное покрывало опустилось на лес.

Сверчок оторвался от ствола, присел на корточки рядом с командиром, вытерев рукавом полицейской куртки вспотевший лоб.

– Кажется, в доме никого нет, пустой стоит.

Федор Иванович поправил кобуру на поясе:

– Сейчас проверим.

Предупредив юношу, чтобы оставался на месте, командир вместе с подоспевшим старшим сержантом Грушиным забежали за ближайший угол. Окон у задней стены дома не было, и изнутри никто бы их не заметил.

Сверчок всегда восхищался тем, как Олегу Грушину, этому здоровому парню, весившему не меньше центнера, удавалось так легко, почти бесшумно передвигаться. Под его тяжелыми сапога-

ми, казалось, не зашуршит даже осыпавшаяся с деревьев пожухлая листва.

Услышав короткий призывный свист, бойцы со всех сторон потянулись к избе. Замка на двери не оказалось. Отодвинув деревянный засов, первым внутрь, подсвечивая себе карманным фонариком и соблюдая осторожность, вошел Сергей Шепитько, один из саперов отряда. Обнаружив в центре большого прямоугольного помещения стол, на котором стояла «летучая мышь», он полез в карман за спичками.

– Пока не зажигай! – приказал командир, входя следом.

Скоро вся комната наполнилась людьми. Присев на край стоявшего у стены длинного узкого топчана, ефрейтор Черенков опустил автомат на колени и протяжно зевнул:

– Долго нам тут торчать?

– Встреча на полночь назначена, – ответил Федор Иванович, прикрывая ближайшее окно куском висевшей здесь же черной рогожки.

То же самое со вторым окном проделал и Шепитько. Теперь можно было и лампу зажечь.

Тусклый свет вырвал из темноты лица собравшихся, а по стенам побежали пьяные тени. Скрипнув петлями, снова отворилась входная дверь, и в помещение, служившее одновременно кухней и спальней, вошел, пропуская вперед Краузе, старшина Андрусенко. Сорвав висевшую у входа на гвозде ветошь, он принялся усиленно протирать запачканную чем-то ладонь.

– Кто-то совсем недавно был здесь, – негромко произнес Циркач. – За углом дома свежерытая яма, а в ней еще не слежавшаяся от сырости зола.

– Только зола и больше ничего? – хмыкнул Сергей Кнутов, уловив на его лице брезгливую гримасу. – Обычно золой присыпают...

Сидевший рядом Черенков ткнул дружка локтем в бок.

– Не надо при командире! – прошептал он.

– А что тут такого? – передернул плечами Кнут.

– Не хотелось бы, чтобы здесь завоняло вражьи́м гов...

– Заткнись!

Очередной удар по ребрам оказался намного ошутимее. Ойкнув, Кнутов переломился в спине:

– Да понял я, понял!

Вид скорчившегося от боли товарища вызвал у присутствующих приступ неуправляемого хохота. Это помогло ненадолго снять напряжение, в котором бойцы пребывали, ожидая встречи с хитрым и опасным противником. И только Курт Краузе продолжал сидеть с угрюмым лицом, о чем-то напряженно думая.

– Волнуетесь? – Федор Иванович тревожно повернул голову к сидевшему за столом немцу.

– Немного, – честно признался Краузе, поднимая воротник гражданского пальто, надетого поверх формы офицера ГФП – тайной полевой полиции.

– Не стоит. Лучше погрызите вот это, помогает успокоиться. – Командир положил перед ним кусочек колотого сахарина. – Легенда у вас отличная, и играть вам особо не придется, поскольку жить будете под собственным именем. Так что особых поводов для волнения я не вижу.

Краузе предстояло внедриться в банду одного из одиозных командиров «Фронта литовских

активистов». По легенде, он еще летом попал в окружение партизан, но чудом избежал плена, оказавшись единственным немцем, спасенным полицейскими из районной управы. И теперь вместе с ними пробивался в Литву, чтобы оттуда переправиться в Польшу, где еще продолжали находиться некоторые части вермахта.

Мрачное, с закопченными стенами помещение набиралось человеческого духа. Табачный дым и запах махорки проникли во все углы. Федор Иванович отвел в сторону рогожку, горячим лбом приник к холодному стеклу. Прислушиваясь к звукам извне, он незаметно для себя погрузился в воспоминания о Москве...

С полковником Федуловым они встретились на следующий день, как и было оговорено. В этот раз дружеских объятий не было. Раздувая широкие ноздри, Поликарп Матвеевич, о чем-то напряженно думая, сухо предложил ему занять место за столом.

– Чуть позже я познакомлю тебя с одним контрразведчиком, – начал полковник издали. – Это наш немецкий товарищ. Обрати внимание на транспортнике вместе с ним.

Майор вскинул голову:

– Какова его роль в моем отряде?

– Немца необходимо внедрить в банду так называемых литовских партизан под руководством Андреаса Урбонаса...

Через несколько минут Чепраков знал о задании Курта Краузе почти все.

– Учти: провала не должно быть! Места эти ты хорошо узнал за время своей партизанской дея-

тельности, так что разберешься, что к чему. Детали плана разработаешь на месте самостоятельно. Чем сможем – поможем, но особо не надейся. Действуй по обстановке. – В голосе полковника затеплились доверительные нотки. – Федор, ты должен знать, что на том направлении работают и другие спецгруппы «СМЕРШ», и отряды НКВД. У меня надежда на тебя. Запомни фамилию и другого нашего агента – Ульрих Мюллер.

– Тоже немец? – удивился майор.

– Это товарищ Курта. – Федулов показал фотокарточку человека в форме германского офицера. – Они вместе бежали из Германии. Мюллера мы собираемся внедрить в другую банду. Возможно, вы где-то пересечетесь...

В третий раз они встретились с Федуловым перед самым отлетом майора. Взяв его с собой, Поликарп Матвеевич отправился с докладом к начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ», комиссару второго ранга Виктору Абакумову.

Федор Иванович впервые виделся с создателем и всесильным руководителем «СМЕРШ». О непростом характере Абакумова ходило немало слухов.

Виктор Семенович встретил их сдержанно. Почему-то выражение его лица Чепракову напомнило темный лес, притихший перед бурей.

– По данным нашей разведки, – начал Абакумов, внимательно изучая майора, которого видел впервые, – в Литве действуют несколько крупных формирований националистов. Руководители каждой из них видят себя во главе будущей свободной, как они полагают, республики. Конечно,

свободными они никогда не будут, поскольку малые народы всегда нуждаются в поддержке более крупных и сильных государств, но в оптимизме им не откажешь. Одной из таких банд руководит некий Арвидас Станкявичус. Это гражданин Литвы, офицер, служивший в «Литовском территориальном корпусе», а затем в так называемой «Армии обороны отечества»...

Встав из-за стола, Виктор Семенович подошел к карте, висевшей на стене. Не дожидаясь команды, офицеры поднялись и стали рядом.

– Создана она совсем недавно, летом этого года. – Абакумов повернулся к Чепракову. – Противник он весьма умный и коварный. Ради достижения поставленной цели пойдет на все. По нашим агентурным данным, Станкявичус один из тех, на кого делают ставку наши союзнички из-за Ла-Манша. На сегодняшний день основные его силы сосредоточены где-то здесь. – Виктор Семенович прочертил указкой треугольник на карте между Польшей, Литвой и Белоруссией, где зеленым ковром раскинулся лес. – Очень удобное место, надо заметить. Всегда можно скрыться в одной из трех республик. – Офицеры вновь вернулись за стол. – В отряде Станкявичуса без малого четыреста человек. К нему мы забрасываем Ульриха Мюллера.

– Я так понимаю, что нашим агентам предстоит убрать командиров бандитских отрядов? – начал майор Чепраков.

– Пока это не входит в наши планы, – замотал отрицательно головой Абакумов. – Толку мало. Уничтожим одних, на их место встанут другие. Только зря потеряем своих людей. К тому же банд-

формирований разного калибра на этих территориях много, за всеми не уследишь. Нам нужно, чтобы кто-то собрал их воедино – литовцев, латышей, эстонцев. Этим сейчас и занимается абвер по заказу своих заокеанских партнеров. Ими подготовлены так называемые координаторы. Сколько таких людей – никто не знает, но среди них есть один, самый главный. Его называют куратором координаторов. Скоро он прибудет в Литву, и наша задача узнать его и попробовать перевербовать. Это бы дало возможность в нужный момент арестовать сразу все ключевые фигуры на местах в республиках...

Еще полгода назад от источника из Великобритании в Управление контрразведки НКГБ поступила достоверная информация о том, что в скором времени в Литву должен прибыть специальный агент, которому было поручено скоординировать действия националистических банд всех трех прибалтийских республик, а также прибывающих к ним отрядов из Украины и Белоруссии. Агент этот, подготовленный абвером, чья верхушка с некоторых пор активно сотрудничала со спецслужбами США и Соединенного Королевства, должен был в определенный час поднять всеобщее восстание против Советской власти во всех трех прибалтийских республиках. Стало также известно, что данная масштабная акция намечена на случай поражения Германии в войне с Советским Союзом, не позднее, чем через три-шесть месяцев.

Предположив, что куратор может связаться с одним из крупных отрядов, Абакумов решил внедрить в некоторые из них своих людей...

Руководитель Управления «СМЕРШ» повернулся к Чепракову:

– Итак, майор, готовьтесь к операции! У вас будут особые полномочия. При необходимости можете привлекать любые армейские части из тех, что будут рядом. Соответствующую бумагу возьмете у полковника Федулова.

12

Лес спал, погрузившись в непроглядную темень. Время от времени стены избы содрогались от порывистого осеннего ветра. В домике было холодно, но печь разжигать не стали. В лесу запах печного дыма разносится далеко.

Уронив голову на грудь рядом с задремавшим Циркачом, Сверчок вспоминал свою последнюю встречу с матерью и сестрой...

Увидев в сенях живого и здорового сына, одетого в форму красноармейца, с двумя серебристыми медалями на груди, Акулина Цвирко не сдержала эмоций. Вскрикнув, она бросилась ему на шею. Не скоро удалось Коле успокоить мать. Наконец, высушив глаза уголком головного платка, женщина захлопотала у печи.

– Надолго приехали? – с волнением поглядывая на прибывшего с сыном рыжеволосого, веснушчатого ефрейтора Черенкова, поинтересовалась она.

– Дня на три, – ответил Сверчок, обняв притихшую рядом с ним на кровати сестричку Аню. – Служба, сама понимаешь! – виновато потупил он взор.

Видя, что женщина огорчена, Павел Черенков, рассматривавший висевшие на стене в большой

раме за стеклом семейные фотографии Цвирко, решил прийти товарищу на помощь:

– Да вы не расстраивайтесь, Акулина Борисовна! Нас тут на днях на Кубань отправляют в длительную командировку. Будем охранять военные объекты. От передовой это далеко, так что Коля ничего не грозит. Можно сказать, на курорт едем: море, солнце, фрукты!..

Ни в какую Кубань Акулина, конечно, не поверила. Она давно подчинилась судьбе и теперь с замиранием сердца ждала часа, когда сын покинет ее. Сжав в комок свою истрадававшуюся материнскую душу, женщина почти простонала:

– Море!.. Море – это хорошо!

Нет, плакать она не будет. Ее герой-сын не должен видеть материнских слез. Это потом, когда он оставит родительский дом, Акулина даст волю чувствам, моля в слезах Господа, чтобы даровал жизни ему и его боевым товарищам. За всех матерей помолится.

Вдвоем с Лопатой, откомандированным ему в помощь, они навезли из лесу дров, накололи их на зиму, подправили рассыпавшееся крыльцо и прохуdivшуюся старую крышу дома и к обеду четвертого дня засобирались в райцентр.

Коля страстно желал повидать Лиду. Зная об этом, Павел Черенков решил покинуть его на станции, куда они прибыли. Договорившись, что встретятся вечером на этом же месте, Лопата отправился искать угол на двоих для ночлега, справедливо полагая, что в разрушенном войной городке сделать это будет нелегко.

Стук в дверь отвлек девушку от уборки. Отворив

ее, Лида от неожиданности замерла, увидев перед собой Сверчка в форме красноармейца. Прижав руки к груди, взволнованная девушка в следующую секунду юркнула в соседнюю комнатку и уже оттуда крикнула: «Ты проходи, я сейчас...»

Несколькими минутами позже, переодевшись в чистое платье, она вновь показалась перед ним, застывшим в прихожей все в том же тревожном ожидании. Коля боялся, что разговор у них с Лидой не склеится...

Пригретые нежарким осенним солнцем, они прогуливались по центральному парку, разбитому перед самой войной. Уцелевшие от войны деревья стыдливо оголялись, роняя на молодых последнюю золотистую листву. Шли молча, не касаясь друг друга. Временами Сверчок искоса поглядывал на Лиду. За то время, что не виделись, он заметно подрос, но все еще отставал в росте, поэтому старался тянуться на носках, дабы сравняться с ней.

Заметив это, Лида улыбнулась про себя. Она первой заговорила, обратив внимание на его небольшую хромоту.

– Как твоя рана, болит? – произнесла с сочувствием. – Я так переживала за тебя, когда узнала.

– Правда?

Они свернули на соседнюю дорожку, по сторонам которой росли березы. Коля был тронут признанием девушки, но по-прежнему старался не смотреть на нее. Боялся увидеть в ее глазах равнодушие.

Лида замедлила шаг, повернулась к нему лицом:

– Правда! Очень переживала, даже плакала.

Необыкновенное волнение охватило грудь молодого человека. Остановившись, Николай взял ее руки в свои и поднес к губам...

Вечером, прощаясь возле дома Лиды, Сверчок, по-прежнему робея, неуклюже притянул ставшее вдруг безвольным ее тело, и их губы на короткий миг соединились в поцелуе.

– Ты, пожалуйста, береги себя! – смутившись, промолвила девушка, уткнувшись лицом в его грудь. – Не геройствуй! Знаю я тебя...

Все еще как наяву Сверчок вспоминал шепот нежных губ своей возлюбленной, когда в ночной тишине за стеной избы внезапно послышался шум.

Майор Чепраков поднял пистолет со стола, заложил его за пояс:

– Ну, кажется, прибыли «гости»!

Сбросив остатки сна, все, кто был в помещении, пришли в движение. Трое – Циркач, Лопата и Кнут – взяв оружие наизготовку, тихо, по-кошачьи, приблизились к выходу, но дверь открывать не стали.

– Курт, вы остаетесь на месте! – приказал немцу Федор Иванович. – Не забывайте: русский язык вы не знаете. Помните об этом всегда.

Краузе послушно кивнул.

Распахнув дверь, Чепраков-Матюшин первым шагнул наружу. Небо к этому часу успело немного очиститься от туч, и луна высветила часть двора, обрисовав фигуры вынырнувших из-за угла нескольких человек. Сопровождаемые караульными, ко входу подошли трое незнакомцев. Не уби-

рая палец с курка немецкого пистолета-пулемета, старшина Андрусенко выхватил острым лучом карманного фонарика их лица из темноты.

– Ночь в помощь! – подойдя ближе, произнес один из них, прикрыв глаза от ослеплявшего света. – Похолодало! Огоньком не поделитесь? – поинтересовался он.

Это были ожидаемые слова пароля. Циркач отвел луч в сторону.

– Поделимся, как не поделиться с хорошими людьми?! Махоркой не угостите? – ответил в свою очередь Чепраков, опуская руку в карман зимней полицейской куртки.

– С русской махоркой у нас плохо. Могу угостить «Оберстом», – сверкнул белыми зубами в ночи рослый литовец.

Сигареты этой марки поставлялись в войска вермахта. Закончив обмен паролями, Чепраков представился:

– Кондрат Матюшин! Вице-фельдфебель взвода шумы. Бывший! – поправился он.

– Вилкас! – Мужчина пожал протянутую руку. – Сорока передала, что ты хотел встретиться с нами?

– Сороки в этих местах дюже говорливые, – выдавил улыбку «Матюшин», оценивая силу его рукопожатия. – Ты где так по-русски говорить научился? – искренне удивился Чепраков, обратив внимание на легкий, почти незаметный акцент прибалта и то, как бегло он разговаривал. – Ваша республика, вроде как, только недавно в СССР вошла!

– Я до войны в Ленинграде учился, – неохотно

ответил литовец. – Архитектором хотел стать. Говори, зачем позвал?

Приняв предложение «Матюшина» переговорить в доме, Вилкас оставил своих людей ожидать снаружи, а сам вошел внутрь. Увидев при свете лампы несколько вооруженных людей, одетых в полицейскую форму, он не сдержал ухмылки:

– Это что, все твои люди?

Сделав вид, что не замечает сарказма в его словах, Чепраков ответил:

– За мной почти взвод! Было больше, да красноармейцы недавно чуток потрепали. Хотя им от нас больше досталось.

– Что, много положили? – все с той же иронией спросил связной Урбонаса.

– Могли и больше, если бы объединились с другими отрядами. Собственно, по этому поводу я и хотел переговорить с вашим старшим. Как его, Андрей, кажется?

– Андреас! – поправил его Вилкас, перестав ухмыляться. – Всех не перестреляешь! У Советов много людей. Надо ждать, когда немцы вернутся.

«Матюшин» громко расхохотался:

– Немцы? Нет, эти уже вряд ли вернутся. Теперь ставку надо делать на другие силы. – Командир особого отряда «СМЕРШ» пытался направить разговор в нужное ему русло. Он хорошо знал, за какие душевные струны дергать националистов. – Буду с тобой откровенен. Я считаю, что на наших землях хозяевами должны быть только мы. Согласен? Понимаю, пока это невозможно, поэтому мы с вами и вынуждены опираться на всяких «друзей». Вчера то были немцы, а завтра...

Завтра, может, кто-то другой станет. Впрочем, я об этом пока умолчу. Не знаю, что вы за фрукты такие и кого поддерживаете.

Вилкас задумчиво посмотрел на «Матюшина». Еще только войдя в помещение, он заметил сидевшего в стороне от всех человека, под распахнутым пальто которого виднелась форма немецкого офицера.

– Кто это? – Не скрывая интереса, литовец качнул головой в его сторону.

– А, обер-лейтенант Курт Краузе, – раздраженно отмахнулся «Кондрат». – Он у нас спецсвязью заведовал. Когда на город напали партизаны, Курт со своей бригадой на линии был. Солдат его всех перебили, а сам едва ноги унес. Прятался в какой-то яме, пока мы на него случайно не напоролись. С тех пор так с нами по лесам и скитается. – «Матюшин» глянул на несчастное лицо немца, и голос его смягчился. – Так-то человек он неплохой. Только совсем уж не приспособлен к войне. Я пообещал переправить его к соотечественникам, только где они? Нет их, сбежали! А ты говоришь – вернутся. Говорю тебе, ставку надо делать на более сильные государства...

И снова литовец никак не отреагировал на слова Чепракова. Не отводя глаз от взлохмаченного, заросшего многодневной щетиной немца, смотревшего на него испуганными глазами, он уверенно вымолвил:

– Германия сильна. Ее армии еще вернутся.

– Да плевать на них! – «Матюшин» скривил рот, словно его вот-вот стошнит. – Ты думаешь, я германцам из-за большой любви к ним служил?

Просто надеялся, что они помогут нам скинуть Советскую власть. Потом бы мы и им по первое число надавали.

Чепраков знал: это была любимая тема прибалтов. В действительности, такая наивность умиляла майора.

Вилкас ухмыльнулся, слушая «Матюшина», человека, по всему видать, недалекого.

– Разве вы не слушаете радио? Отступление это временное, тактическое. Гитлер заявил, что скоро его доблестная армия получит новое, невиданное до сих пор по мощности оружие. Вот тогда и будет нанесен сокрушительный удар по коммунистам.

– Ну, будет или нет – то бабка надвое сказала! Твой Гитлер еще в сорок первом обещал Москву взять, а сам у Сталинграда зубы сломал. Ему даже свои перестали верить. – Чепраков повернулся к Курту, незаметно подмигнул. – Вон, можешь его спросить. Жаль, только, что он по-русски не бель-меса.

По лицу несчастного Краузе пробежала какая-то безысходная, и от того казавшаяся глупой улыбка. Немецкий антифашист правдоподобно играл роль измученного тяжелыми условиями лесной жизни человека.

Однако и Вилкас неплохо справлялся со своей. Делая вид, что разговор о будущем немецкой армии его, в действительности, не очень волнует, он протяжно зевнул, бросив лениво в воздух:

– И кого ты вместо немцев видишь?

При этом шея его вытянулась, напряглась. Майор Чепраков почувствовал, как набатно, словно колокол, застучало в груди сердце. Похоже,

заброшенная им наживка заглатывалась врагом. Теперь важно было не переиграть.

– Ну, об этом как-нибудь потом, если сдружимся, – отмахнулся «Матюшин». – Я тебе другое скажу. Глупо получается, не находишь? Мы, вроде как, вместе против Советов боремся, а всё порознь. Предлагаю объединиться.

– Зачем? – недоумевающе пожал плечами Вилкас. – Вы воюете за Белоруссию, мы – за свою страну. Зачем нам объединяться?

– М-да, не державный ты человек! – разочарованно бросил «Кондрат», недовольно махнув рукой. – Узко мыслишь. Ваш командир так сам думает? Мне хохлы сказывали, будто он человек вразумительный, глубже своих хуторских помощников рассуждает.

Сравнение с малограмотными хуторянами оскорбило литовца:

– Не переживай. У Урбонаса прекрасное юридическое образование. Он знает, что делает. А украинцам не верь. Эти на каждом шагу болтают разное. Нам, к примеру, тоже кое-что про тебя рассказали, господин Матюшин, – с неким вызовом в голосе сообщил Вилкас.

Федор Иванович натужно улыбнулся.

– Да? Ну-ка, ну-ка! И что же, любопытствую?

Напряжение командира передалось находившимся в комнате бойцам.

– Говорили, что ты в своем районе сильно наследил. В расстрелах лично участвовал. Дома коммунистов сжигал.

– А, это?! – Чепраков свободно задышал. Он вспомнил, как однажды, встретившись с украин-

скими националистами, много и охотно привирал о своих, якобы карательных, похождениях, отождествляя себя с настоящим Матюшиным. «Выходит, донесли все же? – обрадовался он. – Сыграли на руку!» – Было такое, чего уж, – не стал он отнекиваться.

– Энкаведешники, наверное, до сих пор тебя разыскивают! – Вилкас разжал в ухмылке тонкие губы. – Не боишься, что сдадим?

– А смысл? В предательстве должна быть выгода. А какая вам с того польза?

– Поживем – увидим. Ты что-то про объединение говорил! Есть повод отличиться, а заодно и свою преданность нашему общему делу доказать. Готовы?

Этого майор Чепраков ждал и боялся одновременно, понимая, что проверку, скорее всего, придется пройти через кровь.

– Говори, что надо делать! – без всяких предварительных расспросов, спросил он, демонстрируя немедленную готовность сотрудничать.

– Решили мы один склад взять. Он здесь, в этом районе. Красноармейцы его в лесу оборудовали. Свозят туда всякое оружие, боеприпасы.

Чепраков оживился:

– Откуда такая уверенность, что там оружие? Может, провиант собирают для фронта?

– Оружие, – стал настаивать Вилкас. – Сколько, говоришь, у тебя людей, взвод?

– Взвод, – согласно кивнул «Матюшин». – Истинное количество бойцов в двух своих отрядах Федор Иванович намеренно не стал раскрывать. – И оружие кое-какое имеется: винтовки, автоматы. Вот

только патронов у нас маловато, и гранат совсем нет.

Задумавшись, Вилкас стал теревить ремень своего автомата, после чего резко встал, закинул его за плечо:

– Хорошо, я передам Урбонасу твою просьбу объединиться.

– Предложение! – поправил его Матюшин-Чепраков. – Во всякой просьбе есть элемент унижения, а я предлагаю.

Вилкас ухмыльнулся:

– Ждите, скоро снова свяжемся с вами.

Не произнося больше ни слова, он направился к выходу.

Федор Иванович боковым зрением заметил нетерпеливый жест рукой Курта Краузе, требовавшего остановить литовца.

– Ну что, болезный, ждешь утреннего кофе? – воскликнул нарочито громко «Матюшин», желая снова привлечь внимание Вилкаса к немцу.

– О, я-я, каффи! – закивал Краузе. Подыгрывая майору, он всем своим видом изображал крайне несчастного человека.

– А нету кофе! Все, закончился! Ты еще ванну попроси, белье свежее. И как только тебя фрау муттер воевать отпустила, жалкий ты человечешко?!

«Матюшин» отпустил грязное словцо в адрес офицера.

Уже в дверях Вилкас обернулся:

– Вы что, не можете обеспечить его кофе?

Чепраков развел руками:

– Откуда настоящий в наших лесах? А эрзац он давно сожрал весь, зараза! – В следующую секун-

ду лицо его исказилось злобой. – Откровенно говоря, достал уже этот нытик. Боюсь, хлопнут его мои мужички когда-нибудь.

– Это мы запросто, – оскалился Лопата, демонстративно перезаряжая оружие.

«Дикари!» – подумал Вилкас. Внешне не выказывая особого интереса к гитлеровскому офицеру, он предложил:

– Если мешает, я могу забрать его с собой!

Лицо «Матюшина» расплылось в ухмылке:

– Что, и кофе найдется?

– У нас всё найдется.

– Сделай одолжение, забирай! – обрадовался «Кондрат». – Если есть возможность – переправьте его к соотечественникам. Болезненный он какой-то! Не ровен час, еще загнется в нашей болотной сырости.

– Есть такая возможность, – заверил литовец Чепракова, не осознавая в этот момент, что выдает важную информацию.

Федор Иванович был доволен. Практически по собственной инициативе Вилкаса ему удавалось перекинуть Курта в отряд Урбонаса. Это должно было поднять доверие литовцев к «Матюшину». Обрадовала майора и неосторожно оброненная связником Урбонаса фраза об имеющихся у них контактах с гитлеровцами.

Показав на Вилкаса, «Кондрат» велел Курту:

– Иди с ним, герр Краузе! Гех-гех!

Лицо обер-лейтенанта сделалось испуганным:

– Варум?

– Иди-иди, не бойся, не обидят!

Они вышли во двор. Подсветив циферблат на-

ручных часов, Чепраков повернулся к литовцу:

– Когда ожидать вашего решения?

– Затягивать не будем, – пообещал тот и, забрав с собою Курта, скрылся в непроглядной ночи вместе с сопровождавшими его товарищами.

Проводив их долгим взглядом, Чепраков командовал:

– Всё, уходим!

– Федор Иванович, уверены, что Курт нас не сдаст? Все-таки немчур! – беспокоился старшина Андрусенко.

– Не о том думаешь, Саша, – качнул головой майор. – Этот немец фашистов больше нашего ненавидит. Они его родину уничтожили. Сейчас важно, чтобы Краузе не прокололся на допросе, – задумчиво произнес командир.

– А его что, допрашивать будут? – воскликнул Сверчок, державшийся все время в тени.

– Тьфу ты, напугал! – выругался Циркач. – Выучили на свою голову ходить незаметно!

– Допрос не допрос, но расспрашивать обязательно будут. Кто он, откуда и как к нам попал. Им нужно удостовериться, те ли мы, за кого себя выдаем.

– Ну, с этим у нас все в порядке. Бумаги подлинные. – Циркач перекинул автомат со спины в руку, приготовившись бежать. – Я вот все думаю, не проще ли было оформить на нас липовые документы? А что если кто-то знал настоящего Матюшина или его полицаев?

Мысль эта беспокоила майора Чепракова еще в Москве, но полковник Федулов, кому принадлежала идея, думал по-другому. В одной из папок капитана Хойера, найденных Сверчком в

лесу, обнаружился полный список сотрудников взвода Матюшина. Немцы часто оформляли документы в нескольких экземплярах, и Поликарп Матвеевич не исключал, что в любой момент у националистов, связанных с гитлеровцами, могла всплыть копия этого списка. В таком случае у Андреаса Урбонаса не возникло бы сомнений в подлинности отряда.

Федор Иванович даже предположить не мог, сколь пророческими окажутся слова старшины Андрусенко. Очень скоро над ним нависнет опасность быть разоблаченным.

Пробежав километра два, группа остановились на короткую передышку. Достав из кармана небольшой блокнот и фонарик, Чепраков отошел в сторону и химическим карандашом быстро набросал на листок короткий текст.

– Циркач, возьмишь с собой двоих-троих бойцов и дуй к «болотному домику», – протягивая записку старшине Андрусенко, приказал он. – Передашь Григорию, чтобы немедленно отправил это в Центр. Если что – бумажку уничтожить! Ждем вас обратно к обеду. И да, возьми Колю Цвирко, – сказал он напоследок. – Пусть развеется с вами. Может, кого из старых знакомых встретит.

В темноте Сверчок не увидел, как майор загадочно подмигнул старшине.

Кузнечики стрекочут вечерами,
И травы пахнут свежестью и мёдом,
И паутин загадочных спирали
Дрожат в кустах... Ликует мать-природа!

Остались дома в уголке веранды
Подрамник с ненатянутым холстом
Да зарисовок склеенных гирлянды,
Мольберт и краски, лампа над столом...

... Брожу, мечтая... Солнце ниже, ниже –
Вот-вот окрасит киноварью рощу.
Берёз верхушки кажутся всё ближе...
Неспешно ветер их листву полощет.

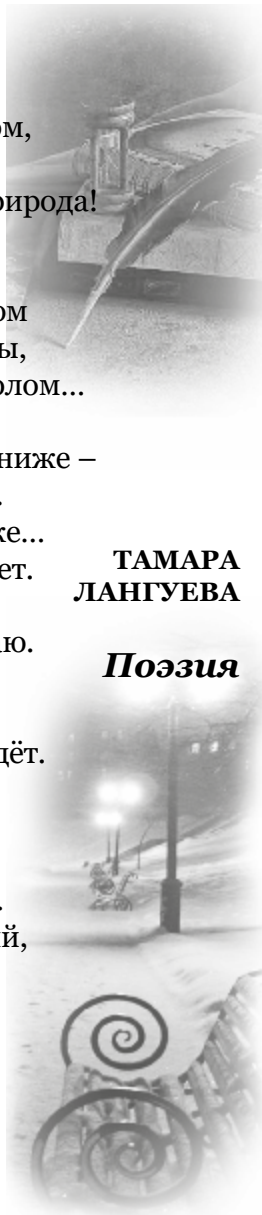
**ТАМАРА
ЛАНГУЕВА**

Зажгись, звезда!.. Желанье загадаю.
Когда-нибудь мне точно повезёт!
Душа моя, как эта синь лесная,
Грядущих перемен с надеждой ждёт.

Поэзия

Поезда, разрывая пространство,
Мчатся ночью в ковчег темноты...
Сколько было разъездов и станций,
И вокзальной пустой суеты!

Поезда из двадцатого века...
Вновь меня разбудили они,
Точно прошлого времени веха,
Придорожного стана огни.

Что им грезится в облаке пара
И в пронзительном звуке гудка?
Может, войн отгремевших пожары,
Похоронки суровой строка?..

Может, нежная просинь рассвета
Или песнь одиноких берёз...
Молодой лейтенант с сигаретой –
Впрямь застрельщик девчоночьих слёз?

... И стучат по невидимым рельсам
Серым призраком в сизой дали
Поезда нескончаемых рейсов,
Устремляясь в далёкие дни...

С рассветом дождь приходит летний
И обновленье в жизнь несёт.
Светлей становится на свете,
И сердце откровений ждёт...

По стёклам радужным веранды
Загадочно стекают вниз
Дождинок длинные гирлянды
И сразу бьются о карниз...

Ах, сколько в простоте скольженья
Изящества и волшебства!..
Ведь в этих каплях и движеньях –
Сиянье духа естества.

... Звенят дожди по всей России
Хрустальной россыпью живой.
Они немислимо красивы
Над тёплой чувственной землёй.

По тропинке извилистой сада
Вновь иду вдоль оврага к ручью –
От обид и от ссор... от разлада.
Может, заново жить я начну?..

Все нелепые сплетни соседей
С тонкой струйкой воды уплывут.
... Молвит тяжко с тоской дядя Федя:
«Люди злые угрюмо живут.»

И продлится минута, другая...
Сядет ворон на сгорбленный дуб.
И прислушаюсь я, постигая,
Как цветы над обрывом растут...

Невзирая на гиблое место,
На созвездье колючих ветров,
Расцветают ромашки!.. Все вместе...
Средь травы и скопления мхов.

Так и мы: покричим и притихнем,
Вспомним прежний наш пройденный путь,
И друг к другу с надеждой приникнем...
И попробуем счастье вернуть.

Что приснилось – забудется!..
Жёсткий ветер. Декабрь.
Солнца мутное блюдечко –
зимних дней дирижабль.

Буераки, колдобины...
Не объехать их всех!
Сто дорог было пройдено,
Сто печалей за век.

Нынче время спрессовано,
как вода – в гололёд.
Жить на свете рискованно,
лишь немногим везёт.

... Кто там прячется в рощице:
недруг, демон ли злой,
строя странные рожицы
и швыряясь золой?

Уж метель поднимается
и не видно ни зги...
Отмеряя, как маятник,
Жизнь рисует круги.

Планета вертится пока,
Её движенье не меняется.
Сверкают в небе облака
И в бесконечность устремляются...

И солнце фейерверк лучей
Всем дарит каждый день без устали,
И тянет песенку ручей,
В речное попадая русло...

И дети крепнут и растут...
Ах, как им хочется стать взрослыми!..
И колокольчики цветут
За тёмно-серыми откосами.

Ковыль колышется в степи,
Как призрак дальних мест космических...
Вся жизнь бурлит себе, кипит –
Фонтаном льётся феерическим.

* * *

В зеркале времени город весенний.
Взгляд твой мечтательный, лёгкость шагов.
Неукротимость слов и движений,
Как избавленье от снежных оков...
Как избавленье от стужи метельной,
Освобожденье от пут ледяных.
Радостью светится крестик нательный...
В золоте солнца купаются дни.
... Флаги на площади утром развесили.
Улицы, скверы сияньем полны,
И невесомы трамваи над рельсами –
Символы звонкие яркой весны.
Зеркало времени... Юность далёкая.
Май и студенчество. Встречи... Сирень.
Щёки румяные. Нежные локоны...
Трели дроздов, словно неба свирель.

Железная дорога

Поток поездки

I

Острый контур гор.
Серая дорога
 вьётся в тишине.
Склоны окрестные
прохвачены огнём
осени первоначальной.
Тёмные клочья облаков,
и янтарная ниточка
 огней вдоль трассы,
и туча грозная на севере,
куда летим-грядём.
И спящие
 у трассы города...

Лишь керосиновый
кораблик-колесница
рвётся неустанно
в даль
угрюмо-равнодушную...

И так – всю жизнь...

II

Брежущий холодок тишины.
Сияние – ниоткуда.
Призрачные
петухи-невидимки рассветные.

**СТАНИСЛАВ
ПОДОЛЬСКИЙ**

Поэзия

Редкая легковушка
пропарывает утро.
Настороженное ожидание...

Солнце – как Голос –
встаёт из-за стены
воздушно-фиолетовой
Бештау недреманного.

И вспыхнули розаны облаков –
зарёй просторной и беспечной!..

Мир никогда не спит,
как человек.

III

Безмерно-облачные небеса –
над полем безмолвным.
Земля жирно-фиолетовая
распахана до горизонта
работниками-невидимками,
великими безымянно.
Растрёпки-деревца шпалерами
столпились у трассы
народом
безлико-любопытствующим.
Простора столько,
сколь душа вместит,
И другим ещё
с лихвой достанется...

Родное, ничейное
сизо-зелёное, жёлто-бурачное,
нежное –
страна всеобщей души...

IV

Степь –
всей шерстью взъерошенной
прошлогодных трав –
зимует на припёке
неяркого светила
под ветром ледяным...

Ах, вечно мчался бы
меж заброшенных
лесополос изумрудных
в подпалинах
осени первоначальной...

Эта зима

Ледяное пространство...
Легли на пашню снега...
Спят деревья в свежей
белесой пряже...

В высоте синева,
и плывут облака, облака...
Ах, весь мир - словно белый
хрустящий праздник!..

Здравствуй, здравствуй, зима!
Я люблю твой крахмальный простор!

Завывает потный злой электровоз.
Завихряет душу снежное пространство...
«Ты куда спешишь?

Куда летишь-грядёшь?» –
вопрошает перестук
колёс цыганских...

Февраль

Вьются снежинки
наискосок,
метят в дыханье
или в висок.
Зябнут деревья,
ветви в снегу...
Стыну в печали
на берегу
речки туманной,
смутной, сырой...
Дымно и странно...
Над головой
гаснут снежинки,
свежестью став...
Холод. И выси.
И красота....

Рань

Природа не устаёт
и не стареет.
Всё так же острые озимые
сияют.

Всё так же розово
теплеет белизна
Эльбруса снежного...
Всё так же строятся дома,
и множатся дороги,
и скорость жгучая растёт,
как в юности моей...
И кажется – я юный, не усталый,
а самый свежий средь людей...
.....
Я не был здесь
сто лет с довеском.
И вот я снова здесь –
живой!
Опять сияют перелески
листвою свежей ножевой!..

Вечер

До чего бездомный вид:
бездна снегом порошит,
как дырявая сума...
Зябнут люди и дома...
Вмиг смеркается вокруг –
замыкает время круг...

Из-под потемневших век
сыплет-сыплет чёрный снег.
И бежит моё перо –
там, где утро намело, –
по страничкам – в небеса –
огненная полоса...

Алое сердечко зари

Новелла

Заря стояла в полный рост. Всё окно тесной больничной палаты было заполнено ею. Слегка приоткрыв слипшиеся веки, Ольга Петровна попыталась приподняться в постели, но тут же скорчилась от боли. Тело, ставшее тяжелым и чужим, не слушалось её, сопротивлялось желанию и воле. Ольга Петровна внезапно ощутила полное бессилие и одиночество. Откинувшись на смятую подушку, утопая в изломанных сугробах постельного белья, она плотно закрыла веки. Свет угас.

«Старость всегда одинока. Но в старости ещё можно отсидеться, переждать смерть, – подумала она. – По Божией воле старость подарила мне целых пятнадцать лет. Успели вырасти и дочь, и внук. Да и с правнуком выпало счастье повстречаться. А вот если сама смерть на пороге?.. Тут уж ничего не поделаешь. Принимай гостью с достоинством: она того стоит».

**ТАТЬЯНА
ТРЕТЬЯКОВА-
СУХАНОВА**

**Проза
Поэзия**

Ольга Петровна погружалась в большой обволакивающий сон. Выплывавшие из подсознания осколки памяти складывались в ее голове, словно в калейдоскопе, в разноцветные картинки-образы. Вначале они были яркими и четкими, но постепенно блекли и становились подобны вялым звездам, которым пришло уже время остыть, – но они все еще поблескивали сквозь туман небосвода.

«Какое удивительное яблоко принес мне внук, когда я особенно тяжело болела. А принес он его в день Яблочного Спаса. Огромное, словно вместившее в себя сотни солнечных лучиков, оно светилось изнутри, и в нем были видны крепкие гладкие коричневые семечки. Ярко-желтое, горячее. А как пахло медом!

Я тогда спросила внука:

– Ваня, где ты нашел такое?

– На солнышке под яблоней лежало. Никто его, проходя мимо, не увидел и не поднял. А я его нашел. Я нашел его для тебя. Ты только не умирай!

И он бережно, перевернув, словно лодочку, свою ладошку, вложил яблоко в мою озябшую ладонь.

То ли от прикосновения его рук, то ли от горячего яблока, освященного солнцем и Спасом любви, я почувствовала тогда, как в мою ладонь перетекло живительное тепло.

Души близких людей похожи на сообщающиеся сосуды. Радостное или грустное движение в одной тут же передается другой. Слышала это когда-то от людей, уже и не помню от кого.

А люди ведь говорят верно. Милый мой внучок, родной...».

День уже обрушился на землю, когда Ольга Петровна очнулась от продолжительного сна. В маленькой узкой палате было светло и душно. На соседних кроватях сидели и тихо беседовали больные.

– Надюша, откройте, пожалуйста, окно, – попросила Ольга Петровна. Молоденькая соседка вспорхнула с кровати, подбежала к окну и настежь распахнула его. Свежий воздух ворвался в палату, как шаловливый мальчуган.

Надя, отойдя от окна, вдруг приостановилась. Едва заметная улыбка проявилась на её лице.

– Ольга Петровна, – сказала она, – а у вас на левой щеке появился румянец!

– Алое сердечко зари, – спокойно ответила Ольга Петровна.

И отрешенно подумала: «Утренние часы нам дарит небо, а дневные – земля».

Воистину, дана такая власть –
Спокойное могущество природы:
Нам тайны мироздания постигать,
Пригубив лишь
Глоток ее свободы.
По следу уходящему идти...
И к искорке звезды, от света к свету
Полночному
Порхают мотыльки –
Живые, замирающие где-то.
Прозрачная, как воздух, синева –

И тишина изнанкою наружу.
И всё для всех – живое и сполна...
Не дай нам Бог
Внезапно все нарушить.

Помню:
утро, росой омытое, птицы летели низко,
мать на крыльце стояла, их провожая, пела.
Помню мотив этой песни, слова –
затерялись где-то.

Помню дыхание утра.
Солнце всхлотившее помню.
Веет прохладой.
Тихо
в небе садов цветущих.
Помню лицо матери, словно росой омытое, –
свежее, ясное, чистое.

Помню мотив ее песни –
далекий,
протяжный,
зовущий.

ЛЕГЕНДЫ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Звезда
Даниила Осиновского**

Спросите у любого ставропольского меломана: «Кто такой Даниил Осиновский?», и вам ответят: «Он был художественным руководителем и дирижером нашего духового оркестра». Будь в краевой столице звездная Аллея деятелей искусства, то большинство горожан захотели бы видеть на ней звезду Даниила Аркадьевича (Абелевича) Осиновского, являющегося ярким представителем целой эпохи в музыкальной истории Ставрополя. Он запомнился землякам как композитор, дирижер, педагог и неустанный подвижник духовой музыки.

А началось всё ещё в раннем детстве, когда родители купили сыну невиданную по тем временам роскошь – пианино. Думали паренёк, эвакуированный во время войны вместе с семьей из Днепропетровска в госпи-

**ТАТЬЯНА
ПЕСТРЯКОВА**

тальный Кисловодск, что станет воспитанником Ростовской военно-музыкальной школы, а впоследствии – выпускником военного факультета Московской консерватории? Что в составе роты юных барабанщиков духового оркестра будет участвовать в знаменитом Параде победы на Красной площади?

Думал ли майор Осиновский, что армейская служба забросит его с Плесецкого космодрома в южный Ставрополь на должность дирижера военного оркестра высшего военного командного училища связи? А ведь именно здесь в полном объеме и проявились его организаторские способности.

Композиторское творчество – дело сложное, требующее полной самоотдачи и самоотречения. Творчество военного музыканта – дело сложное вдвойне. Это – не только партитуры и аранжировки, но и ежедневные репетиции, участие в разводах, строевой подготовке, парады, сопровождение торжественных мероприятий и церемоний, программные выступления духового оркестра, хоровое пение под строевой шаг.

В каждом звуке – целая эпоха.

В каждой ноте – верность и любовь.

Даже если на душе и плохо, –

Звук трубы поднимет настроенье вновь!

(Э. Муллер. Духовой оркестр.)

По воспоминаниям сослуживцев, Д.А. Осиновский был для них не просто художественным руководителем, а настоящим командиром оркестра,

воспитывающим у своих коллег – музыкантов в погонах – чувство строя, единства, победы.

От своих подчиненных дирижёр добивался не только слаженности звучания, хотя и на это им обращалось пристальное внимание, сколько душевности, сопереживания исполняемым мелодиям и полной самоотдачи. «Играя, вы должны думать не о гаммах, а о долге, о силе воинского единства. Тогда вы будете способны повести за собой людей. Команда «Знамя и оркестр – вперёд!» не потеряла своей актуальности и в наши дни. Слушатели могут простить проседание на терцию труб, более быстрый барабанный ритм, вступление не в такт валторн. Но они никогда не простят, если в игре оркестра не будет чувствоваться биение ваших сердец и полёт ваших душ», – напутствовал он музыкантов. Как тут не вспомнить строки из песни «Оркестрам военной поры»:

Играет оркестр военной поры.
Замёрзшие пальцы немеют.
И звуки становятся выше игры.
Они чьи-то души согреют.

(Юриэль. Оркестрам военной поры.)

Д.А. Осинковский относился к касте военных музыкантов «старой закалки», отличавшейся высочайшим уровнем профессионализма, интеллигентностью, ответственным отношением к делу. Был, к сожалению, одним из последних ее ярких представителей. Горько видеть, как постепенно угасает военная музыка на Ставрополье. Музыка, играющая огромную роль в па-

триотическом воспитании подрастающего поколения. Не получилось бы, как ещё во времена Г. Державина:

Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир.
*(Г. Державин. Снегирь.
На кончину А. Суворова.)*

Пройдя школу военной службы, организовав несколько духовых оркестров, Д.А. Осиновский, как истинный патриот и человек с активной жизненной позицией, близко к сердцу принимал начавшийся во время перестройки развал российского искусства, называя его «культурной контрреволюцией».

Д.А. Осиновский по праву считается основателем духовой музыки на Ставрополье. Маэстро, как называли его окружающие, обладал удивительной способностью – он, подобно планете, притягивал и объединял вокруг себя единомышленников, людей, с которыми вместе шёл к достижению поставленных целей, какими бы масштабными они не были. Скромным он был человеком, интеллигентным и работающим. Предпочитал не словами создавать себе имидж, а делами, каждодневными, порой рутинными, но работающими на конечный результат.

Так, при поддержке городской администрации музыкантом был организован муниципальный концертный духовой оркестр, ставший по праву визитной карточкой Ставрополя, его брендом, гарантией успеха и полных зрительных залов.

А марши-парады духовых оркестров и конкурсы-смотры детских духовых коллективов с их завораживающим барабанным боем, с их звенящим хором латунных труб, с вздымающимися вверх бунчуками? А возрожденная традиция «парковых» концертов и танцевальных вечеров? Всё это стало возможным благодаря инициативе, креативным идеям и менеджерскому дару Д.А. Осинковского.

И на всё у музыканта хватало и времени, и сил. Он помогал решать вопросы приобретения домами культуры и музыкальными школами края комплектов и одиночных духовых инструментов, нотной литературы; организовывал курсы повышения квалификации руководителей духовых коллективов; занимался пропагандой оркестровой музыки, расширяя её функции, масштабы и сферы профессионального применения.

Горожане с ностальгией вспоминают концерты городского духового оркестра, создателем, художественным руководителем и дирижером которого являлся заслуженный деятель культуры РФ Д.А. Осиновский. У меня до сих пор перед глазами сцена и Он – всегда подтянутый, сосредоточенный и, казалось, невозмутимый. Но при этом я всем своим естеством ощущала, что в душе у Маэстро, нет, не буря, – ураган эмоций, чувств и переживаний. Взмах дирижерской палочки, и перед тобой открывался чарующий мир музыки, настоящей музыки. Музыка, в которой слышалась и боль, и смех, и слёзы, и радость, и, конечно же, любовь. Музыка, от которой замирали души:

Сплочён и слитен хор металла,
И властно над безмолвьем зала
Царит гармония оркестра.

(Я. Белинский. Оркестр.)

Это сейчас духовой оркестр, организованный Д.А. Осиневским и носящий его имя, стал концертирующим коллективом, исполняющим эстрадные шлягеры и джазовые композиции. А ведь раньше ему были под силу любые музыкальные жанры: русские народные мелодии и песни, советские и мировые джазовые и эстрадные произведения, классическая музыка. Вы можете себя представить, что духовой оркестр исполняет знаменитый «Полет шмеля» или произведения Шнитке, Прокофьева, Бетховена, Моцарта, Глинки, Чайковского?.. И не просто исполняет, а дает их музыкальную антологию.

Это сейчас благодаря администрации города Ставрополя у концертного духового оркестра Дворца культуры и спорта есть своя сцена и помещения для репетиций, есть, в конце концов, стабильное финансирование. Однако прежде этого у коллектива не было. В перестроечные годы оркестру приходилось выживать в условиях недостаточности бюджетных ресурсов, выделяемых на культуру, частенько самим зарабатывать средства на свое содержание, менять сцену для своих выступлений. Где они только не играли – и в городском Доме культуры, и в школе искусств, и в филармонии... Но несмотря на все трудности, концерты духового оркестра не прекращались и постоянно радовали слушателей новыми му-

зыкальными программами. И сейчас любители музыки не изменяют своим предпочтениям, продолжая приходить на «осиновцев», как ставропольские меломаны уже давно называют созданный Д.А. Осиновским коллектив.

А кто из горожан «серебряного», да и не только, возраста не знает про знаменитые «парковые» концерты и танцевальные вечера, ставшие своеобразным местом отдыха и общения, и, как утверждает молва, местом для создания новых семейных союзов? До сих пор в городском саду играет духовой оркестр им. Д.А. Осиновского. И при этом на скамейках в ставропольских парках не бывает свободных мест.

Когда Д.А. Осиновского спрашивали: «Кем он себя больше ощущает – дирижером или композитором?», он, как правило, отшучивался: «Кем не назовите, а получается всё равно – музыкант». Хитрил Маэстро, потому что на видном месте в его семейном архиве находилась фотография известного советского композитора-классика В.И. Мурадели с дарственной надписью: «Дорогому другу Даниилу Осиновскому. Ваню Мурадели. 20 сентября 1969 г.» И истинным ценителям музыки он запомнился прежде всего как композитор, писавший музыку для духового оркестра.

«Так что же здесь феноменального? – могут спросить читающие эти строки. – Обычный оркестровый репертуар: марши, вальсы, песни». Да, всё это было у Даниила Аркадьевича. Был и «Ставропольский вальс», были и песенные циклы на слова ставропольских поэтов В.А. Ащеулова, И.В. Кашпурова, Г.С. Фатеева и др.

Но особую известность ему всё-таки принесли большие симфонические формы – героическая симфоническая картина «Марухский перевал», концерт для трубы с оркестром, кантата «Город степной стороны», фантазия на тему песен «За горами, за долами», «Казачья рапсодия», музыка к театральным и кукольным спектаклям. Его музыкальные композиции, в каком бы жанре они ни были написаны, отличаются особой, свойственной для исполнительского почерка духовых оркестров яркостью, торжественностью, оптимистичностью, эмоциональным накалом и, конечно же, великолепной оркестровкой, раскрывающей красоту звучания каждого инструмента.

Какая сила в духовых оркестрах!
Какая сила и какая грусть.
(В.Сидоров. Духовые оркестры.)

«Моя цель, – говорил Д.А. Осинковский, – решать интереснейшие репертуарно-исполнительские проблемы, суть которых не только удовлетворение вкусов любителей музыки, но и воспитание слушателей». Особое значение композитор придавал классической музыке: «Необходимо понимать, что роль классического искусства заключается ещё и в том, чтобы задать некий базовый уровень. Владея им, можно развивать различные его формы, экспериментировать и, безусловно, поддерживать и народное творчество. А если его нет, то всё остальное – в любом случае самодеятельность». (1). Не случайно в музыкальных кругах города его называли непревзойденным ма-

стером оркестровых аранжировок классического репертуара.

Близкий друг Д.А. Осиновского, подполковник-инженер в отставке, старшина еврейской общины Ставропольского края и города Ставрополя Д.М. Фишман вспоминает: «Впервые придя в гости к Дане, я удивился, что в его однокомнатной квартирке везде – на кровати, диване, столах, стульях, подоконниках лежали кипы нотных тетрадей. «Это аранжировки произведений на очередной концерт для каждого инструмента оркестра», – пояснил Осиновский. А на мой вопрос: «Когда ты всё это успеваешь?», он ответил: «Мне это нравится, поэтому и делаю я их сам. А время всегда можно найти». Представляете, какая это была титаническая работа? И эту работу он, как настоящий профессионал, не перепоручал другим. В творчестве для него не было мелочей. И работал он на износ, просто не мог иначе».

«Да, это действительно так, – подтверждает сказанное сын музыканта Евсей Даниилович, выпускник Ростовской консерватории. – Если рассуждать с точки зрения математика, то 90% времени отец, как художественный руководитель оркестра, тратил на аранжировки и лишь 10% – на репетиционно-концертную деятельность».

Изучая статьи Д.А. Осиновского, опубликованные им в местной периодической печати, я совершенно случайно обратила внимание на то, что он, оказывается, был ещё и... философом! Рассуждая об искусстве, как о даре Божьем, он призывал хранить его как зеницу ока. «Долг перед искусством превыше всего. Должны отступить политические

интересы, личные пристрастия, любовь. Всё это – помехи на избранном пути. И твоё богатство – волшебный дар – способно сделать многое: открыть слушателям знание твоей родины, прославить твой народ...». И это – не пустые слова. На мою просьбу поделиться воспоминаниями о Д.А. Осиновском, близко знавшие его люди, не сговариваясь, отвечали однозначно: «Он весь был в своей работе». И, подумав, добавляли: «Ради музыки он ещё в детстве перестал заниматься рисованием. А ведь мог бы стать неплохим художником».

Ещё на заре рыночной экономики и демократических свобод композитор интуитивно чувствовал большую трагедию в попытке искусственно навязать нам, россиянам, испокон веку живущим по законам коллективизма и взаимопомощи, западную мораль с её индивидуализмом и враждебным отношением людей друг к другу. «Мы чудовищно, катастрофически не похожи друг на друга. В любом нормальном, здоровом обществе такая непохожесть была бы фактором положительным, стимулирующим, способствующим взаимному обогащению, взаимопониманию, но у нас оно мешает жить!» (3).

Уже давно нет с нами Д.А. Осиновского. Но мы помним его слова, оставленные им как завещание потомкам, слова из его любимой песни, которые он часто любил повторять: «Хава нагила!», что в переводе с иврита означает «Давайте радоваться!» И нас продолжает радовать своими концертными программами созданный им духовой оркестр, а в ставропольских парках под звуки духовой музыки проходят танцевальные вече-

ра, ставшие с его легкой руки традиционными. И я уверена, что к 100-летию композитора наконец-то выйдет полное собрание его сочинений и аранжировок. А в краевой столице обязательно появятся и заново отреставрированный «Зеленый театр» в Центральном парке, и свой музыкальный театр, о котором так мечтал Маэстро. Театр, в котором будут выступать наши музыканты и вокалисты – выпускники возрожденного факультета искусств.

Недавно в Ставрополе возникла традиция присуждения городским чиновникам, заслужившим своими делами всеобщее признание, звания «народный». Я думаю, что и Д.А.Осиновский всей своей жизнью и своим творчеством заслуживает звание «народного музыканта». А еще мне бы очень хотелось, чтобы память об этом феноменальном человеке оставалась не только на мемориальной доске на доме по улице Артема, 5а, где композитор-орденоносец жил последние годы, но и в организации региональных фестивалей духовой музыки им. Д.А. Осиновского.

Пусть играют духовые оркестры!

От редакции.

Многие ставропольские писатели были хорошо знакомы с Даниилом Аркадьевичем Осиновским. Человек старшего поколения, чьи годы учебы в Московской консерватории совпали с окончанием войны и трудным послевоенным временем, он жил музыкой, работал с полной самоотдачей, с тем творческим горением, которое позволяет под-

ниматься к вершинам высокого искусства. Государственный экзамен по композиции Осиновский сдавал – и это символично! – Исааку Осиповичу Дунаевскому, и был отмечен оценкой «отлично». Блестящее образование, талант, преданность великой музыке выделяли Даниила Аркадьевича среди ставропольских коллег. В течение многих лет руководимый им военный оркестр являлся украшением и воинской части, дислоцированной в Ставрополе, и всего нашего города. В нем начинали свою карьеру будущие яркие музыканты и певцы. В частности, сполна проявился дар тенора Георгия Таранова, снискавшего известность в стране и ряде стран Европы.

Недаром говорится, что великий музыкант вырастает из великого человека. Осиновского отличали принципиальность и чувство справедливости, взыскательности к самому себе. Он не терпел кумовства и побряжек в творчестве. Не раз повторял, что побеждать должен талант. И боролся за это!

Думается, еще недостаточно сделано для увековечения памяти об Осиновском в нашем городе. По мнению членов редколлегии, было бы вполне обоснованно назвать одну из новых улиц Ставрополя его именем. Работники культуры – просветители и целители душ современников – заслуживают этого так же, как представители иных профессий. А возможно, – и больше.

Нелегкая командировка

Повесть

1

Когда сутуловатый, нескладный, с чуть наклоненной вбок крупной головой Валентин Богоев взошёл на трибуну, шла вторая половина дня. Доклад его числился последним, и зал явно устал: кто шептался с соседом, кто сменил позу, кто устремил алчущий взгляд туда, где вытянулся банкетный стол. Богоев сделал ни большую, ни меньшую по времени паузу, как опытный актёр, желающий взять зрителей своим мастерством, острым взглядом пробежался по рядам и упёрся им в первый, занятый руководством. Кругом, точно под гипнозом, легла ёмкая тишина. Он вытянул из бокового кармана маленькие, смоляного камня чётки, перебрал их, спрятал и спросил, что нужно сделать перво-наперво, приступая к делу. Это вызвало волну оживления: грузные и не очень, аскетичного склада и с заметным животи-

**ВЛАДИМИР
ПЕТРОВ**

Проза

ком, инертные и напротив, деятельные инженерные тела задвигались, головы завертелись; одни делали вид, что думают, другие гадали, не таится ли здесь какой-либо подвох, боясь оконфузиться, третьи силились всё ж таки осмыслить тему. Оттого лишь несмелый ропот был ему ответом.

– Прежде всего, – твёрдо проговорил он, – следует чисто вымыть руки.

Это была не новая и всем понятная истина. По рядам разлилась лёгкость, будто в душный отсек ворвался свежий ветерок, и все обрадовано встрепенулись, словно каждый думал именно так, но не дерзнул открыться. Лишь седоватый директор с библейским именем и исконно русским отчеством, деловой и умный, державший при ходьбе спину прямо, а тон голоса ровным даже в крайнем раздражении, носитель цепкого, слегка ироничного взгляда и его ближнего круга челядь сохранили чинность и порядок, не смея даже полудвижением, полускрипом кресел, полузвуком поставленных голосов выказать собственное мнение. Скопив глаза вбок, он отметил, что племянница Инна, умная, симпатичная, с точёной фигуркой, задержавшаяся с замужеством, впилась взглядом в фигуранта на сцене и подумал с теплом, что, быть может, именно этот командированный рыжебородый парнишка, немного не от мира сего, но всё же, свой выходец, составит, к радости сестры и всей родни, наконец, её счастье. Мысль пришлась по душе, и нужен лишь повод, чтобы свести молодых людей, но это было как раз несложно.

Докладчик же, говорящий то взрывно и резко, то заторможено и отрешённо, водил указкой по плакатам и рисункам, называя своё устрой-

ство-лоток «малюткой», упомянул о собственной богоевской, как она теперь значится в анналах, формулке, бросил её маркером на доску и, скупой улыбнувшись, точно говоря «всё же просто», закончил.

– Не жалеешь, что такого ценного кадра лишился? – спросил мощнофигуристого Урванова, начальника отдела внедрения, сидящий рядом коллега Семён Ханов, прозванный Лисой то ли за вздёрнутый кончик носа, то ли за умение лавировать между начальством и подчинёнными, то ли за то, что сам себе на уме.

– Я не особенно ценю людей, – ответил тот, двинул крепкими плечами, поправил скрывающие глаза тёмные очки, не меняя положения массивной головы. – Но здесь другой коленкор... Зла не держу, есть более высокие материи, где нужно что-то остро предпринять.

И умолчал, что причастен к изложенному, но нигде не упомянул, что ни один день червь зависти и злости точит его, что приезд и командировка бывшего подчинённого, а теперь столичной знаменитости до крайности неприятен, ибо лёг ещё одним грузом на теперешнее его не лучшее настроение.

– По первой, ещё младшим техником, бегал у меня в продмаг за закусью.

А теперь – вон, интересно девки пляшут, величина! Правда, – добавил почти шёпотом, – молва идёт, что его нервишки того... У таких индивидуумов, поверь мне, – он скривил сильные влажные губы и убийственно-насмешливо закончил, – со временем два выхода: либо пьедестал, либо петля...

Виктор Урванов был из той породы начальников, шефов, как любил себя величать, для каких подчинённые – безропотные пешки. От умных и настойчивых избавлялся, соперничества не терпел, в его отделе, именуемом с иронией и без гаремом, печатали, снимали показания, брали пробы, вели опыты только красивые девицы – лаборантки, операторы, секретарши. По слухам, не одна из них ходила в любовницах. Он сменил положение объёмного тела, тронул брючины гладких, с блестящей ниткой брюк, поправил галстук и сузил невидимые под очками глаза, говорящие о том, что в мозгу идёт серьёзная работа, и взял ею от пяток до крутой стриженной макушки. Он был по-южному смугл, физически крепок, носил причёску ёжиком, ходил, точнее, шествовал, занимая почти всю ширину коридора, изречённые слова и предложения его звучали чётко и убедительно и способны были разить, подобно оружию, а то, будто гипнотическое внушение, брали в плен. И смотрелся Урванов в иные минуты чертовски привлекательно... Сейчас же нарочно бросал слова с лёгкой усмешкой, чтобы отогнать тяжёлые мысли, ибо дома было плохо: у жены, похоже, завёлся поклонник. Самолюбие того, кто вёл почти сотенную разнохарактерную и разновозрастную орду послушных полужесту, полувзгляду, полукоманде инженеров и техников, было глубоко уязвлено; мир перевернулся, всё, чего добился, казалось, низверглось в тартарары, – он вдруг оказался в тупике. И куда делись собственные упорство, твёрдость, сила; у него точно вырвали костистый скелет, оставив бесформенную слабую оболочку!.. Трон вожака, самца, главы семьи

грозился рухнуть – громадина Урванов был унижен и раздавлен. На миг перехватило дыхание, и остро прошиб едкий пот, да он пересилил себя, чтобы не вскочить с места, стиснул подлокотники сидений, сомкнул веки, дождавшись ровного боя сердца, и бросил твёрдый взгляд на сцену...

2

– Такое ощущение, что водят за нос: здесь кроется что-то другое, – продолжил Урванов, едва сдерживая раздражение, – гораздо круче.

И пожалел, что вырвалась фразочка. Впрочем, будто бы никто не обратил на неё внимания. Месяц назад, на столичном симпозиуме, вертя в руках автореферат бгоевской диссертации, очкастый иностранец, оказавшийся рядом, не то случайно, не то нарочно бросил коротко, что в Штатах особенно ценятся те, кто занимается подобной темой, и подал визитку. Тотчас урвановский организм заработал на полную мощность, родилось предвкушение значительного и важного, которое никогда не обманывало, и он, едва сдерживаясь, спросил, каков масштаб и объем той оценки. И получил ответ: полная свобода, лаборатория, штат сотрудников, дом, обслуга и достойное содержание. А ещё, блеснув золотыми очками, тот вполголоса, но твёрдо добавил, что обладает полной информацией о нём, как о соавторе идеи, вышлет обоим приглашение на зарубежную конференцию и ждёт благоприятного звонка. Тот разговор встревожил, замутил мозг, застрял в Урванове гвоздём, и он, нет-нет, да извлекал из укромного места твёрдую блестящую визитку, из которой следовало, что податель

её – весомая фигура в научном бизнесе. И сидел над ней подолгу в одиночестве, как подпольный богач над золотом, драгоценностями, пачками банкнот, воображая, наслаждаясь. «А что если это вербовка..?» Не раз читал и видел в кино подобное: ухищрения и уловки агентов, встречи для получения инструкций, места закладок, знаки о свидании, боязнь слежки. Кровь всколыхнулась... Что только он себе со страстью всего мощного существа ни понапредставлял и ни понавывдумывал, витая в золотых высях, как мальчуган, прочитавший волшебную сказку, взявшую в сладкий полон! Стоило набрать ряд таинственных цифр, и жизнь его изменится: засверкает яркими красками, заиграет мажорными нотами, переполнится долларовыми знаками, ибо Запад манил как эдем, как рай. Да на пути стоял бывший мальчик на побегушках, а теперь именитый учёный, хозяин весомой тайны. Он бросил резкий взгляд на кафедру, закусил полную губу и двинулся, энергично давя пол, уверившись, что вот-вот наступит его икс-час, нулевая отметка, и исполнится то, что задумал. Выдвинувшись, приняв строгую полуулыбку, стал ждать, пока толпа, окружившая Богоева, рассосется, а когда остались с глазу на глаз, сказал, что есть разговор, твёрдо взял под локоть жилистого, с острым взглядом умных глаз автора феерического сообщения и повёл к себе, будто под конвоем, шагая, как всегда, широко и основательно.

– Здесь всё, как раньше, – войдя в кабинет, грубовато бросил Урванов. – Располагайся.

Бегающий не раз по его посылу в соседний продмаг перед мужским застольем Богоев отме-

тил ту же картину: на газете поверх стола бутылка водки, гранёные стаканчики, нарезанный чёрный хлеб и плавленые сырки.

– А кто теперь гоняет за этим? – полушутливо-полусерьёзно спросил он, занимая место поодаль на краешке стула.

Валентин был несколько связан, скован в движениях как новичок-инженеришка в компании старших. А помня, что в империи Урванова ничего зря не устраивается, ожидая разговора, держался настороженно. Он повёл по привычке шеей, вытянул чётки, понимая, что как бы ни сложилось дело с установкой, а сильный и напористый хозяин этого кабинета всегда будет в авангарде, первым среди главных, если не самым главным. А значит, верным защитником и бдительным стражем одновременно. Что ж, это никак не помешает заниматься своим, главным и любимым. И Валентин смягчил взгляд.

– Есть кому, – усмехнулся Урванов, разливая водку. – А вот и мой Хлебнов, как всегда третий. – Он обратился к вошедшему коренастому мужчине, которого Валентин помнил, как однокашника и верного немногословного помощника Урванова. – Держи!.. – И продолжил, не забыв любимое присловье. – Ну, интересно девки пляшут, за твой успех пьём, Валёк!

Тотчас бесшумно возникла симпатичная девушка в обтягивающем острую грудь свитере и игривой юбчонке. Безмолвно сняла три дымящихся чашки с подноса и тихо, как тень, удалась, оставив мягко-сладкий запах дорогих духов.

– Разговор вот какой, Валентин. – Урванов потёр массивный подбородок с углублением посре-

дине, весь собрался, ибо в голове сложился, как всегда быстро и весомо, дальнейший ход. И чётко выговаривая слова, продолжил. – Оставь мне лоток на месячишко. Всё будет чики-чики, не пожалеешь!..

Шесть лет назад Валентин или Валёк, как ещё с доуниверситетских времён звали Богоева, молодой специалист, нескладный, худой, белобрысый, в потёртых коротких брючках, застенчивый и скромный, явился за помощью с чертежами ещё неосмысленного в полной мере, изобретения. И напоролся на отказ – важнее карьеры на ту пору для Урванова не было ничего, а наука, посчитал, что дальняя родственница, обойдётся без его плеча. Но, схватив цепким умом стержень, подкинул-таки парню весомую догадку-толчок... Теперь же взыграло самолюбие, остро кольнуло ощущение утраты, и захватило одно желание – во что бы то ни стало заполучить дивное, будто ценный предмет искусства, детище ума, души и рук недавнего аспиранта-земляка, а если заартачится, то напомнить, точно открыть козырь в высокой игре, о той его наиважнейшей подсказке. Да что там это! Он попросту сомнёт его, согнёт в бараний рог, подчинит себе, как подчиняет всегда сильный слабого, а то, что тому неостанет мощи на ответ, не сомневался. Протест и энергия упорно рвались наружу, да сдержался, метнул на Богоева взгляд, резко, чуть не уронив стул, двинул телом, сжал кулаки. Было, казалось, что-то унижительное в том, что он, величина, махина, таран, не последний человек в этих стенах, играет роль просителя у столичного нервического хлыща – когда-то мальчишки-неуча. Да перетерпит,

раз надо, выждет паузу ради святой цели, а шанс не упустит. «Сдохну, но расколю, тебя, юнец, как грецкий орех!» – промелькнуло в мозгу.

– Я подумаю, – невнятно ответил тот, дёрнув шей.

– Вот и ладошки, интересно девки пляшут! – провозгласил низким тоном Уравнов и хохотнул, уверенный, что всё будет по его. – А пока в воскресенье махнём ко мне на дачу: шашлычка поесть да отдохнуть на природе. Возьмём твоего Марковича. Думаю, не против?

– Не получится, мама...

Богоев посерьёзней, уловив: мудрый, как Солломон, гигант в тёмных очках верно рассчитал – приглашение друга детства сродни подспорью, лишней гирьки на свои весы, и поднялся. Уравнов покачал мощной головой, мол, понимаю, по-дружески облапил, будто заключил в тиски. И они – нога в ногу, плечо к плечу – двинулись обратно.

3

У Вадима Марковича, напряженно просидевшего весь доклад, было беспокойно на душе. Он уже изрядно принял спиртного, не сводя глаз со столика, где сидела переводчица Тамара Игоревна, Тома, женщина, которую любил со школьной скамьи. Но не пьянел: алкоголь, точно пустяшная микстура, едва пощекотав гортань, ухал внутрь без последствий. А желал лёгких кругов в голове, когда и не пьян, и не трезв, когда сердце трепещет и убаюкан сладкими миражами, где главные персонажи, конечно же, он и она. Хотелось упрятаться в пропахшую дымом шинель, уйти от мира

и мечтать, и страдать, и наслаждаться, точно кур-сантик после яркого свидания. Двойная жизнь: реальная, каждодневная, с деталями службы, дома, общения с женой и та, воображаемая, су-лящая какое-то эфемерное, божественно-слад-кое будущее с Томой, не очерченное никакими границами, не скованное запретами, не отмечен-ное меткой времени. Он машинально потянулся рукой к горлу, как будто желал застегнуть офи-церский воротничок, наткнулся на постылый, с двойным узлом, галстук и с досады чуть не порвал его. Чувства толкали на резкие шаги, и как только Тома осталась одна, в нетерпении, не видя ничего кругом, задевая по дороге стулья, людей, широ-ким порывом устремился к ней.

– Милая, я... – начал он, жар кинулся к лицу, его трянуло.

– Если старая песня, Вадим – уйду... – переби-ла Тома.

– Но это сильнее меня... – выдавил безвольно из себя Маркович.

Как зверь, перебарывая природу, подчиняется одному лишь взгляду сильного, властного укроти-теля, так и он, склонив большую голову, покорял-ся этой женщине. Потомственный военный, вос-питанный в строгости и порядке, сохранивший со времён службы аккуратность, выправку и при-вычку нет-нет да уходить в запой, сменивший вос-точный бункер под землёй на гражданский отдел в родном городе, заядлый книголюб, живущий с тихой миловидной библиотечницей, растерялся. С минуты, когда после выпускного бала целовал-ся с Томой, мысль завоевать девушку вцепилась в подкорку намертво. Да, регулярно получая от-

казы на свои признания, не отступал. Пожалуй, и со службы удрал, и не желал заводить ребёнка, и устроился в фирму, где она работала, по той же причине. В иные часы, особенно перед сном, на балконе с сигареткой себя утешал: достаточно, что видит каждый день и любит, рисуя иллюзию душевной и телесной близости с предметом обожания. Дома наступали спокойствие и мир: жена, чутко улавливая настроение, старалась держаться ближе, нежней, желая какой-либо шуткой, игривым касанием, любовным взглядом смягчить атмосферу. Но, спустя время, опять заносило умного, сильного мужика, злой бес куролесил в нём. Внутренний голос подсказывал, что не мальчик, потерявший рассудок, а мужик, волевой офицер, семьянин, и нужно дать укорот чувствам, да не выходило. И Вадим напивался...

– Не дури, Вадька, – тепло проговорила Тома, а в глазах мелькнул чёртик. – Я это слышала тысячу раз и что?.. – Голос её зазвенел. – А, впрочем, сможешь вот сейчас, при всех, сказать, что любишь? Или нет? – Запах духов, дыхание груди, телесная близость, так манившие его, одурманили. Тома будто засветилась вся алмазным чудным светом. – Ты же сильный мужик, заяви, чего ж?..

Маркович едва сдерживая трепет, сунул вилку в карман, налил дрожащей рукой себе вина, залпом выпил. Ток горячей жидкости точно играл с ним, то враз беря в свои путы, то ослабевая до низшей меры. «Да-да, – прошептал он. – Смогу ли?»

И чуть было не вскочил с места. Но тут пригласили Тому на танец, и она, полушутя и по-дружески, мол, забудем, махнула перед ним рукой, задев кончиками пальцев его плечо. Когда смолкла

музыка, пары разошлись, к столику приблизились Урванов с Богоевым.

– Сдаю в целости и сохранности, – проговорил Урванов. – Да, кстати, знакомьтесь. Тамара Игоревна, наш переводчик. А гостя, думаю, нет нужды представлять. Покидаю вас, отдыхайте. Смотри, Маркович, не переусердствуй. – Он щёлкнул ногтем по горлышку бутылки и неспешно удалился.

Образовалась пауза, пересеклись взгляды, легкое энергетическое облачко соткалось из воздуха и повисло сверху, а между Богоевым и Томой как будто случился разряд. Это почувствовали все разом, ибо замерли, боясь или не умея произнести и слова, точно в немой итоговой сцене драмы, где всё наконец разрешилось. А Маркович, не понимая, как себя вести, но с ужасом, с сильными ударами крови в голову, осознал: архибедя накрыла его – казалось, разверзся пол, и камнем срывается в тартарары. Нервно вскочив, Вадим тут же плюхнулся обратно, глаза и руки бегали по столу, словно что-либо искали и не могли отыскать. Здесь Тому вновь пригласили на танец, и она осторожно выскользнула из-за стола.

– Надолго? – судорожно спросил Богоева Маркович, ухватив, наконец, бутылку и, пролив вино на скатерть, наполнил бокал.

– Не от меня зависит, Вадим, – ответил тот. – Ты же знаешь...

– Предупреждаю, Тома для меня – всё!.. Учти, порву любого!

Валентин внимательно посмотрел на друга, быстро вынул из верхнего бокового кармашка блокнотик и, что-то набросав на листик маленьким карандашиком, спрятал.

– Учту, Вадик, – как можно спокойнее ответил он, но руки его подрагивали; повело шею, прислонился к спинке кресла, чувствуя, как сильнее и сильнее напрягается.

Вернулась Тома, оглядела стол. Позы и молчание мужчин подсказывали ей: что-то сейчас между ними случилось и причиной этому она. Ах, как одновременно странен и обыкновенен этот треугольник, пережитый и описанный миллионы и миллионы раз!.. Но только если где-то далеко, а если вот он здесь, с тобой, то и сердце бьётся по-другому, и душа вибрирует необыкновенно, и тело берёт сладкая истома.

– Слышала, у вас мама болеет? – тихо произнесла она, подняв глаза на Богоева.

– Да, и командировка вот...

– Все только о вас и говорят, – тем же тоном продолжила она.

– Что ж...

– А вы танцуете?.. – вдруг пришло в голову Томе. – Пойдёмте же, – тепло произнесла она.

Когда их руки легли как надо, тела взяла общая дрожь и сошлись в резонансе ритмы сердца. Они двигались, никого не задевая, словно были одни, видя лишь лицо партнёра, а зал расширялся и расширялся, и уже не было границ – стен, окон, гардин, люстр, а только где-то далеко-далеко однотонный, приятный глазу занавес струился невесомо, точно дым.

И нельзя было ни расцепить объятия, ни остановиться, ни сказать...

– Я...я закончила статью о переводах Гейне, – прервав дыхание, наконец тихо вымолвила Тома, опустив взор. – Вот пришло на ум стихотворение.

Ин дем абендлихен гартен... В вечернем саду гуляет дочь алькальда молодая... Донья Клара... А в замке бурное ликование...

– Лэстиг верден мит ди тэнце унд ди сюзен шмайхельворте... – негромко продолжил Богоев, улыбнувшись. – Но наскучили мне танцы, и рыцари докучают льстивыми словами, изящно сравнивая меня с солнцем...

– Как, вы знаете Гейне? – Тома приостановилась, глянула по-новому на Богоева, в глазах возникла радостная растерянность. Она словно потеряла опору и парила в воздухе невесомая, прозрачная, красивая. И с лёгкой душой, в ощущении чего-то необыкновенного, чистого и доброго отдавалась во власть этого чужака. – Удивительно, откуда?

– Сдавал кандидатский минимум, досталось для перевода, запоминаю с первого прочтения... И рука с рукою тихо шли они... Но скажи, моя подруга, ты меня всем сердцем любишь?..

Она задумалась на миг и зашептала:

– Да, люблю тебя, мой милый, и любить тебя клянуся...

– А дальше?.. Донна Клара, донна Клара, я снесу судьбы удары, зреть тебя нет слаще дара!.. Станешь ты пред алтарём с Фернандо и меня тогда забудешь... – Богоев не снижал темпа, вёл умело и верно.

– Дон Рамиро, Дон Рамиро, право, слов твоих нет горше, приходи ко мне на свадьбу, пожелай мне завтра счастья!.. – Едва выдыхала Тома, отдавшись полностью воле бородача.

– Донна Клара, дорогая, я приду, конечно, завтра. Буду танцевать с тобою...

– Я охотно в танце следовать готова... Отчего такой ты бледный?..

– Я пришёл, ведь ты просила...

– Мне дышать всё тяжелее...

– Я пришёл, как ты хотела...

– Ах, прошу тебя, оставь же!

– Но ведь ты сама хотела, я пришёл!.. – Почти шёпотом промолвил Валентин, плавно притормозив.

– «Да свершится божья воля!», страстно Клара возгласила... В тот же миг исчез Рамиро... И внезапно потемнело у неё в глазах от страха: «Это смерть в начале жизни!..» Всё в ней вдруг похолодало...

– Но рассеялось виденье, новый танец начинался... И в объятиях Фернандо: «Где Рамиро?» простонала Клара, сил совсем лишившись... И сказал жених негромко: «Сообщить тебе не смел я, что сегодня, ровно в полдень, умер бедный дон Рамиро...» Жаль, что итог печальный... – закончил негромко Валентин.

– Но так ведь в жизни бывает, не правда ли?

– Пожалуй...

Молча и внимательно они смотрели друг на друга, как несравненная Донья Клара и прекрасный рыцарь из Сарагосы – герои творения Гейне. Казалось, в эти минуты прожили их жизнь – счастливую и несчастную. И могут умереть... Вокруг ничего и никого, словно в глухом углу сада при рыцарском замке, лишь тихий свет висел где-то далеко вверху, и невесомая, как летящая паутинка, мелодия кружила и кружила пару.

– У вас красивые руки, – наконец проговорил он.

– Спасибо...

– Особенно пальцы. Я никогда таких не видел...
– А у вас руки скрипача, ювелира, огранщика драгоценных камней или...

– Или взломщика сейфов, медвежатника?.. – шутиливо продолжил Богоев.

Они рассмеялись.

– А вы хорошо ведёте. Обучались танцам? – уже крепче выговаривая слова, спросила Тамара.

– Это природное. Вообще люблю всё красивое...

– Да вы хвастунишка...

– Отнюдь – лишь констатирую факт, – скупой улыбнувшись, сказал Богоев, не сводя с неё взгляда.

Наконец музыка остановилась, они не сразу и неохотно вернулись.

– Теперь моя очередь, – сказал Маркович и резко поднялся.

– Погоди, дай отдышаться, – остановила его Тома.

Маркович, недовольный, упал обратно на стул и налил себе вина. В этот момент подошла секретарь и попросила Богоева зайти в первый отдел.

А Маркович увлёк всё же Тому на танец.

4

Владимир Сергеевич Острогин, начальник секретного отдела, встретил Богоева стоя.

– Проходите, – сказал он командным голосом, докуривая сигарету.

– И располагайтесь.

Богоев продолжал стоять. Хозяин кабинета неторопливо закурил папиросу и сел, устремив твёрдый взгляд на гостя.

– На вас пришла жалоба, – медленно произнёс

он. Затем достал из бокового ящика белый продолговатый конверт и положил на стол. – Пишет некая Наталья Никитична, соседка девушки, с которой вы...ты, так сказать, жил и которую бросил, а она едва не наложила на себя руки...

– Но было совсем не так!.. – Боегов вскочил с места.

– Я знаю, – уверенно проговорил Острогин и жестом приказал сесть.

Бывший офицер-подводник, с детства впитавший привычку от наставника кружка моделирования – сухого, педантичного, сутуловатого Николая Генриховича, потомка русских немцев, любую работу доводить до идеала, что и определило его морское будущее, два года назад похоронил жену.

И теперь в тёплом согласии и большой любовью жил с двадцатилетней дочерью – студенткой журфака, отличницей, с характером, синеглазой блондинкой. По-военному подтянутый, тщательно выбритый, с устоявшимися порядками и правилами, никогда не паривший в мечтах, словно чувствующий над собой предел, ограничитель, потолок – верх родной подложки, щеголяющий в праздники белоснежным кителем с кортиком на боку, в деле был строг и немногословен.

– Моя должность, так сказать, обязывает. Ты – особа, муж государственный, а не рядовой инженер. И тема твоей работы...сам понимаешь. – Он заходил по кабинету. – Я отвечаю за тебя, в обиду не дам. Всё утряслось, девушка в порядке, успешно стажировается за границей, да и времени прошло достаточно. А оно, как известно, лечит.

Эту фразу он сложил вчера вечером за рабочим столом с портретом покойницы – смеющейся

красивой женщины с букетом цветов, сделанный в день тридцатилетия их брака. Глядя на фото – такое и на могильном памятнике – укоряя себя, что не уберёг, перед сном беседовал с ней, точно с живой. Но дочь Алиса настояла прекратить опасную привычку, заставив читать на ночь классику. И у Острогина достало сил не тронуться умом. Рана ещё саднила, память – эта верная дочь мозга – время от времени возвращала назад, но он приказывал себе забыть те страшные дни любимого человека, забыть хотя бы на время... Окинув строгим взглядом поникшую фигуру гостя, увидев, как задвигался на месте Богоев, как забегали руки по столу, как переменялось лицо, вспомнив латинскую поговорку, твёрдо закончил:

– Но, что сделано, то – сделано.

Перед ним сидел явно расстроенный, нервный, вжатый в кресло, как виноватый подросток, субъект, биография которого была известна, а медкарта, несущая психологическую особенность, находилась в досье и подсказывала быть осторожным. Владимир Сергеевич встал у чёрно-кожаного кресла, не уводя внимательного взгляда от пришедшего, соображая, что это дело может принести ему не одну бессонную ночь, не один десяток часов беспокойства и напряжения ума, помня, что высшим классом в его ведомстве считается понять, о чём оппонент будет думать завтра, а не о чём думал вчера. Он вздохнул, неторопливо и с чувством выдохнув дым, и откинул взявшее его настроение. В последнее время всё чаще пути его и миловидной директорской секретарши Светланы Ивановны, женщины одинокой и тихой, пересекались. На новогоднем вечере она пригласила

его на белый танец, затем уже приглашал он. А на выходе, то ли случайно, то ли нет, оказались рядом. Ничего не объясняя, Острогин взял женщину под руку, вызвавшись проводить. Когда вернулся домой, дочь пристально глянула на него своими синими твёрдыми глазами, подала, как всегда, чай, что-то щебеча про студенческие дела, но, уходя, мягко поправив мамину фотографию, выпрямилась и сказала с характерным тембром в голосе, присущем внутреннему напряжению, что никогда не примет здесь другую женщину. Владимир Сергеевич промолчал, а сегодня назначил свидание Светлане Ивановне. И, вспомнив об этом, сбился с мысли.

– Тебе нужна биография без сучка и задоринки, так сказать, задрать отсеки, чтобы ни мелкая фальшь, ни даже слабое подозрение... –

Он помедлил, затем выдвинул ящик стола и, смахнув туда письмо, закончил: – Я не дам хода этому.

Богоев тихо поблагодарил. Он не сводил глаз с высокого, прямого, сильного, с командным голосом начальника. И чувство, что не волен теперь в своих действиях, что даже мысли его должны быть известны этому твёрдо стоящему, как врытый бетонный столб, мужу, действующему так уверенно и точно, словно вёл свой родной корабль, тянуло нервы, давило на ум. Да назад дороги не было. Собственно, он её и не искал: главное – работа, тема, которой занимается, остальное было неважно.

– Мы расстались с Лизой не по моей вине... – глухо произнёс он.

Валентин опять вскочил с места, лицо его вмиг окрасилось и пошло густыми пятнами. Мыслен-

но он вернулся в ту ужасную минуту в Лизиной квартире, бывшей местом их короткого счастья. И вновь услышал глухие, вроде не им произнесённые, да бьющие, точно хлыст, слова «я ухожу совсем...», увидел боль, страх, обиду в глазах, полных слез на милом и дорогом лице, беззащитное унижение в съжившейся девичьей фигурке на кровати. Он ненавидел себя, потому что, как у гада, предателя, самого последнего ничтожества, должен был тотчас отсохнуть презренный язык, схватиться металлом горло, сдвинуться ум. Но, увы, нет... А гулкий и протяжный хлопок двери за спиной, отметивший финал прощальной сцены, долго гнал по улицам, скверам, площадям, как бомжа, как изгоя, отвергнутого всеми, слабого и безвольного. Наконец ушли силы, забрёл неизвестно куда и уткнулся в бетонный высоченный забор с проволокой по верху. Тогда и случился первый глубокий приступ...

– То был ошибочный ход её родителей, – дождавшись, пока Валентин отдышался, чётко проговорил хозяин кабинета и твёрдым жестом вернул его на место.

Легонько шумел вентилятор, снаружи звуки не проникали, в графине на боковом столике поблескивала вода, листочки цветка на решётчатом окне слабо колебались. Дзержинский с портрета смотрел просто и строго, сейф в углу матово отливал краской, оба молчали: один с некоторым облегчением, ибо самое главное было произнесено, другой, напротив, ещё более напрягся, живо встали перед глазами воспоминания, гораздо острее, чем до этого.

– Да, – тепло начал Острогин, – закончится

курс лечения мамы, отправим в санаторий насколько потребуется.

– Спасибо.

– И еще: надеюсь, заметки и наброски, так сказать, на машинке печатаешь, а не на компьютере?

– Само собой. Меня предупредили, – тихо ответил Валентин и ещё ниже опустил голову.

... Прошлой весной на одной из аспирантских вечеринок Валентин оказался рядом с тихой незаметной девушкой Лизой. Как-то само собой пригласил её на танец, а когда с первого же шага поднял взгляд, захолонуло сердце, дрогнуло всё внутри, ибо чудным непостижимым образом создался, будто соткался из воздуха, точь-в-точь прошлого или позапрошлого века дивный портрет: бледный, с тончайшими чертами лик, обрамлённый каштановыми, слегка вьющимися волосами, большие печальные очи, длинные ресницы и мягкая впадинка между тонкими бровями. Чувство близости чего-то поражающего, яркого, взяло всего... Ах, как природа игрива и причудлива, переменчива и опасна, манящая и обманная! Здесь и сейчас она выказала свой характер определённо, выбрав из миллиарда возможностей единственную, будто говоря: я своё дело сделала, дальше – сами... В курилке сосед, угрюмый волжанин, протягивая сигарету, как бы между прочим, с насмешкой бросил, чтоб сильно не раскатывал губу, ибо Лиза – дочь ректора, и не всякому по зубам!.. Но разве могло смутить восторженное сердце какое-то остережение!.. Валентин проводил её домой, уговорился о свидании, а вернувшись, долго не мог уснуть – девушка не шла из головы. Стал приходиться ночами образ: красивая

женщина, с обликом Лизы, которую обнимал, целовал. Он пробуждался, томление овладевало с ног до головы, ждало выхода, выплеска энергии. И пошли свидания, бессонные ночи в её уютной квартирке, мечты, фантазии: она читала свои стихи, показывала рисунки, рассказывала о милом детстве, Валентин по большей части молчал, любясь, восхищаясь её красотой, талантом. Хотя Лиза и жила отдельно от родителей и молодые скрывали свои чувства по настоянию девушки, но тайну долго держать не удалось... Но однажды Богоев был вызван к ректору. Массивный человек с короткой шеей, с лоснящимся лицом, на котором едва виделись маленькие глазки, был царь и бог в одном лице как для студентов, аспирантов, так и для профессуры. Не пригласив сесть, он уложил руки с толстыми волосатыми пальцами на стол, приподнял большую голову с пористым носом и, выдержав большую паузу, холодно и небрежно заявил, что не видит его в качестве жениха своей дочери, а посему требует положить конец их связи. Затем неторопливо прикурил сигару, слегка откинувшись на спинку массивного кожаного кресла и продолжил тоном, какому не могло быть возражений. «Ты понял?.. Если хочешь кончить аспирантуру и защититься, оставь её... под любым предлогом. Каким? – Он лениво пожал полными плечами, натянув пиджак. – Твоя забота, найдёшь. Свободен»...

– Тогда закончим, – спокойно проговорил Острогин, убрал бумаги в громадный, до потолка, сейф. – Да, Валентин, вот ещё... – Он закурил, держа паузу, нарочно оставил эту тему напоследок. – Это касается твоего дяди, Матвея

Сергеевича. Я – в курсе: делается всё возможное, поиски таких же пропавших, как он, идут. Это, поверь, трудно – три экспедиции кончились ничем, есть потери. Но среди казнённых его нет... Плен – не сахар, особенно там, в горной мусульманской стране, поэтому обнадёживать не буду. Он – сильный, преданный, настоящий русский офицер... Глупая война. Успокой, как сможешь, родных. Без вести пропавший – это всё же не мёртвый. Держитесь...

Но в этот момент в дверь постучали, и на пороге показалась миловидная, если не сказать, красивая, светловолосая, чуть растрепанная и возбужденная девица в короткой юбчонке и яркой блузке. Она, словно бабочка, впорхнула в строгий мрачный кабинет, напомнив, что есть другая жизнь, другие дела, помыслы, разговоры.

– Ох, прости, папочка, – пропела она, улыбаясь во всё круглое лицо, играя ресницами, плечиками, глазами, телом. – Я на два слова всего...

Острогин, не ожидая такого поворота, опешил. С одной стороны – посторонним нельзя, а с другой стороны – дочь, которая с детства входила в эту обитую чёрной кожей дверь запросто. Казалось, сдержанная после смерти мамы, она никогда не проявит себя так, а вышло, что плохо знает своё дитя. Но девушка, нисколько не смущаясь, чмокнула в щеку, не сводя глаз с Богоева, и опять чуть ли не затанцевала на месте, двигая лёгкими ручками, точно крылышками.

– Может быть, всё же познакомишь? – тем же голоском прощепетала она и дёрнула плечиками игриво-рассерженно, переступила ножками в ярких босоножках на высоком каблуке.

Владимир Сергеевич нахмурился, но все же представил молодых людей друг другу и, взяв крепко за руку, вывел девушку из кабинета.

– Ты что кривляешься, кукла! – вполголоса процедил он, – Кто тебя пустил и зачем пришла?

– Твоя помощница, – невозмутимо парировала она. – И про этого, – кивнула в сторону двери, – сказала. Тут я подумала: как не взять интервью у молодого столичного ученого?... А он ничего!

– Алиса, перестань, говори, что нужно, и исчезни!

– Папуля, не обижайся. Деньги на туфли, завтра концерт, мы ж договаривались. Забыл?.. – Она вздёрнула тонко подведённые бровки и острые плечики.

Алиса пела в студенческой группе. Лёгкая, артистичная, с хорошо поставленным голосом, общительная и раскованная в компании, что досталось от мамы, имела успех и массу поклонников, однако не спешила с сердечным выбором, как говорила, чтобы не было после мучительно больно за неверный шаг.

– Ах да, сейчас вынесу, – сердито ответил он и скрылся, плотно затворив за собой дверь.

Через минуту вышел.

– Возьми и долой с глаз моих, так сказать.

Алиса чмокнула папу в щеку, поблагодарив. И тотчас, капризно сложив губки, сказала:

– А как же интервью для университетской газеты, ты на корню губишь мой журналистский талант. – Она повысила тон. – Можно сказать, хоришь мечту!

– Не юродствуй, позже. Я сказал – позже.

– А точнее, господин офицер?

– Ладно, завтра. Всё, дочка-точка, – бросил Острогин и шагнул обратно.

Девушка подпрыгнула, хлопнула в ладоши так, что обернулась прошедшая сотрудница, показала вслед ей язык, крутнулась на месте радостно и вприпрыжку понеслась по коридору, как шаловливая девчонка-подросток.

5

Один мудрец как-то изрёк: «Богу недурно удалась природа, но с человеком у него вышла осечка»

Урванову, словно познавшему всё на свете старцу, было несвойственно удивление. Однако сегодня именно оно с глухим раздражением ударило в самое сердце. Он заходил по кабинету, перебирая костяшки чётков, каких у него было по штучке в каждом костюме, но эти, с отливом, маленькие, тёплые бочоночки на простом шнурке, безотказно давали толчки мозгам. Да сейчас в этой части озадаченной головы ничего не прояснилось. Вошла секретарша Таня и открыто прильнула к нему, он машинально обнял, нырнул лапичей под её джинсы в трусики, но почти сразу оттолкнул девушку. Та, скривив губки, убрала со стола и исчезла. Через несколько минут, не торопясь, прихватив богоевскую работу, вышел на улицу. Спускался вечер. Он вдохнул тёплого воздуха, миновал перекрёсток, кафешку на углу сквера с фонтаном, закурил, присел на свободную лавочку. Впечатления от доклада и своего участия в теме вроде бы поднимали настрой, но ответа богоевской загадке не было. «Думай, со-

ображай, врубайся» – билось в мозгу. Казалось, голова и тело работали вразнос. Но верил, что достанет и ума, и сил, и отыщет ключик к тайне: на то он и Виктор Урванов – не хилак и размазня, а таран и силища. Он снялся с места, пересёк сквер, вступил на проспект, миновал банк, универмаг, салон красоты, закрытую аптеку, где работала жена, в переходе кинул в футляр патлатого гитариста денежную бумажку; энергично отбрасывая ступеньки, выбрался наверх и сбавил ход у своего подъезда. Поднялся в квартиру. Жены дома не было. Глянул на часы, отметив, что ей давно уж пора быть. С минуту потоптался в прихожей, медленно спустился и направился по дороге навстречу. Дошёл до трамвайной остановки – не увидел Жени, прошёл следующую и ещё одну – тоже. Он стал в размышлении, затем двинулся к площади, которую никак нельзя было миновать, – результат был нулевым. Тогда свернул в старый парк за универмагом и чуть не побежал по аллее мимо скамеечек, ёлочек, цветников вглубь, в тихую и почти без фонарей часть. Вспомнились странные разговоры Жени по телефону с рваными фразами, недомолвками, долгими молчаниями, задержки с работы по поводу дня рождения сотрудницы, премии, юбилея, заходы на час-два к швее, к подруге, к школьным друзьям с чаепитием, дамскими секретами и прочим. Он вглядывался в гуляющих, подгоняя себя, а сердце мощно билось, точно намеревалось прорвать грудную клетку, густые брови сошлись, резче обозначились морщины большого лба, гримаса исказила лицо. Сознание того, что может быть кто-то лучше него, и жена способна этим фантомом увлечься, не ложилось на ум.

В объёмном существе всё протестовало, как у собственника, владельца чего-то, на что чужак не должен был даже взглянуть, не говоря уже о том, чтобы коснуться или, не дай бог, завладеть. И вдруг на боковой аллее заметил Женю с женщиной. Жгуче-позорная мысль ударила в голову. То ли от неё, то ли от рванувшегося к сердцу горячего потока, то ли от опасности быть увиденным, то ли от лёгкости походки и незнакомо яркой красоты жены, то ли от стыда своего положения рухнул наземь мешком, спрятался за куст сирени. Дыхание прервалось, в секунду взмок, глаза обьял мрак. Большой и крепкий Виктор Урванов лежал безвольной тушей, дурацки распластавшись, вцепившись в траву, будто это было единственное спасение, не давшее какой-то невероятной силе взметнуть его на воздух и швырнуть, точно ничемный отбросок, вниз. Наконец поднялся на колени, уронил тяжёлую голову, застыл безвольно, словно впал в транс, в молитву. Трудно поднялся, выбрался на свет, огляделся – аллея была пуста. Вернулся домой, облачился в домашнее и ушёл с бумагами на лоджию. Вскоре щёлкнул замок, послышались знакомые шаги. Он приник мощной спиной к стене лоджии, едва сдерживая себя, чтобы не выскочить в коридор и не броситься на неё. Жена затихла в прихожей. В доме, словно в космической бездне, сделалось тихо. Прошла минута, затем ещё одна, и ещё. Тикали часы, из-за окна прорывались лишь глухие звуки, казалось, не было в мире ничего, кроме этих затаившихся тел...

Дважды Урванов начинал разговор с Женей о своих подозрениях, и дважды она, заняв люби-

мое кресло, закинув ногу за ногу, противно шлёпая ненавистной тапочкой о ступню, уверяла с полуулыбкой, что ошибается и ей себя упрекнуть не в чем. Но небрежно-вызывающая поза, презрительно-насмешливый взгляд из-под ресниц, покачивание красивой ножкой и лёгкий выброс вперед ладошки, как будто отгораживаясь от него, говорили, увы, обратное. И он укрепился в мысли, что в этом хрупком на вид существе живёт тайна. В последний раз перехватил её руку с красивой тонкой кистью и сжал, а Женя лишь небрежно и высокомерно промолвила: «Побойся Бога, мне больно!» Ах, как сильно в тот миг желал её смерти в сорвавшемся ли лифте, под колёсами авто, под ледяной ли глыбой! Представил, как принесут известие, наверное, участковый, как выразят соболезнование, как нужно будет обряжаться в чёрный костюм, ехать на опознание в морг, заполнять какие-то бумаги, отвечать на вопросы, принимать сочувствие сослуживцев, знакомых, выполнять массу каких-то приличествующих моменту дел. Да не ужаснулся этому порыву, задумал не подать вида, сжать гнев до зёрнышка и снести обиду, выдержать, но не потерять семью. А это было ох как не просто!..

Урванов приказал себе успокоиться, решив не говорить с Женей о том, что видел, отбросить тему и уйти к другой, главной сейчас. Сделал крепкого чаю и, один к одному одержимый трудяга-учёный, буравящий землю червь, меняя сигареты, проглотил работу младшего коллеги, не пропустив и полслова. Настойчивая мысль: ищи, грызи трактат и откроешь нечто, не исчезала. Пот окропил лоб, и вдруг, сквозь бумагу, увидел другое,

лучшее назначение устройства. В дрожи, дотошно, с карандашом проработал итоговую главку, взмок, радостный и окрылённый, точно взлетел под облака от мысли: изобретение возможно приложить к стратегическому сырью. А это уже нешуточно. Он с подъёмом откинул дверцу минибара, наполнил серебряную рюмочку золотистой жидкостью, опрокинул коньяк в себя и заглотнул дольку лимончика. «Вот где собака зарыта! – шально мелькнуло в голове. – Вот о чём умолчал наш землячок-докладчик и что прикрывал безобидным лотком. Ха-ха!..» Он едва не подпрыгнул на месте. Оставалось лишь нащупать тот таинственный ключик, мостик от пустышного устройства к глубокому и, понятно, секретному назначению. Вообразил, как будут хвалить, представлять в фирме; набегут газетчики, телевидение, поздравит директор, министр. «Ого, чики-чики! Интересно девки пляшут!» Он уже обожал этот милый лоточек и преклонялся перед ним, как перед божеством, как перед нежной, манящей и обещающей женщиной. И в этот момент постучала жена.

– Извини, Витя, ты не хочешь узнать, почему я так поздно? – высоким голосом спросила она. – Я гуляла, просто гуляла... Ты ведь со мной давно не гуляешь...

Слова сказались растерянной, не знающей что делать, чувствительной женщиной, не глупой, терпеливой, дошедшей, кажется, до самого пика в мыслях о семье. Она услышала, что муж приблизился, представила его нахмуренное лицо, сжатые полные губы и холодный блеск очков, твёрдую неуступчивую позу и сама поневоле превратилась в замершую статую.

Но тотчас сбросила с себя напряжение, умом понимая, что надо быть мягче, приветливей, добрее, что наступает для них что-то главное, решающее, могущее либо соединить, либо разъять их союз навсегда. И поймала себя на мысли, что в последнее время, входя в дом, делалась жестче, грубее, неприятнее лицом, телом, думами, как будто входная тяжёлая, с матовым отливом дверь с медной цифрой, притолока, фигурная ручка, ворсистый коврик под ногами, даже кнопка звонка своим холодом отталкивали её, противились заходу, не принимали. Нежно приложила щеку к тонкой двери лоджии, стала плотнее, сердце глухо забилося. Ухаживания Николая Николаевича, заведующего, который и провожал её, слегка держа под локоток, заглядывал в глаза и шептал слова, давно ею не слышанные, были приятны. Сегодня он решительно звал к себе, и это сильнее прежнего взволновало, да сердце и рассудок возражали, потому устояла, дав времени определиться мыслям и чувствам, не отвечая ни да, ни нет. Теперь же в доме, в знакомом запахе, виде, воздухе показалось даже удивительным: она ли полчаса назад была там, в парке, убаюканная нежными словами, клятвами, признаниями чужого мужчины с резким запахом одеколона, стильно одетого, с ухоженными руками, причёской, идущего на полусогнутых со склонённой покорной головой, позволила увести себя дальше от людских глаз, обнять, поцеловать?.. А Витя, муж, с которым делит дом, стол, ложе, вот он, рядом, за преградой.

– Ты сделала это в отместку... – резко проговорил Урванов, нажав на слово «отместка»

– Нет, Виктор, – быстро ответила она. – Я не

хотела, милый, и в мыслях не было. Не лучше ли поговорить о нас сейчас?

– Думаю, нет, – ответил он грубо. – Я работаю, позже...

– Ты можешь хоть раз изменить себя... ради меня?

Он приник к двери, затих. Казалось, через это деревянно-стеклянное устройство чувствует жену, как в постели: чуть изогнутые в полуулыбке губы, блеснувшая на зубах слюнка, шея с дивным изгибом к красивым плечам, налитая грудь, упругий живот, полноватые бёдра, трепетное дыхание и страстная отдача всей себя в его власть, упиваясь, наслаждаясь минутами взлёта в любовной игре, огнём чувств, парением существ, сродством душ и жаркое, часто дышащее, тело, легшее на него в счастливой истоме. И Женя, чудилось, сквозь поры, атомы деревяшки ощущала горячее тело мужа, крепкие, плотные, без единой пустоты объятия, тонкий запах сигарет, поцелуй, от которого мутилось в голове и слабели члены.

– Витюша, сделать тебе чай или кофе? – осторожно спросила Женя.

– Нет. У меня есть... – не сразу ответил Урванов и резко отстранился

Он сорвал рубаху, вздыбил волосы – они показалась на редкость жёсткими и колкими, как иголки у ежа. Разговор с Женей и то, что увидел в парке, забылось, рука провидения или чутьё толкнуло к сумасшедшему действию, было неведомо, да виражик судьбы, этот дивный подарочек, небрежный жест Всевышнего был явно по вкусу. «Грандиозно!.. Грандиозно девки пляшут!» – твердил он, мечась по лоджии, как полоумный, а

котёл под его черепной коробкой бурлил, правая извилина, сталкивая мозговые атомы. Листы с формулами держали мертво, рождая дивные образы, точно у поэта. Он слышал, как жена снова приблизилась к лоджии, но не посмела ни войти, ни подать голоса. И рванулся к окну, выставился наружу по плечи. Была одна из очаровательных ночей между летом и осенью, когда всё вокруг замирает, звёзды с серповидным месяцем, будто декорации в сказке, светят, разливая серебро, щебечет едва слышно листва, воздух невесом и чист, природа ласково дарит что-то волшебное и манящее, тёплое и обещающее, как любовь, как чудо, как сама жизнь. И как здесь не родиться чему-то гениальному!.. Переполненный лёгкостью, вернулся, взял чистый блокнот и... остановился – мысль ушла в сторону. Кровь ударила в виски, даже замычал от бессилия и с жаром, напористо, ломая грифель, рвя бумагу, побежал карандашом по листу. Вот-вот, сейчас, ещё чуть-чуть, ещё немного, ещё один штришок, простой, как всё гениальное, и народится собственный, урвановский коэффициентик – живой, пляшущий, что шаловливый чертёнок. Чудилось, тотчас вскрикнет, скакнёт в мир и упрётся весело-злыми глазками в него. Но простая формула, будто волшебный цветок в ночи, не желала раскрываться. Холодок взял Урванова, закружилась голова, поплыли предметы вокруг. «Чёрт, возьми, не сбрендил ли я?.. Ну-ну, интересно девки пляшут!» Судорожно смял лист, начал снова. Энергия пёрла из него, а результата не было. Он стянул майку с торса – она была мокрой, полулёг, не чувствуя ни себя, ни всего вокруг, точно в глубоком нокауте, закурил

жадно и нервно. И в третий раз жена на цыпочках приблизилась к двери и через минуту ушла. В доме было тихо и спокойно, в сознании всплывали какие-то странные картины, звуки, движения то ли привидений, то ли конкретных людей, но почти не узнаваемых. Такого с ним не бывало никогда... Урванов сдёрнул очки, крепко потёр ладонями щёки, отдавая тепло, нежно прикрыл горячей ладонью больной глаз и шрам от давнишней операции. Снова высунулся наружу и, не сдерживаясь, изрыгнул из себя то ли смех, то ли плач, то ли рык так, что хлопнула дверь рядом, и сосед в семейных трусах выступил на балкон, озираясь, а внизу тройца ресторанных гуляк, громко споривших, уважать им какого-то Васю или нет, разом умолкла и замерла, воздев тяжелые головы к небу, словно услышала глас Божий. «Вот она беда, вот она кара, месть, вот оно – несчастье!» – сверкнуло в тесном мозгу. Шатаясь, вернулся на тахту, смахнул бесполезные листы, рухнул уставшим телом на ложе...

6

Покинув секретный отдел, Богоев медленно шёл по коридору. Образ Лизы не покидал, взрезая рабочие намётки и ходы. «Бросить всё, увидеть Лизу хоть издали? И полагается доложить Острогину, теперь без него и шагу не ступить, а он согласия не даст... – думал Валентин, оглянувшись. – Но где искать?... Она же за границей. Тупик...» Огромная, до потолка, дверь, из которой только что вышел, угрожающе чернела, поглощая свет. Он задышал глубоко, полными легкими, вытянул из пиджа-

ка коробочку с таблетками и взял одну под язык. Задержался у какого-то стенда, пустым взглядом пробегая фотографии, графики, рисунки, а звуки, картинки, события московских дней слышались в ушах, стояли перед глазами, тревожили память: уютная квартирка-гнездышко, Лиза, бессонные ночи, стихи, её рисунки, объятия, поцелуи вначале неумелые, после – страстные и жаркие...

То было настоящим, чистым и безоблачным счастьем: счастьем юноши, ставшим мужчиной, счастьем неумной души, грезившей наукой, встретившей родственную, счастьем неокрепшего болезненного тела, ощутившего силу, способную побороть недуг?.. Но тут же новая мысль заслонила всё, и варианты и прикидки его темы снова заполнили голову, и он полез за блокнотиком в карман. Есть только наиважнейшая мысль, задача, и ею, отбросив лишнее, нужно заниматься с холодной головой, расчётливо и умно!.. Он погружался в сладкое и желанное ощущение поиска, быстро записал формулку, какую следовало проработать. И тут лишь заметил, что ссутулившийся Маркович стоит перед ним.

– Иди к ней, – выговорил тот и крепко сжал ему руку повыше кисти. – Но если обидишь, пеняй на себя.

– Нет, вернись ты, – твёрдо ответил Богоев, мгновенно переключившись.

Вадим молчал. Всеми силами души он ненавидел сейчас этого человека с золотистой бородкой, вставшего по чёрной воле судьбы между ним и Тamarой, однако поделаться ничего не мог. Взгляд его упёрся в соперника, на душе потеплело, и подобие улыбки, иронической и мстительной,

коснулось больших губ. Он расправил широкие плечи, переступил с ноги на ногу, чётко, будто очнувшись, проговорил: «Так точно». Небрежно, не опуская подбородка, развернулся квадратным телом и, стараясь идти ровно, во весь свой двухметровый рост, с каждым шагом выгоняя из себя всё большую и большую дозу спиртного, двинулся обратно...

Покинув здание, Валентин отправился на улицу детства, к старому общему двору. Просевшие, но крепкие зелёные ворота родного двора встретили тишиной и цифровым замком. Он отметил наиболее истёртые кнопки, нажал их – щелчок подтвердил верный набор. Задержавшись на миг, шагнул внутрь: открылась ужатая высокой бетонной стеной оставшаяся часть двора с беседкой, столом, лавочками, старым разлапистым ореховым деревом. Рассказывали, что в войну, когда во двор влетела то ли мина, то ли бомба, этот щедрый на плоды столетний любимец дворни, как преданный друг, принял на себя взрыв. И никто не пострадал. Опустился на скамью под высоким кустом сирени, закурил. Пальцы подрагивали, мысли плыли в разных направлениях. В углу, где жил шахматный чемпион по переписке судья Лев Иванович, показался ражий мужик лет тридцати в чёрной майке с надписью «Охрана», в шортах, шлёпках, с банкой пива. Лениво приблизился, шаркая ножищами, молча, по-хозяйски широко, разместился напротив.

– Новый жилец? – спросил глухо Богоев.

– Светкин муж, – ответил незнакомец, сделал два крупных глотка и исколотой до синевы рукой, утёр влажные выпуклые губы.

Валентин понимающе кивнул, осмотрелся. Странно, теперь подходы к квартирам были ого-рожены сетками с калиточками и собственным маленьким палисадником. Это ещё более сузило дворовое пространство, какое раньше не делилось, слава Богу, ибо никто ни от кого не отгораживался, а горе и радость были общими.

– А Лев Иванович и мама его?

– Померли... в прошлом году... один за дру-гим... .

– Жаль... Из старожилов кто ещё живёт?

– Никого. Обменялись, умерли, продали... – Охранник зевнул шумно, почесал лапищей грудь, глотнул ещё пива.

Богоев с волнующимся сердцем отметил тот же узкий ход в полуподвал, где жили шустрая звонкоголосая тетя Галя, снабжавшая дворню мясом, ибо муж её сторожевал на мясокомбина-те; выше занимал две комнаты Бирич-ювелир, тучный, губастый, с неопрятными волосами, у которого случались обыски с вскрытием полов; далее – детский писатель-отшельник, съехавший в Москву, часто ссорящиеся сестры Ключкины, дядя Юра-фотограф, водящий к себе девиц-на-турщиц, бездетные выпивохи Тимофей Макаро-вич с супругой Натусей. По окраине теснились сарайчики с пустующей голубятней красавца Сла-вочки – танцора музтеатра...

– Выпьешь, у меня ещё есть? – спросил мужик.

Богоев отказался, оглядел двор и, попрощав-шись, вышел, закурил и двинулся в сторону скве-ра, присел у фонтана. Неопределённого возрас-та мужичок из тех, кто копается в мусорниках, выуживая бутылки, пластик, жестяные банки и

всякий хлам, смачно высморкался и деловито потащился с тележкой дальше, согнувшись, как бурлак; всегда один и неторопливо, с достоинством, как и пять, и десять, и пятнадцать лет назад проследовал в сторону парка «Цветник» черноволосый, ухоженный мужчина в кипенно-белом отутюженном костюме, в такой же чистой, будто только что из магазина, шляпе, в сорочке с красной бабочкой и с неизменной тростью в руке; две дамы в старорежимных одеяниях с вуалями, длинными атласными перчатками и лёгкими зонтиками прошествовали под ручку друг с дружкой по липовой аллейке; стайка студентов выпорхнула из общежития, направляясь к центру; туда-сюда прогуливались молодые родители с колясками, мило шумел фонтан, ворковали голуби. Здесь они с Вадимом играли дотемна, здесь ссорились, дрались и мирились, здесь влюбились в одну девчонку, дочь гонщика по вертикальной стене Таню, и уговорили её провести внутрь, где стояли фантастически красивые блестящие мотоциклы, здесь мечтали стать смелыми, сильными, известными. Но мысли резко вернулись к задаче, над которой бился, разом явились на свет заветные карандашик и потёртый мятый блокнотик.

7

– Была уверена, что встречу вас, – услышал Богоев за спиной. – Живу неподалёку и люблю это место. Не хотелось, если честно, идти домой... Вы любите одиночество?.. Я – тоже.

Это была Тамара Игоревна в том же голубом платье с цветочками по низу, волосы её легко

касались плеч, глаза смотрели тепло, по-доброму. Крепкая, стройная фигура, выражение лица, движение красивой руки, дыхание высокой груди словно бы говорили, что вся открыта для дружбы, любви, счастья. Тон её голоса был лёгким, а в синих глазах горел маленький, с оттенком грусти, огонёк. Богоев уже видел его там, в здании, во время танца. И у Лизы был точно такой же.

– Моё детство прошло тут, – заметил он негромко и улыбнулся скупому.

– Маркович рассказывал... Тянет?

Богоев кивнул и слегка нахмурился, выудил из бокового кармана чётки, быстро перебрал. Он только что он взял нужное направление в своём деле, взвешивая плюсы и минусы каждого хода, и вот теперь пришлось отвлечься; спрятал чётки, вытянул из внутреннего кармана блокнотик и, набросав два слова, убрал. Тамара молча наблюдала за ним.

– Дивная у нас всё же эта пора – конец лета, не правда ли?.. – с чувством произнесла она. – Пройдёмся?..

Валентин резко поднялся. Они двинулись по широкой улице мимо конной статуи полководца, усмирителя приграничных племён в царское время, старинного одноэтажного домика-гостиницы, где снимали комнатки известные поэты, музыканты, художники, притянутые красотой местности и лечебными водами, мимо нарзанного бювета, дарящего который век минеральную воду, беседки-грота – места прогулки и балов на воздухе того ещё дворянского общества. Богоев вдруг остановился на секунду, почти выхватил заветные карандаш, блокнотик и быстро при-

бавил к уже написанному ещё. И глаза, и лицо, и телодвижения его казались странными.

– Вы когда-нибудь отдыхаете? – с улыбкой спросила Тамара Игоревна.

Валентин пожал плечами. Он потоптался на месте, сделал было два шага в сторону, вернулся, попытался улыбнуться, обрадованно извлек сигареты. – Простите, закурю, если не возражаете, – проговорил он, резкими движениями прикурил и спрятал мятую пачку. Чуть дёрнув подбородок, затаился глубоко, потом ещё и ещё раз, и негромко с тёплой хрипотцой заговорил. – Когда-то в селе помогал деду траву косить... – Вновь затаился полными легкими, обретая спокойствие. – И вот, чётко и равномерно, до оупения, следуют на автомате движения: правая, левая нога, руки, полёт косы и вжик – ряд травы упал, и снова: переступ и вжик, переступ и вжик. И так – мах за махом, мах за махом... Спустя час или более в глазах темнеет, руки дрожат, тяжеленная коса вот-вот ткнётся в землю. Но откуда-то берутся силы, и я повторяю и повторяю всё одно за другим, как невольник, прикованный к галере. Так и в науке.

– Выходит, ради этого и живёте?.. А остальное что же?.. У мужчин всегда имеются занятия: рыбалка, охота, домино, футбол, наконец. Это смахивает, простите, на какое-то искривление...

– Хотите сказать, что я не в себе?.. – спросил вместо ответа Богоев и остро взглянул на неё.

– А сами как считаете?

– Каждый вправе выбрать свой путь, чужие дела мне не интересны... Нужна сильная страсть, самолюбие, упорство, чтобы чего-то добиться. Учёный – что неисправимый игрок в рулетку: он

ничего не видит и не слышит, кроме крутящегося разноцветного диска и скачущего шарика, и фанатично ищет закон, приметы, зацепки, условности, чтобы поставить именно на правильное число. Как рвётся его сердце и уходит в пятки, а в глазах тьма, если неудача! Тогда горбится, никнет, прячет глаза, дрожит и завидует победившему. А как меняется в противном радостном случае: возбуждён, улыбается глупо, всех любит, щедр, подает деньги и, огорошенный свалившимся счастьем, прижимает фишки к груди, как ребёнок любимую игрушку! И знает, но не хочет знать, что уйди сейчас – выигрыш, вот он, в кармане, верен: щекочет воображение, сулит достаток, праздник, а вернись к столу, кем-то подбодренный, что сегодня его день, что ждет удача, что везение наяву и... всё – гибнет, проигрывается в пух и прах... Либо пан, либо пропал...

– Вы так говорите, будто сами игрок?..

Богоев молча дёрнул плечами, сведя брови, словно углубившись в тяжёлую мысль. Двинулись вдоль каскада фонтанчиков, миновали скверик. Тут открылась овальная площадочка, уложенная старинной плиткой.

– А не боитесь, что кто-нибудь прочтёт эти ваши... записочки?

– Исключено: шифр... – глухо ответил Валентин.

– А отгадка?..

– Отгадка?.. – он приостановился, скупно двинув губами. – В голове...

Тамара недоверчиво поглядела на Богоева. «Бравада или от сердца?» – подумала она, оглядев нескладную фигуру москвича. И не нашла от-

вета. Вдруг порыв ветра ударил по слушателям, небо посерело и отяжелело.

– Ой, кажется, дождь собирается, – воскликнула Тома. – Вернёмся... Вы проводите?..

Богоев кивнул, и они заспешили обратно. У её дома их подждал Маркович. Мощным телом он загородил калитку, глаза смотрели трезво и зло, кулаки были сжаты. Богоев попрощался, не пожав Вадиму руку, и, сутулясь, направился к трамвайной остановке.

– Следишь? – спросила Тома Марковича, тот не ответил, а впился в неё взглядом, как гипнотизёр. – Или вообразил, имеешь надо мной власть?.. Так вот, – продолжила она спокойнее. – Я никаких изменений в своей жизни не желаю... пока.

– Хорошо, Томочка. Я просто хотел оградить... – Он попытался взять её руку, но женщина отстранилась. – Ты не знаешь, – Вадим снизил голос. – Он – убийца. – Тома нахмурила брови. – Ну не прямо. Говорят, из-за него чуть не покончила с собой девушка...

– Как ты узнал?.. Врешь, друг же!

– И что?.. Юридически это доведение до самоубийства... Знаю и его, – Маркович умолк, скосив глаза на Тому, и продолжил. – Ради науки чувства, законы, условности, даже чья-то жизнь – ему ничто. – Он говорил, почти захлёбываясь словами, хмель испарился, и теперь задача была не дать опомниться, нарисовать нужную для себя картину. – А странность эта?.. Заранее не знаешь, что выкинет. Вот суди: едва не гибнет женщина, которую любил, хотя не верю, и что – в печали, переживает? Смешно, всё нипочём!.. Каранда-

шик, блокнотик, формулки – вот его жизнь. Да ещё кларнетик, с которым носится, как дурень с писаной торбой. – Он стал почти вплотную и чувственно негромко, желая достать до самого её сердца, закончил: – С ним не будет ни настоящего, ни будущего...

– С чего ты взял, что я думаю об этом, – перебила Тамара. – И вправе решать за меня?..

– Да нет же! Взвесь – учёный, в секретной системе, под наблюдением. Это как в тюрьме. Ты – умная женщина с ох как крутым самолюбием. Тебе, Томчик, нужно всё, а не довесочки, крохи, остатки любви, счастья. А с ним...

– Единственно с тобой?

– Да, милая! Да! Я всё сделаю... – Он взял её руки в свои и сжал, глядя в глаза.

Тома задумалась, подняла пристальный взгляд на друга. Вспомнилось стихотворение Гейне с плохим концом. «Дремлют зыбкие лилеи: к ним лучи склонили звёзды; но скажи мне, друг прекрасный, не обман ли эта клятва?» Волнение в душе несколько спало, но образ нового знакомого не исчезал.

– Ты почти убедил... Зайдём, моих нет, так и быть, накормлю борщом. А если хочешь показать, что любишь и жить без меня не можешь, – то оставайся прямо сейчас, решайся раз и навсегда. Ну, как?..

Звонкая струна взлетела в тоне её голоса, красивая фигура вполоборота стала ещё более торжественной, строгой, решительной и влекущей к себе. Он желал услышать эти слова тысячу раз и, кажется, был готов, но теперь, когда мечты стали явью, не мог отчего-то произнести и звука, буд-

то потерял голос, не мог двинуться, кинуться к ней, обнять, переполненный радостью, а замер. А Тома, словно не заметив его реакции, сказала:

– Я пошутила, Вадим. Такая жертва мне не нужна. Иди домой, к семье. Мудрым быть – значит следовать велению разума, глупым – внушению чувств. Ничего не говори. И верю тебе, и не верю...

– Я что, все эти годы фальшивил, обманывал, притворялся?.. – сорванным голосом бросил он, выпрямился во весь рост, смотрелся сильным и красивым.

– Так остаёшься или нет? – Тома шутливо толкнула его в плечо. – Смотри, какой Аполлон! – Ладно, проехали. А что касается Валентина, то я, поверь, знаю границу между глупостью и мудростью...

8

Говорят, смелым помогает фортуна, им благоволит природа и сам Бог оберегает. И тогда случайность оборачивается закономерностью, падение – взлётом, беда – праздником.

Девять лет назад Тома, с дипломом педагога, получила распределение в далёкий горно-рудничный посёлок, основным населением которого были бывшие зеки, поселенцы, вахтовики, шоферюги, приклатнённый народец, люди подчас без родных, без дома, с мутным прошлым и ещё более неясным будущим, чтящие только силу. Вдали от трактов, посреди тайги, местность имела дурную славу и смахивала на маленькое государство, где свои законы и понятия, не всегда совпадающие с общепринятыми, а верховенство-

вал в нём не глава администрации, не начальник милиции, даже не прокурор района, а «бугор» – старший бригадир рудника – царь и бог в одном лице. На первый ночлег Тому поместили в школе, сердобольная сторожиха охала и ахала, глядя на красивую приезжую, выдавая матрас, раскладушку и бельё. А в полночь стали ломиться в двери пьяные мужики, желая узреть новенькую. Тома испугалась, забилась в угол, с ужасом глядя, как тени от людей за окнами мечутся по полу, и слёзы сами собой наполнили глаза. Встала в памяти картина, когда после школьного вечера, в двадцати шагах от дома, перегородили тротуар двое и, зажав рот, потянули в тёмную подворотню. От страха она обессилела и не могла сопротивляться. На счастье, их заметил проходивший мимо сосед Кэлыч, известный в округе взрослый мужик, недавно вышедший из колонии. Он грубо окликнул нападавших, и они, узнав его, отпустили Тому... Сторожиха, отогнав пьяную компанию, принесла чай и, поведав, что те не сегодня, так завтра своего добьются, заключила: «Жаль мне тебя, девонька, – снасилуют, как пить дать, обрухатят и никто не поможет. Ты – не первая» На вопрос же испуганной девчонки, что же делать, присоветовала обыденно: «А ничего, хочешь выжить – ляг под Сеньку-бугра, и будешь как у Христа за пазухой». Тома послушалась и зажила спокойно, а в конце учебного года, никого не удивив, на седьмом месяце беременности уехала, родила мальчишку и не вернулась в Богом забытый край. Дома устроилась переводчицей, увлеклась новой работой, наукой, немецкой литературой, любимым альпинизмом, а сынишка благодаря заботам бабушки

и дедушки рос славным и умненьким. «Бугор» лишь однажды выслал денег, и более их судьбой не интересовался. Но жизнь есть жизнь: и Тома влюбилась в красивого, с бородкой, геолога, играющего на гитаре, поющего, знающего много стихов, ухаживающего по-джентльменски. В один из совместных походов в горы группа попала в ненастье, промокла насквозь, и тогда руководитель приказал, объясняя верным средством не заболеть; раздеться догола и влезть в спальные мешки по двое. Так Тома и красавец-геолог, естественно, попав вместе, и поженились. Первое время всё было прекрасно: дом, семья, любимые горы, работа. Но постепенно муж охладил к сыну, не вылезал из командировок, а когда возвращался, то пил, чаще и чаще уходил из дома, а однажды и вовсе исчез. И её мир стал заполнять Маркович, сначала на правах друга-одноклассника, после – коллеги, всячески помогая и добиваясь её настойчиво и терпеливо... Сегодняшнее появление Богоева сместило все ориентиры, она почувствовала родную душу в этом неброском, как будто не от мира сего, бородаче. Новое чувство вошло в её сердце упрямо и прочно. «Кто же он – гений, одинокий, непонятый, не от мира сего или холодный карьерист, ради идеи способный на всё?..» – думала она. Проводив Марковича, устроилась в любимом кресле, взяла в руки томик Гейне, где отыскала стихотворение о Доне Рамиро и Донье Кларе и задумалась...

А в это время. позванивая, нёс Богоева домой, поминутно то резко тормозя, то также резко дергаясь, жёлто-красный трамвайчик. Его подбрасывало при каждом стыке рельс так, словно колёса

были не круглые, а квадратные, и ещё чуть-чуть – и он слетит с них, завалится на бок, а то, не дай бог, перевернётся брюхом вверх. На первой же остановке ввалилась шумная компания, а один, разбитной, симпатичный и весёлый парень в бейсболке набекрень, очевидно, признанный заводила, громко спросил кондукторшу, отчего мы едем так отвратно и что с водителем? Вагон дружно поддержал тему. Женщина при должности, с жетоном на груди, со сбившимся платком, в грязно-пёстрых лосинах, в старенькой куртке, мягких чувяках, крепко прижимая к полному телу сумку с деньгами, что-то невразумительно мыча, озираясь, стала опасливо тесниться вглубь. Тогда парень обратился к обществу, осведомившись, поддерживает ли оно претензии к движущемуся средству, к городскому трампарку и вообще ко всему Минтрансу, а получив согласие, пожал Валентину и ещё нескольким пассажирам руки, со смехом высказался, что, поскольку есть недовольные, следует сменить службу. Публика речь встретила с радостью, а вагон, который вроде как принял человеческий настрой, закачало ещё пуще. А разбитной молодец по-прежнему весело, с юмором, с бесёнком в глазах и той же простецкой улыбкой высказался, что если его, как сейчас модно, демократическим большинством выберут президентом, – он торжественно вскинул правую руку, будто в клятве, – то первым указом снизит оплату проезда в два раза. Тут поднялось невообразимое. Как будто сам чёрт, леший, домовый или ещё какой-то невидимый и подленький герой сказаний, преданий или мифов просочился в замкнутую движущуюся электричеством колёсную

комнату с мягкими сиденьями и большими окнами. В общем, картина сложилась ещё та! А вагон, словно попадая в какой-то безжизненно-странный вакуум, парил над рельсами, то вспыхивая ярким светом, то погружаясь в темноту. Внутри же действие развивалось своим чередом и по своим законам: кто-то достал бутылку шампанского, и её тут же распили, отметив случившееся, да требуя притормозить у продуктового магазина для добавки. Кстати оказался длинный пролёт, включивший в себя мост над железной дорогой, – того и гляди, фарно-глазастое диво, потеряв контроль, сорвётся и ухнет вниз, ровно сбитая летающая тарелка. Немая билетёрша, с лица которой мгновенно исчез макияж, а губы из ярко-красных превратились в густо-синие, и для которой время умерло, не чаяла, как бы поскорее добраться до остановки, вовсе не уверенная, что рулевая сможет сдержать железного разгулявшегося коняку.

А та заперла дверь кабинки, приникла, будто стараясь влезть в неё, к панели с приборами, какие мигали без порядка, вертели стрелками, гудели опасно, и принялась судорожно перебирать в голове пункты инструкции, силясь отыскать правило, как вести себя в подобном случае. Но в документе указывались террористы и хулиганы, неопознанные предметы, забытые вещи, пьяницы и бомжи, не было только ответа на требования и решения сумасшедше-весёлой толпы, и, понятно, не существовало наставления, как при сём действовать. Трамвай с тем же настроем летел без остановки до конечной и там, открыв двери, выплеснув народец, выдохнул натурально, как живой, и стал мертво...

Поднявшись на свой этаж, Богоев обнаружил, что дверь не заперта и приоткрыта. Отнёс это к своей рассеянности, хотя давно прилепил изнутри бумажку-напоминание: «Проверь воду, свет, газ и запири дом»; слышались чьи-то тихие шаги, показалось, кто-то осторожно шёл по лестнице вверх от него. В квартире беспорядка не было, но какой-то чужой запах обоняние уловило, ибо у него, как у необычного человека, все чувства были обострены: он мог слышать звуки на большом расстоянии, мог читать по губам, видеть в обзоре на 180 градусов, различать природу запахов, писать обеими руками почти что одинаково. Богоев насторожился, однако сейф был в порядке, да и на столе всё как всегда: чистые листы, пачка разноцветных четвертушек для заметок, стопка книг на краю, японский божок на бюро. Он сел, вытянул из внутреннего кармана родимый блокнотик, перелистал. Вчитываясь в каждую страницу, стёр ненужное, задумался, ибо очередная версия не дала результата – где-то вкралась ошибка, а значит, начинать заново. Ушёл на кухню, по привычке на плиту поставил греть чайник, всыпал в чашку ложку кофе, сахар, стал у окна, закурил. Какой-то плечистый человек в сером плаще и надвинутой на лоб шляпе, сутулясь, двигался по тротуару, плащ его был перевит широким поясом, воротник поднят, руки глубоко упрятаны в карманы, и сам он сделался почти незаметным, точно слился с асфальтом, тусклым небом, серыми домами. Потемнело, как поздним вечером, и, капля за каплей, медленно стал нарастать дождь, потом резко и надрывно ударил гром, как будто между небожителями разыгралась ссора, метнулись одна, другая, третья

световые вспышки. И, стена за стеной, ливень пошёл, даже не пошёл, а низвергнулся, будто из бездонных хлябей, смяв всё на пути.

Стекающие с крыши линии дождя, тусклое небо, похожее на глубокое осеннее, утемнили картину. Валентин сделал себе кофе. Сумерки почти скрыли город. По дорожке, часто отдыхая, брела согнутая, с авоськой, женщина в капюшоне. Её обогнала смеющаяся пара: высокий сильный парень в футболке, словно не замечая дождя, одной рукой обнимал девушку, а другой держал возле уха телефон и говорил громко. Валентин вернулся в комнату. Дождь наконец перестал, горизонт просветлел, похоже, что вот-вот покажется солнце. Но не случилось: закатная линия на глазах потухла, и выплыли на небосвод первые звёзды. Он вернулся за стол, отсортировал записочки, кое-что переписал в толстую тетрадь, ещё некоторое время поработал, наконец убрал всё в сейф, понимая, что устал. Но мысли донимали, ибо не сходилось то, что должно было сойтись, не выявлялось то, что должно быть главным, не пришло даже намёка на то, что идёт в правильном направлении. Он вставал, пил кофе, ходил по комнате, перебирая чётки, возвращался к столу, ничего не записывал, думал, курил, до боли сжимало виски, пробовал уснуть и не мог, снова вскакивал и ходил. Перемешались письмо Лизиной соседки, болезнь мамы со времени пропажи без вести дяди Матвея, наставления Острогина, незнакомец в сером, встреча с Тамарой, стычка с Вадимом, разговор с Урвановым, старый двор...

Не упуская мысли, привычно достал футляр с кларнетом, собрал инструмент, шагнул к пюпитру

с интересным блюзом, уложил, как надо, пальцы на клапаны деревянного друга, всегда дающего отдушину, но вместо нотных палочек, крючочков, завитушек видел лишь математические знаки. Дал звук еле слышимо, без удара языка, одним воздухом, точно шелест листы, проверяя, может ли, коротко повёл головой, смахивая застрявшую мысль, и издал следующую за скрипичным ключом ноту. Далее, углубляясь в тему, проиграл неторопливо, тихо, с чувством пьесу до конца, а вспомнив, что поздно и соседи могут возмущаться, отложил с лёгким сердцем кларнет. Вернулся к бумагам, неудача тревожила, и нужно было время, чтобы успокоить мысли. Обыкновенно помогала музыка, да сегодня инструмент не дал результата. Взял с бюро карандашный портрет Лизы, сделанный ею самой в одну из ночей: полуоборот фигуры, тонкий лик с большими глазами, очерченные красивыми дугами брови, тронутые легкой улыбкой чувственные губы, спадающие по обе стороны лица волнами, чуть вьющиеся, как на старинных портретах видных особ, волосы, тонкий любовный взгляд. И подпись мелким округлым почерком – «Твоя Мона Лиза»...

Часы пробили полночь. Богоев забрался в постель, но стоило закрыть глаза, как чудилось, кто-то зовёт его, звук достаёт до самого сердца и рвёт его. Так случалось порой. Отбросил одеяло, сел, сердце и впрямь колотилось, и непонятно, сон ли, явь охватили его. Неясные видения плыли перед взором, наступая одна на другую, формулы толклись в голове ощутимо, будто плотно уложенные камешки, спазм подступил к горлу. Заходил по комнате, нервы были чутки, мнилось, кто-то не-

видимый движется позади него, в такт ставит ноги, и он слышит шорох его шагов, запах чужого тела, ощущает даже колебание воздуха, касающееся его то с одной, то с другой стороны. Он боязливо, с трепетом озирается, но никого нет. Кинуло в жар, рванулся к окну, распахнул форточку, сунул в неё голову, бездумно, ничего не видя, не слыша – мрак поглотил и его, и всю округу... Спустя время соображение полностью вернулось к нему. Лёгкий ветерок колебал листву деревьев, тусклый свет давали уличные фонари, донёсся глухой сигнал запоздалого авто, блочно-бетонное здание обрело порядок и спокойствие. Уставший, с потяжелевшими веками, Богоев вернулся в кровать, лег на правый бок и с надеждой, что всё образуется, закрыл глаза...

9

Утром в понедельник, как и было назначено, Богоев, одетый по-рабочему: пиджачок грязного цвета, серая рубашка без галстука, джинсы, появился у приёмной директора, испытывая некоторую робость, на секунду задержался, после негромко постучал и приоткрыл дверь со словом «можно?». Секретарь Светлана Ивановна, полноватая, миловидная, в возрасте, неизменно аккуратная, в золотых очках, с поданными несколько вперёд плечами и грудью, как будто несла поднос с чаем или кофе, приветливо ответила и тотчас доложила о нём. Минуты через две Богоева пригласили. Директор поздоровался, указал рукой на стул и заходил своей приметной мелкой походкой с пятки на носок, как

ходоки-марафонцы, вдоль стены, держа прямо спину, полуобернувшись. Это был 62-летний сутуловатый усталый человек, с добрыми светлыми глазами, с седовато-русскими волосами, постоянно дымящий и не терпевший запаха чужих сигарет, плохо переносящий смену погоды, ибо обострялась язва, – ночами плохо спал, серел лицом, мрачнел, мысль об операции то забирала всего, то уходила. Он терпел, а когда наваливалась хандра, вспоминал всё, что удалось сделать, рассматривал буклеты, альбомы, фото, видео с теплом, думая, что не зря коптит родное небо. И боль незаметно уходила. Любимое выражение из латинских «спешите медленно» сопровождало все его деяния, как и утверждение, что теория – это полководец, а практика – солдаты. Сегодняшний понедельник начался для Адама Ивановича не с добром: почта принесла отрицательный отзыв на весьма значимый проект. За общим столом сидели Финников Владимир Александрович, в отделе которого будет сооружаться копия богоевского лотка, и главный инженер Николай Николаевич – черноволосый, курчавый, с фигурой такого объёма, что, шутили, галстук его располагается на груди параллельно земле.

– Твой шеф дал тебя, не обижайся, что так выразился, – начал директор, слегка улыбнувшись, – на один квартал, отметив, что не будешь сидеть здесь безвылазно. Это не обсуждается. – Он остановился, отогнал дым и продолжил, глядя как всегда цепко то на Валентина, то на Финникова. – Следовательно, за этот срок устройство должно быть собрано, опробовано и внедрено. Уложимся?

– Думаю, да, – ровным голосом заверил Финников, всегда скупой на разговоры, и чуть поднял острый подбородок. Взгляд его был сосредоточен, губы поджаты, внимание напряжено, спина выпрямлена.

– Тогда забирайте материалы и – вперёд!.. Но Валентин пока задержится, есть ещё вопрос. – Дело вот какого свойства, – директор назвал Валентина по имени-отчеству и неторопливо, как можно спокойнее, продолжил. – Пришла экспертиза на наш проект с замечаниями. Делавший расчёты тебе, видимо, известный Маркович, как негр на плантациях, будет у меня пахать сутками, пока не исправит. Но... Но родилась у Николая Николаевича мысль, – он кивнул в сторону главного инженера, отметив про себя, что тот по-прежнему соображает по-молодецки ясно и не зря рекомендовал его на повышение, – смоделировать объект на твоём устройстве. Это реально?

Богоев ответил не сразу, взял бумаги, перечитал все пункты абзаца, который был обведён красным карандашом. Мысль заработала, родился интерес, единственное, что не устраивало: придётся жертвовать своей темой, чего не очень желал. Но отказать было невозможно, и он согласился.

– Что тебе или кто нужны?.. Установку разместим в урвановском отделе. Думаю, не против?.. – Богоев тотчас отметил, что его бывший шеф не теряет времени даром. – Сейчас же распоряжусь разделить помещение. Ещё: помощники?..

– Одного достаточно, но грамотного.

– Кандидатура есть – молодой специалист, вернее, молодая, думающая и склонная к технике – Инна Владимировна, моя племянница. Как

ты?.. – Валентин согласно кивнул. – Тогда, Николай Николаевич, организуй всё, познакомь, ну и так далее. Пока спасибо, Валентин. Всё, с Богом!..

Он проводил до дверей и опять мыслями основился на Финникове, выглядевшем бодрым и здоровым. Глянул в календарь, жирным карандашом вписал «Экспертиза» и подчеркнул. Притомило под ложечкой, выпил таблетку и снова заходил по кабинету. Он уважал Финникова, слывшего всезнайкой, интеллектуалом, и всякий раз, как болезнь давала о себе знать, его посещала мысль об уходе на пенсию и о преемнике. «Пора, пора: лучше раньше – при памяти и своим ходом, чем позже – в маразме и вперёд ногами» Мысли в голове Адама Ивановича перемешались, он поморщился, но знал, сейчас главное – экспертиза. Мелькнула думка о брате, отсидевшем большой срок в тюрьме, который должен сегодня появиться. Сделалось грустно, потому как его, позднего ребёнка в семье и избалованного, Адам любил и жалел с детства. В городе ему оставаться нельзя, и нужно решать вопрос с местом жительства, а значит – вновь расставание. Смягчало волнение то, что рядом преданный и любящий человек – жена, ну и парни-сыновья, один из которых удачно защитился, а второй в школе тянет на медаль. Настроение поднялось, он взял со стола семейную фотографию и улыбнулся. Жена выглядела на ней чертовски здорово, подумалось, не зря, ох не зря судьба ведёт их доброй и верной дорожкой!.. У Адама Ивановича это был второй брак, первый, вроде пробного прыжка спортсмена, оказался коротким и неудачным, как говорили, студенческим, но надолго оттолкнул мысли от

женитьбы. Лишь на тридцатилетнем рубеже, при должности, поставивший уже было на себе крест холостяк сдался, влюбился в симпатичную казачку, молодого специалиста. И никогда не жалел об этом, ибо Анна Васильевна, рождённая в донских степях, крупная телом, с характером, черноокая красавица, которую любовно звал Нюра, мудрая женщина и мать, была чутким и верным помощником. Если и возникали непонимание, размолвка, то они не выносились за порог дома, и детям было невдомек. А полный мир наступал тогда, когда, приготовившись ко сну, играли в дурачка. Казалось, ничего в этом явлении не было необычного – ну, привычка, ну, милое картёжное развлечение. Но для них это и был тот узелок, какой увязывал все неприятности, – муж и жена сближались, как прежде, с любовью. Адам Иванович же нарочно подводил игру так, что конечный счёт был в пользу супруги – к её полнейшему удовольствию... Но тут в дверь постучали, показалась медсестра, и директор, сняв пиджак и слегка улыбнувшись: мол, что делать, подчиняюсь, прошёл за ней для укола.

10

Утверждают, что мысль материальна, и если о чём-либо долго думать, то случается непременно.

– С чего начнём?.. – спросил Финников, когда Богоев вошёл в его кабинет, и открыл рабочий блокнот.

– Со скелета, – бросил Валентин, взял чистый лист, ловко набросал конструкцию, поставил размеры и придвинул его к Финникову. – Вот, прошу.

Есть рецепт флорентийского архитектора: сперва нарисуй скелет, после покрой его мускулами и жилами и тогда только облеку кожей.

– Что ж, так и поступим, – проговорил Финников, внимательно глядя на гостя.

Прошедшую ночь Финников спал плохо: автореферат Богоева держал крепко. Мысль о более весомом назначении богоевского устройства родилась после второй читки, перехватило дыхание, он даже испугался – вдруг откажет сердечный его моторчик с чужеродной деталькой. Однако догадке не хватало наполненности и глубины. Это расстроило, но не оттолкнуло...

Через полчаса, когда бригада Финникова, получив задачи, разошлась, остались для уточнения двое: Богоев и Инна – плотная, фигуристая, симпатичная, с характером, девушка. Она приняла строгий вид, поправила очки, села удобно, с ровной спиной. Два года назад, закончив учёбу, девушка вернулась домой с женихом. Но парень, столичный щёголь и красавец, презируя провинцию, уклад её жизни, обитателей-обывателей, вскоре сбежал. Инна – натура добрая и чистая, была воспитанна в порядочной семье с правильными понятиями о чести, долге, человеческих отношениях, потому расстройство свадьбы, к которой всё шло, больно оскорбило, как самое грязное предательство. Несколько дней кряду она простояла молча, в оцепенении, у окна отдела, покусывая губы, сдерживая нервы. Одна за другой наплывали картины: знакомство на студенческой вечеринке, свидания, поцелуи. Ещё слышался его нежный шепот, дурманил запах крепкого тела, ещё чувствовались, словно вот только что, объятия.

Но ощущение вечного счастья и беззаботной лёгкости ушло, и чётко выделось его скуластое лицо, презрительный изгиб губ, жесткий, даже страшный взгляд последнего времени, выпирали пренебрежение и насмешки в любой речи, высказывании, споре... Директор же не придумал ничего лучшего, как загрузить работой, и послал в долгую командировку по области. Наконец, в один из дней, ухоженная, тщательно одетая, неся ровно спину, как раньше, она вернулась в отдел, поздоровалась с лёгкой улыбкой, словно говоря: «вот я – прежняя, удар пережила, выстояла», села за свой стол и взялась за отчёт... Теперь боль утихла: электронные устройства, моделирование, аналоги, приборы наполняли голову, желалось рабочего напряжения, и она с прежней радостью и настроением отдалась ему. Инна проштудировала богоевскую работу, вникла неторопливо, но глубоко, как привыкла со школьной скамьи. Итоговая формула более всех зацепила, как будто в ней таилось что-то важное, но неуловимое, заставляя возвращаться и возвращаться. Знакомый внутренний трепет, азарт молодости, желание постичь новое переполняли её. Но она побаивалась Богоева, оттого была напряжена. Смутное и смешанное чувство владело ею: и остерегалась, и тянулась к нему, точно к родному человеку. Как у актёров, играющих влюблённых, нужно и в жизни полюбить друг друга, иначе не будет правды образов, а лишь фальшь, так и у неё: чтобы сделать то, что ей поручили, нужно влюбиться не только в тему, но и в её автора. И, кажется, до этого оставался всего маленький шаг. Ловила и ответные, вроде бы, просто внимательные, взгля-

ды Богоева, но женским чутьём угадывала в них тонкую, почти неуловимую примету интереса, отнюдь не рабочего. Сердце билось взволнованно, и ещё больше смущалась, и краснела...Инна не сводила глаз с живых, беспокойных, с рыжими волосиками тонких пальцев соседа, занятых чётками, слушая шефа вполуха, и сосредоточилась лишь тогда, когда москвич ушёл...

Финников был женат со студенческой поры на черноглазой брюнетке с нежным овалом лица, точёным носиком, нежными ушками, за которой увивалось много парней, но она выбрала его – немногословного, медлительного, умного. Брак оказался счастливым, родился сын – шахматный талант, который в шестнадцать лет стал мастером и уехал в Москву. Минувшим вечером жена дважды приносила кофе, пристально вглядываясь в лицо мужа, хмурясь, а когда часы отбили полночь, явилась за ним, готовая ко сну, приказала выпить таблетку и строго напомнила, что подошёл срок замены клапана. Владимир Александрович отшутился: мол, ерунда, эскулапы как всегда, чудят, страхуются, есть ещё гарантия два месяца, а вон сосед, Иваныч, полгода не меняет, и ничего. Но жена твёрдо отмела этот довод, требуя немедля лечь в больницу. «Зинуля, чуть позже, ну через два месяца, – попросил он, проглотив таблетку. Жена сомкнула чёрные густые ресницы и протестующе замотала головой. – Тогда через месяц. Даю слово, клянусь! А сейчас никак. Вот... – Он показал богоевскую книжечку. – Представь, Зика, что сделал этот мальчишка: чудо, блеск!.. Ты помнишь Валентина, как он с нашим Сергеем в шахматы резался?..» Внимательно посмотрев

на мужа своими тёмными колдовскими глазами, ответила, что, конечно же, помнит, а мысль тотчас переброшилась к сыну, к частому и тяжёлому вопросу: что принесёт парню столичное житьё?

Она жалела, что отпустили мальчишку от материнской любви и заботы в спортинтернат, и спросила с грустью, верно ли то, что говорят о странностях Богоева. А получив ответ мужа, дескать, учёные, как и все творческие люди, не от мира сего, напомнила без улыбки, что ему перенапрягаться губительно, и посему запрещает ночные бдения.

– Ты слышишь, месяц – и ни дня отсрочки! – повысив тон голоса, произнесла она. – Уж лучше б ты собирал модельки самолётов или в танки играл, полуночник... Идём спать.

Финников обнял её, поцеловал в шейку. И это был знак, знал любви для обоих...

Владимир Александрович продолжал излагать Инне то, что наметил, а сам терял нить, ерошил волосы, хватался за ручку, а то тёр ладонь об ладонь, глядел на сотрудницу, но не видел её. Вдруг в голове вспыхнула та самая, последняя формула в богоевской работе, на какой ночью застрял, и чётко увиделась перспектива. Он вскочил, взъерошил волосы, зашагал по кабинету, чуть ли не залпом выпил кофе, резко вернулся на место, схватил чистый лист. Закончив писать, протянул его Инне.

– Глянь на досуге свежим глазом. – Это была как раз та, под номером девятнадцать, в итоговой главке формула. – Здесь загадка на загадке... Иди, Инна Андреевна, работа ждёт!..

Инна выскользнула из кабинета, а из Финникова пощёрла энергия, отключил телефоны, на-

бросил щеколду на двери. Теперь всё пошло, как надо: уложилась мысль и то, о чём Богоев умолчал, стало ясным, как теорема Пифагора. Утишая организм, успокоился, еще раз перепроверил всю цепочку рассуждений и убедился, что не ошибся. Но хвалиться, делиться с кем-то радостью был не намерен, ибо в ту же секунду делается объектом первого отдела, как и Богоев. И тогда намеченная турпоездка в Испанию к юбилею их женитьбы станет под вопросом. Стараясь уровнять пульс, он выпил ещё кофе, устало откинулся на спинку кресла, с улыбкой оглядел исписанные листы. И похвалил себя мысленно. «Ай да Вовка, ты давно-давно ждал этого!.. И что теперь клапан, замена, каждодневная рабочая суета? Вот настоящее, вот жизнь, вот счастье!» Но вдруг кольнуло в груди так, что потемнело в глазах, занялся дух, тело похолодело. Он судорожно вытянул из пиджака коробочку с таблетками, выхватил одну, запил водой и замер. Минуты три не двигался, потом ушло напряжение, окружающее вернулось в прежнем обличье. И в этот момент без стука, шумно и широко, заявился Урванов, уселся по-хозяйски и, увидев знакомую обложку московской книжечки, подозрительно направил свои тёмные очки на Финникова.

– Ты... ты что-то нашёл? – угрожающе-пытливо спросил он и навис над столом, намереваясь взять листы с финниковскими записями, но тот опередил и убрал их.

– Что имеешь в виду?..

– Думаю за этим, – он постучал толстыми пальцами по богоевской работе, – кроется архисерьёзное. Признайся, считаешь так же?..

– У тебя лоток в руках, что ж ты меня спраши-

ваешь? – ровно проговорил Финников и дёрнул неопределенно плечами.

Но Урванов не спускал недоверчивых глаз с ящика стола, куда упрятаны листы, и напрягся, прикрыл глаза, показалось, что сквозь полированный верх стола видит заветные строки, разбирается, читает всю важную и нужную их суть. И дрогнул всей массой, кинув тело вперёд, почти лёг на полировку, шея побагровела, жилка на лбу вздулась, а кулаки невольно сжались. Он готов был схватить за грудки этого мужлана, вытащить из-за стола, смять и заграбастать написанное.

– Богоев у меня сейчас, маракуют с Инной. Говорят тихо, не разобрать... Жаль парня, он болен. Ты заметил?.. – с хрипотцой, еле сдерживаясь, промолвил он.

– А кто здоров в этой жизни? – спокойно парировал Финников, будто не замечая состояния противника.

– Взял на себя груз, какой, боюсь, не выдюжит, жалкий ипохондрик. А тут ещё с матерью...

Урванов мощно оперся обеими руками о стол, поднялся, скосил недоверчиво-грозные глаза на Финникова. И, тяжело ступая, покинул кабинет, вздёрнутый и злой, утвердившись в мысли, что визит к Богоеву откладывать нельзя...

А Финников еле досидел до звонка и, захватив бумаги, поспешил домой, предвкушая часик-другой счастливого уединения.

11

Когда Маркович покинул отдел, за окном уже легла стойкая темнота. На душе было скверно.

Без перекуров и обеда взялся за переделку, и к концу дня первые бланки новых расчётов отправились на обработку. Неприятным было ещё и то, что с завтрашнего дня он поступал в распоряжение Богоева... Неторопливо сошёл на мокрый тротуар, поднял воротник плаща, сунул руки в карманы. Было сыро и неуютно, как глубокой осенью. Порывы ветра рябили лужу у бордюра, качались ветки тополя, прерывая свет фонаря, звуки вечернего города казались глухими и неясными. Вспомнились служба, городок с непредсказуемой погодой, океанскими приboями, офицерские пирушки, связи с женщинами, гарнизонный бункер с приборами, одинокая квартирка, набитая его любимыми книгами, мечты, надежды. Он не жалел ни о чём – жизнь есть жизнь, но какое, однако, было чудное время!.. Маркович приостановился, задышал глубоко. Следовало идти прямо, через сквер к трамвайной остановке, и готов был сделать этот первый шаг в привычном направлении, но подумал о Томе, и желание тотчас увидеться с ней перебороло все чувства. Взял левее, в старую часть города, и всё увереннее и твёрже ставил ноги на чёрный асфальт. Миновал пивной ларёк, кассы Аэрофлота, хлебный магазин, завернул в боковую улицу, ускорил шаг, приблизился к знакомому двору, ступил вовнутрь, пригнув по привычке в калитке голову. Ветка сирени мягко ударила в плечо, несколько капелек попали на подбородок и щеку, и вместе с ними запах далекого времени, романтических дум, прожектов, желаний пахнул в лицо. У этого куста они с Томой прощались, и здесь прошептал, путаясь, те трудные слова признания, а она молча поцеловала его

и убежала. Чувствуя сердце, Маркович взошёл на ступеньки, осторожно надавил на кнопку звонка и замер. Спустя несколько секунд щёлкнул замок, дверь открылась на ширину цепочки, за ней стояла мама Тома Ольга Антоновна.

– А, это вы?.. – она не убрала цепочку. – Знаете, что я вам скажу, Вадим? Не мучьте ни себя, ни её. В конце концов, всему есть предел. У вас семья, дом. Оставьте нас в покое!..

Ольга Антоновна относилась к тому типу женщин, которые считали себя умнее других и советовали, а чаще наставляли окружающих, как поступать. Они знали, каким должен быть муж и отец, какими должны быть рычаги управления семьёй. Упорное стремление к достижению своих целей всегда было сильной стороной её характера. Незаметная девчушка из Подмосковья, сирота без связей строила свою жизнь так, как желала: получила образование и, несмотря на вид простушки, сделала стопроцентно верный выбор мужа – увлекла и женила на себе симпатичного парня из видной семьи, родив одного за другим двух сыновей и дочь. А с помощью отца мужа, чиновника администрации области, открыла собственное дело... После возвращения Тома с ребёнком и её неудачного замужества Ольга Антоновна, посчитав, что в этом есть и её вина, еще более утвердилась в мысли, что обязана уладить будущее дочери. Оценив Марковича ещё со школьной поры, поняла: этот человек никогда её не устроит. Но будучи женщиной неглупой, резко не высказывалась, не настаивала порвать с Марковичем, а терпела, потому что обожала Тому и надеялась, что её влюблённость, а она считала, что имеет ме-

сто именно то, непременно пройдёт. И когда дочь объявила, что Маркович сошёлся с женщиной, Ольга Антоновна облегчённо прошептала: «Слава Богу!», украдкой перекрестила Тому, добавив: «Что бог ни делает – всё к лучшему».

– Я люблю Тому...

Ольга Антоновна отрицательно завертела головой, уверенно и твёрдо перекрыв вход. Ещё секунда, и она захлопнула бы створку. Бестактные и настойчивые визиты этого «мужлана и солдафона», как окрестила Марковича, серьёзно тревожили. Потому, раскинув умом, решила, что нет лучшего средства, как между ним и Томой втиснуть кого-то третьего.

И энергично взялась за дело. Ох, как она желала вознаграждения за свои труды! Она просыпалась и ложилась с единственной мыслью, чтобы дочь увлеклась кем-то, вышла замуж, завела семью, наконец, дала бы внуку отца, чтоб было как у всех. Быть может, Бог смилостивится... Время шло. Старания Ольги Антоновны как будто падали не в благодатную почву, ибо Тамара была равнодушна к материнским порывам и усердию, отказывалась от знакомств, приглашений, ссылаясь на загруженность работой. Однако мать была терпелива и настойчива. И вот сегодня на ужин был приглашён дирижёр городской оперетты, красивый статный блондин с милой бородкой, с приятными манерами, с завидной перспективой и из приличной интеллигентной семьи. И он, как показалось, заинтересовал дочь...

– Уходите же! – почти зло бросила она.

Да Маркович не сдвинулся с места, он уловил звук знакомых шагов, почти слился с дверью.

– Я прошу... прошу вас, – едва молвил он, чувствуя, что Тома совсем рядом.

Ольга Антоновна, услышав приближение дочери, сделала слабое движение в сторону и процедила сквозь зубы:

– Что ж, в последний раз.

Тамара была в голубом трикотажном платье, с короткой мальчишеской причёской, так нравившейся ему и так идущей ей, в руках мяла салфетку и костяшки её пальцев матово белели.

– Томочка, милая! – выдохнул Маркович и протянул к ней руку, ожидая спасительного прикосновения. – Мне, мне...

– Не надо, Вадик, – тихо прошептала она, не поднимая глаз. – Я... я знала, чувствовала, что ты придёшь... сегодня.

– Да?.. – Он встрепенулся. – Можно войти? Я должен тебе сказать...

Тома отрицательно повела красивой головой. Положение сложилось ужасное, и никто не мог бы ей помочь, кроме неё самой. Но сама-то она, точно в замкнутом дьявольском круге, не могла сделать никакого действия ни навстречу Марковичу, ни от него...

– У нас гости. Иди домой, тебя ведь ждут...

И это тихое, но твёрдое «ведь», точно физический толчок, охладило его. Маркович походил на человека, который пять, десять, сто, тысячу раз выполнял одно и то же действие уверенно, без сбоев, и вдруг странным образом, нелепо, непорочно ошибся. Кисть Марковича скользнула по прохладной бронзовой ручке, дверь медленно затворилась; ссутулившись, он спустился вниз и оглянулся. Окна квартиры по-прежнему горели

полным светом, хмуро покачивались верхушки мокрых деревьев, роняя капли, было сыро и прохладно. От мысли, что потеряет Тому навсегда, даже потемнело в глазах; он долго кружил по району, выпил в кафе вина, дважды обошёл квартал, опять заглянул в рюмочную, принял очередную порцию, а когда занялся дождь с ветром, взял курс к дому. Жена встретила спокойным взглядом, проводила на кухню, напоив чаем с его любимым яблочным пирогом, положила свою маленькую руку на его и сказала:

– Знаю, ты от неё... – Она смотрела мимо, натянулась кожа на мягком подбородке, лицо, побелев, сделалось тонким и красивым, а чёрные длинные реснички слегка волновались. – Вадим, помнишь наш уговор?.. Я пришла к тебе от Гаевского по собственной воле, теперь решай – скажи, и я уйду, мы ведь не расписаны... – голос её слегка дрогнул. – Не волнуйся, руки на себя не наложу. Верю, бывают моменты, когда не властен над собой, а может, ты гонишься за фантомом и пора остановиться? – Она выговаривала каждое слово тихо, без нажима и спешки. В облике тридцатипятилетней, с приятными чертами лица женщины было много тепла, как будто не враги сошлись в последнем бое, а добрая семья, взаимно советуясь, мягко решает пустяшный вопросик. – Ты мужик, кость офицерская, разберись сам с собою... А я, – она улыбнулась одними красивыми губами и легонько сжала его руку, – я всегда тебе друг...

Маркович смотрел, как она с достоинством встала; и красота, и породистая стать женщины виделись в бесшумном действии с посудой, в фи-

гуре, руках, груди, в посадке красивой головки, во взгляде тёмных глаз, внутри которых, будто светодиодики, вспыхивали огоньки. Эти глаза удивили и полюбились Вадиму с первой минуты знакомства. Также с достоинством неся своё легкое, с узкой талией тело, она прошествовала в спальню, села у трюмо и принялась за обычный перед сном туалет. Неспешно орудуя различными предметами с удовольствием, красиво, любя себя, помнила, что всегда должна быть настоящей женщиной – привлекательной и желанной. Он видел лишь спину, но мог в точности назвать её действия: вот снимает макияж, вот обрабатывает ноготочки, вот наносит ночной крем, вот подправляет брови. Кажалось всё, от момента прихода мужа до этой минуты, далось без труда и напряжения. Но сколько стоило это сил, знала только она, как знала, что тогда, оставив Гаевского наперекор семье, со скандалом, с бессонными ночами и мучительными разговорами, перечеркнув прошлое, несколько не жалела, ибо полюбила глубоко, всем сердцем, этого светловолосого гиганта-офицера, как девчонка с первой влюблённостью. А Маркович стал у окна, глядя на любимый район, который по типу Нью-Йорского называли Манхеттеном: теснились высотки со светящимися окнами, лестничными пролётами, этажами словно гигантские многоглазые чудовища; скверик, где раньше перед сном гуляли с женой, большой фонтан, аллеи, беседки, озерцо с островком. Внизу лежала трасса, секущая город, всегда насыщенная и живая, где бегали с утра до поздней ночи со своими звуками «скорая», МЧС, полиция, байкеры, лихачи, спешили обычные горожане. Только зеркально

гладкие, отражающие свет лужицы говорили, что дождь прошёл. Маркович успокоился, слова жены нет-нет и всплывали в мозгу. Твёрдое настроение, мысли о Томе вдруг пропали, истаяло и желание резко возразить, вспылить, наговорить грубостей. Жена в лёгком пастельного тона халатике сидела в кресле у торшера с книгой, красиво покачивая ножкой с голой коленкой. Ушли дневные события, а он рад и счастлив, вроде доброго и восторженного курсантика на побывке в родном городе, в дорогих сердцу стенах с обоями в мелкий цветочек, где всё мило, любимо и прочно: живы родители, сестра, весело говорящие, смеющиеся, немного хмельные за праздничным столом в его честь, а будущее – чистое, воздушное и прекрасное, как ночное бесконечное небо... Жену он увидел впервые в библиотеке, отметил лишь симпатичную мордашку, фигурку, по привычке оценивая женщин, да образ вылетел из головы, но спустя неделю попал на день рождения бывшего сослуживца, где оказалась и она. Их усадили рядом, несколько раз взгляды его и незнакомки сходились, потом сошлись руки, и, не сговариваясь, они сбежали с вечеринки... У жены погас верхний свет, лишь ночник скупой давал сине-розовый тон. Спустя минуту, смяв сигарету, отправился спать, но не на лоджию, в свой кабинетик, а в спальню, тихо разделся и лёг, отвернувшись. Жена нежно прижалась горячим телом и легонько, змеино-скользящим движением, обняла. Вадим не шелохнулся и не отодвинулся. Они словно выжидали чего-то, дыхание обоих сровнялось. Казалось, и сердца бьются одинаково. Тогда осторожно взял её тонкую кисть и при-

ложил ладошкой к своему животу. Это было знаковое начало любовной близости...

На следующий день Маркович энергично отправился на кладбище к могиле родителей. Поминая их, выпив одну за другой три рюмки коньяка, глядел в лица на чёрном мраморе, словно желал ощутить контакт с ушедшими. Показалось, мама более обычного сжала свои тонкие губы, глаза заострились недобро, и оттого ещё резче обозначилась разница в изображении: мирное лицо отца, молчаливого по большей части, послушного жене во всём, умершего, не дожив до семидесяти лет, и строгий, властный взор женщины с сильным характером, пережившей мужа на двадцать лет.

12

Ещё до границы – Кембриджа, Цюриха и публикациях в научном Вестнике, ещё до смерти отца и затяжной депрессии мамы, ещё до отъезда в Москву и аспирантуры, ещё до диплома, студенчества и школьного бала виделось будто бы ясно, как сложится его жизнь. Непредсказуемыми оставались лишь точки удач и подъёмов, заминков и потерь. Да крупное, волнующее и неизбежное, точно заря нового дня, будущее уже приняло Боегова в себя, уже приготовило тупики и закоулки, куда должен ткнуться, и приоткрыло именно те двери, какие нужны для расцвета всего, что назначено природой и Богом. Оно же разбросало перед ним вопросы и тайны, какие обязан разрешить и постичь. И матушка, швея трикотажной фабрики, державшая его в строгости, болеющая нервами после пропажи без вести в «горячей

точке» брата-офицера, и отец, умерший два года назад, мастер индивидуального пошива, лысоватый с молодости, потомок местечкового рода, и тетушки: Домна Архиповна, замужем за самолюбивым и ворчливым отставником, красивая и добрая, и Полина Архиповна, болезненная, желтая лицом, отчего пудрила его неимоверно, и прочие второго и третьего ряда родственники не сомневались в одарённости продолжателя их рода. Но серьёзно тревожили редкие, правда, припадки удушья...

Проведав в больнице маму, Богоев вернулся домой, устроился за столом – нужно ещё много сделать, чтобы открытие стало либо теорией, либо законом. Если глубоко уходил в тему, голова начинала болеть тупо и нудно, тяжелели глазницы. Сейчас перехватило дыхание, он вскочил на ноги, зажмурился, нагнулся, спустя время открыл глаза, почувствовав облегчение, и задышал, как прежде, – свободно и глубоко. Заходил по комнате, наслаждаясь любимым одиночеством. Перед глазами плыли стены с картинами, шкаф, сервант, книги, полки, пюпитр с нотами. Всё было дорого и мило. Вспомнилось детство, как однажды чуть не исключили из школы по причине баловства с петардами, тогда, видно, и родилась любовь к естественным предметам, игры с друзьями, ссоры, первые тайные влюблённости: сначала в сестру друга Павки, после – в старшеклассницу, которой всё же осмелился написать и подбросить письмо, затем в соседку по дому Ольгу – черноволосую красавицу, которую вечерами уводили гулять взрослые парни. Время от времени наступали приступы удушья, но врачи успокаивали, что с

возрастом они исчезнут. Однако болезнь держала его в своих лапах и по сей день. Вдруг стало ужасно плохо, рванул ворот рубахи, задышал часто и тяжело. Пот облил лицо, занервничал, не зная, как быть, забегал по комнате, воздуха не хватало, открыл целую створку окна. Набежала тёплая волна, сделалось легче. Богоев вернулся, плюхнулся на стул без сил, через время достал блокнотик, перечитывая, стало отчётливо ясно, что одной буковки-мостика явно недостаточно. Заминка казалась непреодолимой, как слабый сигнал. Он где-то вычитал, что так называют факт, результат, объект, который сам по себе мало что значит, но за ним, как за стенкой мощного сейфа, и кроется истина. И можно долго и трудно искать её. Мысли забегали по-прежнему, и он понял, что в норме. Из мягкого бархатистого футляра достал любимый кларнет – деревянный красивый инструмент, который мама подарила ему в день поступления в музшколу. С тех пор Валентин не расставался с ним, а когда стопорилась работа, играл, снимая напряжение ума. Как правило, стоило выдуть какую-либо простенькую череду нот или несколько тактов с минуту-две, и прояснялось в голове, словно мелодия выдавливала всё ненужное из черепной коробки, освобождая место только главному. Сейчас на пульте были ноты полюбившегося блюза. Положив пальцы на блестящие клапаны, перебрал ими согласно мелодии, и постепенно завитушки, крючочки, значки нотоносца исчезли, а их место заняли цифры и буквы, сочетавшиеся в дивные цепочки, точно строй солдат, ожидающий команды старшины. Теперь он полностью был в равновесии, с твёр-

дой памятью и живым умом. Потянуло на воздух. Валентин убрал инструмент, спрятал записи в сейф и покинул квартиру.

13

Урванов шёл к Богоеву с бутылкой коньяка, имея чёткий и весомо-упрямый план: вывести тот, чуть не сведший его с ума, треклятый переход, ключ, открывающий, как он предполагал, выход к стратегическому сырью. «Сегодня или никогда возьму своё!» – твердил он и уверенно ставил ноги на тротуар. У старого парка приостановился, нахмурился, недобрая волна окатила с ног до головы: здесь случилось его самое большое унижение в жизни, но надобно терпеть, и двинулся ещё энергичнее и смелее, ещё острее почувствовал тайну Богоева и ещё сильнее пожелал разгадать её. Этим хотел отвлечь мысли о беде в семье. Урванов убеждён: его измены должно не считать и забыть, а Женино увлечение не простить ни за что. Он не желал лишаться как крепостник, как барин собственности, убедив себя, что любит жену, но сей посыл был тихим и слабым, словно ток едва видимого ручейка, мнящего себя соперником многоводной реки. Ему бы остановиться, побыть самим собой, очистить мозг от ненужного, наконец, как прежде, глядя Жене в милые очи с нежностью, найти слова, почти забытые в этой суете дней, месяцев, лет, открыть душу, выговориться. А вынужден тараном рваться к тайне, к какому-то ничтожному заковыростому крючку, и добиваться, чувствуя, что в нём умирает чистый и добрый, как в несытом дет-

стве, человек, а заполняет его оболочку существо жадное, злое, страшное. Перед глазами поплыли картины: убогая, больше похожая на сарай, комнатка, где кухня, спальня, умывальня вместились на восьми квадратных метрах, столом для уроков служил подоконник низкого, почти от земли, окна, а потолок можно было достать рукой, болезненная, с тусклыми глазами, мама – и ходящая тихо, и говорящая тихо, и умершая тихо...

Боговская дверь оказалась незапертой, видно, тот, по своей всегдашней забывчивости, забыл её запереть. И Урванов, охваченный страстью, желанием, как полоумный, пустился искать записи, но осторожно, не меняя предметы местами, не сменяя бумаги, не переставляя книги, не трогая фото и картины. Сильные руки дрожали, весь он был восторжен и счастлив, будто тайный агент, проникший наконец в самое логово противника с секретным заданием. Но в этот момент раздался в дверь звонок. Он побежал в прихожую, приник к глазку и увидел Тамару. Заметив его движение, женщина нажала на дверь, и та открылась.

– Что... что вы здесь делаете? А Валентин дома?
– удивлённо спросила она.

– Нет. Я, что ты думаешь, жду его, Томочка. Дверь не заперта, и вошёл.

– Но... Но как так? Нужно уйти, это некрасиво.

– Пожалуй... А ты, если не секрет, Тамара Игоревна, по какой надобности здесь, интересно девочки пляшут?.. – Он скривил полные губы в улыбке.

– Не отвечай, догадываюсь...

– Оправдываться не собираюсь, – она подняла красивый подбородок. – Лучше уйдём, Виктор Николаевич.

– А как же дверь?..

– Может быть, где-то запасные ключи. У меня в прихожей на крючочке...

– погоди, Том, – Урванов загородил проход. – Я давно хотел сказать, ты – восхитительно красивая баба: фигурка и всё прочее, а главное – ум. Но одна... А ведь душа, тело требуют своего: нежности, ласки, любви, а?.. – Он знал, что нет ничего более сильного и верного, чтобы тронуть сердце женщины, чем комплименты и восхищение. И придвинулся ещё ближе, почти вплотную, а рука сама потянулась к её высокой груди. – Ты нравишься мне, и я ... готов на всё...

– Мало вам отдельского гарема?.. – резко ответила Тома, перехватила его руку, краска легла на нежное, чуть скуластое, личико. – Ты, Виктор Николаевич, видно, испорчен вниманием доступных особей, и забыл, что такое настоящая женщина.

Из-за больного левого глаза, едва открытого, Витя стеснялся общества, домоседничал или часами пропадал у друга в сарае с голубями. Только однажды, на дне рождения одноклассника, целовался с красивой, начитанной, немного высокомерной, но нравившейся ему девчонкой, а она, шутя, вдруг сорвала с него очки и, вскрикнув: «Квазимодо!», с гримасой ужаса на симпатичной мордочке, тут же убежала. И это прозвище прилипло к нему. Но так его звали только за глаза, ибо как-то один из парней неосторожно бросил это словцо в перепалке и тотчас получил урвановским кулаком в нос. Позже Виктор узнал историю Квазимодо-горбуна и уродца и не раз вспоминал её, ибо с девчонками у него удач не было. Ни одна

не писала признание в любви, ни одна не горела желанием быть рядом, не отравилась, не вскрыла вены, не бросилась под поезд, не кинулась с крыши или балкона от безответных чувств – общение с ним шло лишь по необходимости, не более. А первый опыт близости с женщиной-проституткой засел в нем надолго с горечью и отвращением ко всему женскому роду.

Он злился, презирал, ненавидел, однако тянулся к этим непонятым красивым существам. Операции в глазных клиниках, увы, ничего не изменили, лишь добавили пару шрамов. И вынужденной необходимостью стали тёмные очки. Перед свадьбой снял их, проверяя Женю, но девушка оказалась готова к такому и не смутилась...

– Я – серьёзно... Мне нужна ты... Только ты!..
– выдавил он из себя, но, понимая, что звучит фальшиво, переменить уже не мог.

– А жена как же?

– Спасибо, что напомнила... – процедил он и отступил.

– Вот и чудно, – выдохнула Тома и шагнула к выходу. – Ключи здесь. Вы... ты идёшь?..

– погоди. Вот что подумал: не зря сюда явилась, не зря... – Он играл голосом, понижая интонацию. – Женщина всегда остается женщиной, я знаю, тем более, такая как ты – необычная и, не сомневаюсь, влюбчивая и страстная. Похоже, и Валентин увлёкся тобой. А значит, сможешь...

– Что?.. – с раздражением прервала Тома.

– Заглянуть в его блокнотик. – прошептал он.
– Интересно касася лотка... Я должен взять своё...

– Напрасно, – она усмехнулась. – Шифрует всё.

– А ключ? Должен быть ключ!.. – вскипел Урванов.

– Сказал, вот здесь, – она постучала пальцем по виску.

– Врёшь!..

Урванов схватил её за руки, но Тома вырвалась, обдав недобрым взглядом. Они миновали прихожую, заперли дверь, связку с брелоком Тома сунула под коврик, как делала у себя. Молча дошли до трамвайной остановки, Тома осталась ждать своего номера, а Урванов, бросив, что желает пройтись, двинулся пешком по тротуару. И когда вагон с Томой обогнал, резко развернулся и скрылся в темноте между домами. Он не намерен был отказаться от своего плана, вернулся обратно, устроился в беседке напротив подъезда и, куря и размышляя над сложившимся положением, стал ждать. А у Тома не выходил из головы урвановский просьба-приказ о блокнотике. Сомневаясь, что тот отступит, ибо это не сходилось с его упорным характером, она через три остановки решительно сошла, пересела в обратном направлении и вскоре оказалась у знакомой пятиэтажки. Задумавшись, перелистав события последних дней, попыталась найти ответ: зачем она здесь? Что изменилось с появлением москвича: неожиданмый всплеск эмоций или позыв жить и безоглядно, даже фатально, любить и быть любимой?.. Радостное волнение взяло всю её, как человека, который долго искал необходимую ценную вещь и наконец нашёл. «Разве это не имеет смысла?» – с теплом подумала она, взбодрилась, чувствуя лёгкость в теле. Но тотчас отбросила все

мысли, ибо заметила, что в богоевском подъезде скрылись Валентин и Урванов...

14

– Не буду ходить вокруг да около, интересно девки пляшут, – проговорил Урванов, когда они прошли на кухню. – Я понял глубину твоего, вернее, нашего изобретения и перспективу. Как говорится: что бы учёные ни открыли, в конечном счете приведёт к оружию. – Он недобро усмехнулся, расстегнул пиджак, разлил по рюмкам коньяк, сел вальяжно, с силой и превосходством упёрся взглядом в Богоева и произнёс, чётко выдавая каждое слово. – Мне нужен переход в твоей формуле, в нашей формуле. Усёк? Я хочу получить своё и получу, как говорят, с живого или с мёртвого...

– Это невозможно, я дал подписку...

– Да ясно, ясно, – перебил Урванов и отмахнулся. – Плевать, никто не узнает, а я с этим исчезну. Не прозябание в этом паршивом городишке, в нашей шараге, среди этих людишек мне нужно! – Он с шипением со слюной выбросил последние слова и сжал кулаки. – Понимаешь ты, пацан?.. Хочу жить свободно, по-своему, и не в этой стране. – Он зашептал уже мягче, почти униженно, как будто кто-то мог услышать: – Только скажи, Валёк...

– Нет.

– Вынуждаешь, ох, вынуждаешь, интересно девки пляшут! Я, ты меня знаешь, доведу до сумасшествия. – Он выпил спиртное залпом. – При твоём нездоровье, неврастеник хренов, это несложно. – Резко вскочил, отбросив табуретку,

холка встала дыбом, как у зверя перед мёртвой схваткой, дотянулся до ворота рубахи Валентина. – Задушу здесь и сейчас, как кутёнка. Говори!.. Знаешь ведь, свобода каждого человека кончается там, где начинается свобода другого, – твоя закачивается, а моя начинается. Вот так – чики-чики!.. Если у тебя здесь успех – будут завидовать, а если большой успех, как вот сейчас – будут ненавидеть. Усёк?.. Мотнём за бугор вместе – у тебя ум, у меня – таран?.. Не строй иллюзий, в большой науке, куда стремишься, как в зоне – волчьи законы, одному не справиться, задавят, как пить дать! Спроси Хлебнова, он этот путь уже прошёл – и остался ни с чем. А там у тебя будет всё: работай, твори и ни о чём не думай. – Он резко откинул полу пиджака, из внутреннего кармана вытянул что-то и, раскрыв кулак, шлёпнул большой ладонью о стол. – Смотри, пацан, – хрипло продолжил он и убрал руку. Открылась та самая визитка настоящего иностранца. Валентин приблизил к себе жёлтую картонку, пробежал глазами по тексту, – и крепко подумай. Ну как, интересно девки пляшут, согласен?..

Он рассмеялся недобро и ужаснулся, аж вспотел, помятуя, что очкастый чужак, верно, держит его на прицеле и ждёт ответа. Мысль заострилась, как во всякие пиковые моменты. «Значит, нужно что-то делать, но если в руках будет результат... А этот тютя пока ничего не выдаёт».

– Но я... – начал Валентин, – признаюсь, сам не до конца...

– Врёшь, знаю точно!.. Жаль тебя, Валёк: рвёшь жилы, теряешь и без того слабое здоровье для чего и для кого, и что имеешь? Нужна тебе

эта страна? Как был народ сто, двести, триста лет назад нищим и безголосым, как стадо, так и теперь!.. – Дай по-хорошему, или разнесу всё здесь. – Огляделся, побежал в комнату, наткнулся взглядом на пюпитр с инструментом. – А, любимый кларнетик. Ха-ха!..

Схватил деревянный, с блестящими клапанами инструмент за два края, намереваясь ударить его о колено, оттолкнул вбежавшего за ним Богоева, отбросил инструмент и потащил Валентина обратно. А там пригнул к полу, навалился всей тушей, не соображая, что делает, взмокший, брызжа слюной...

– Хорошо... – выдавил с трудом Богоев.

Но в этот момент позвонили в дверь. Урванов поднял Валентина, оправил на нем одежду, усадил на стул. Не дожидаясь ответа, в квартиру с початой бутылкой водки ввалился пьяненький сосед Вовка, 36-летний, краснолицый, в растянутой несвежей майке, в наколках от плеч до кистей.

– Привет, наше вам, – пробормотал он и глянул недобро на Урванова. – Хорошо, что приехал, мать поддержи. Мой пахан её уважает, тетя Шура, говорит, – золото. И всегда выручала, то деньгами, то едою, то от участкового прятала. А это кто: друг или враг – рожка с чемодан?.. Дай ещё стакан, – приказал он. Валентин повиновался, налил, а Вовка пододвинул водку к Урванову, не сводя с него острого взгляда, спросил хрипло. – Мент?

– Да нет, Вов, наш, институтский. В гости пришёл, – пояснил Богоев.

– В гости так не ходят, фраерок! Я – рентген, вижу нутро... Ты только скажи, Валёк, я кого хошь урою. А это, – он достал из-за пазухи шоколадку,

сдул с неё крошки, разгладил обёртку, – мамане передашь, скажешь, от нас... – он кинул косой взгляд на Урванова. В этот момент послышался стук по батарее отопления. – Это старик мой сигналит, волнуется. Бывайте. Если что, Валь, стучи, мигом примчусь.

Когда за соседом закрылась дверь, наступило молчание. Урванов опять выпил, потребовал чистый лист. Валентин написал на нём формулу и оттолкнул от себя, а тот схватил, не глядя, сложил четвертушкой и сунул во внутренний карман.

– Ладно, я ещё вернусь. Запомни: без меня тебе не обойтись... – бросил он резко и, похохатывая, широко шагая, выпрямившись, обретя силу и мощь, ушёл, захватив свою бутылку.

Урванова словно подбросило над землёй от мысли, что удалось, думы побежали юрко и весомо, пазл ещё не складывался, но будущее уже рисовалась на фоне темного неба розовым облачком, и видел свою персону там, в другом мире, в другой стране – сильным, богатым, свободным. Проходя мимо беседки, заметил-таки Тому. «Ага, – подумал с ехидцей, – значит, мадам ждёт своей очереди, Коломбина и Пьеро, интересно девки пляшут! А теперь есть рычажок, скажу Марковичу, тот ревнив и отквитается по полной. Вот они у меня где!...» – он сжал кулак, взметнув его грозно вверх, допил из горла коньяк, отшвырнул пустую ёмкость. И заспешил, давно не чувствуя себя так остро до самой маленькой молекулы в теле, до микронейрончика в мозгу, до клеточки пульсирующей крови. Повернув на проспект, набрал телефон Хлебнова, потребовал связаться с его знакомым профессором-химиком, но, пройдя два

квартиры, остыл, настрой притух. Это была уже не рвущаяся масса с энергией каждого мускула, а сжатый, отлаженный, трезво соображающий, как поступить, механизм: ведь химик может догадаться и сам о стратегическом уклоне. И дал, ничего не объясняя, Хлебнову отбой... А Тома, едва Урванов скрылся за углом, поспешила ко входу, взбежала наверх, толкнула незапертую дверь и остановилась. Богоев с порванным воротником рубахи, без пиджака сидел на кухне, тупо глядя перед собой. Он дышал нервно и редко и, казалось, задыхался.

– Что, что случилось? Это он?.. – вскрикнула она, помогла подняться, отвела в ванную. – Что хотел?

– Формулу...

– Ты дал?..

Валентин кивнул. Тома помогла умыться, переодеться, уложила на диван, приготовила чаю, а когда Богоев допил, то осторожно прилегла рядом. Валентин обнял её и, по-детски положив голову на плечо, затих. Тома дотянулась до бра, выключила свет... После они расслабленно лежали.

– Я б хотела от тебя ребёнка, – тихо проговорила Тома. Богоев молчал. – Но увы... Расскажи, Валентин, про ту девушку...

– Ах, Вадим, Вадим. Он рассказал, точно... – тихо проговорил он. – Думал, раз и навсегда, как мама учила: первая женщина – жена... Лиза – большой талант. Ушла ради меня от родителей, а я, скотина, предал её...

– Жизни без измен и предательства не бывает. Влюблённость ещё не факт, что чувство сохранит-

ся надолго. Чаще наоборот... Кажется, у Оскара Уайльда есть фразочка, мол, тем, кто верен в любви, доступна лишь её банальная сущность. Трагедию же любви познают лишь те, кто изменяет...

– Долго было очень плохо, но спасала наука, а теперь и она против...

Валентин обнял Тому, поцеловал крепко, а она, выскользнув, щёлкнула выключателем и голая стала посреди комнаты.

– Оденься... – прошептал Валентин и отвёл взгляд.

– Зачем, милый, ты меня стесняешься?.. – Она приняла игривую позу, подёргивая ножкой. Бесёнок мелькнул в её красивых глазах. – Любящая женщина в постели должна быть шлюхой. Не так?.. Почему я здесь, не понял? Знала с первой секунды ещё там, в зале, что сделаю это.

– И я знал...

– Мы, похоже, думали одно. Странный поворот в этой жизни, но факт. – Она весело огляделась, стала неторопливо одеваться. – А знаешь, мне хорошо и легко, как у себя, видно, в доме аура добрая. – Она крунулась на месте. – А ноты, играешь, Валь?.. – Стала у пюпитра. – Блюз, надо же. Что такое блюз?

– Блюз – это когда хорошему человеку очень-очень плохо: ушла жена, сдохла любимая собака, а он вышел из тюрьмы без дома, без семьи, без денег...

– Печально... Ну вот, мне пора, – проговорила тепло Тома, быстро оделась, поцеловала Богоева в щеку и сказала, чтобы не провожал, а доберётся сама...

На следующее утро Богоев отправился на работу пешком. Ночью одинокий проблеск по теме нарушил сон, он записал его, а утром понял – не то. Теперь вернулся к первоначальному направлению, да на последнем повороте у института снова упёрся в тупик и, недовольный собой, резко потянул входную дверь. В фойе несколько человек сгрудились у доски объявлений. Подойдя, Валентин увидел фотографию Финникова в чёрной рамке и некролог... Из текста следовало, что Финников умер ночью, во сне. Мысли смешались, отошёл в сторону, стараясь унять резкие лёгкие. Затем, никого не замечая, поднялся по лестнице. На втором этаже холл был заполнен народом, в центре – женщина в чёрном, в которой узнал жену умершего. Едва заметив Богоева, она кинулась к нему.

– Вот... вот он!.. Твоя гадская тема убила Вову!..
– выкрикнула она в слезах.

Её остановили, уговаривая, но женщина не могла успокоиться, металась то в одну, то в другую сторону, плача, твердя, что чувствовала беду, умоляла мужа оставить богоевскую работу... «Почему, почему не послушал...» – срывающимся голосом повторяла она. Валентин опешил, не зная, как себя вести, и стал отступать дальше и дальше, пока не скрыли фигуры сотрудников. Институт точно замер, на рабочее пространство легла стойкая тишина, подобная той, когда в доме покойник. Подошёл Острогин, твёрдо взял под руку Валентина и повёл к себе. Прошедший тяжёлой

поступью мимо Урванов сделал вид, что не заметил их, ибо более всего им владела мысль о формуле. Только что вызвал к себе Тому и приказал молчать о том, что было у него с Богоевым, иначе расскажет Марковичу о её связи с Валентином. «А ты сволочь, Виктор Николаевич! – презрительно глянув, сказала Тома. – Возможно... – нагло ответил он и засмеялся недобро. – Но ты ещё раз подтвердила, что вашей породе верить нельзя – слишком быстро, мадам, интересно девки пляшут, поменяла одного на другого...»

– Побудь здесь, можешь курить, – проговорил Владимир Сергеевич, отпирая свой кабинет. – Злое стечение обстоятельств, случай – должен был давно заменить клапан, но... Русское авось. Не пронесло, жаль.

Чёрная туча настроения уже легла на Богоева. «Смерть, смерть из-за меня...» – толклось в голове, и он с каждым мгновением чувствовал, что боль, родившаяся где-то в закоулках мозга, разрасталась, ширилась, завоевывая всего его.

– Как теперь быть? – спросил он тихо.

Острогин сказал, чтобы не корил себя, всё ж таки случайность, стечение обстоятельств, а отправлялся домой и отдохнул хорошенько... Через полчаса Богоев покинул кабинет, в коридоре столкнулся с Томой, взял её руку своей. Она ответила коротким пожатием.

– Ты как? – спросила она шепотом.

– Придёшь сегодня? – позвал он, не ответив.

– Нет, Валя, одного раза достаточно...

– А что же было вчера? – Он не отпускал её руку.

– Было хорошо. Ты умный, понимаешь всё...

Будем помнить эту ночь – разве не прекрасно?..

Из таких бы ночей вся жизнь...

– Ты... Ты вторая моя женщина... – проговорил он сквозь зубы, чувствуя, что его начинает трясти.

– Значит, всё кончено?

– Прости, мементо вивере, помни о жизни...

– Ты отдалась, пожалев меня, да? – резко спросил он. – Да?..

Глаза его недобро сверкнули.

– Разве не знаешь, на Руси жалость и любовь значит одно и то же?

– Тогда в чём дело?.. Приходи!

– Потому и нет.

– Спасибо... Вчера я был на вершине счастья, но там оказалось неуютно и холодно... – Голос задрожал, а губы выплеснули: – Это подло. И я... я ненавижу тебя!

– Валя, за что?.. Я-то думала... – Тома горько усмехнулась, отёрнула свою руку, проговорила тихо: – Держись и прощай, – развернулась и двинулась прочь...

В коридоре и без того с приглушённым светом всё померкло, лишь далеко, где был лестничный пролёт, виделось блёклое пятно. Его качнуло, прислонился к стене. До слуха донеслись чьи-то быстрые шаги, и перед ним возникла Инна.

– Я вас искала. Вы в порядке?.. – встревоженная, спросила она вполголоса, взяв под руку и поддерживая. Боегов что-то машинально отвечал, но туман в голове, сотканный из горьких мыслей, не рассеивался.

– Надо домой. На вас лица нет... – сказала Инна и повела к выходу.

Ей хотелось тотчас рассказать, что почти не спала ночью, увлекшись его гениальной рабо-

той, что счастлива и благодарна ему, и, кажется, нашла очень важный ход к стратегическому сырью. Но поняла, что Богоев плохо соображает, и промолчала. Они вышли на улицу, Валентин несколько раз вздохнул, полнее и полнее набирая воздух в лёгкие и чувствуя, что стало легче... Инна вызвалась проводить домой, но Валентин замотал в ответ головой, высвободил свою руку и тронулся прочь нетвёрдой походкой. Инна, соблюдая дистанцию, двинулась за ним.

Ноги сами несли Богоева в сторону его микро-района, но детали окружающего не были чёткими. Он двигался, ориентируясь по бордюру, угнув голову, не слыша, кажется, ничего, лишь видя, как в обзоре появляются то левая, то правая нога на сером фоне асфальтовой дорожки. Дышать становилось всё труднее, колени подкашивались, терялось равновесие...

16

Урванов в перерыве вызвал Хлебнова.

– Поехали к твоему академику-гению. Он точно соображает? – проговорил он резко.

– Обязан. Помнишь, был у нас по обмену, в отделе Финникова?

Машина несла их по улицам, крепкие руки Урванова легко и привычно крутили баранку, а думалось о серьёзном: развязка истории с формулой близка, но, каков бы ни был результат, он поступит так, как наметил, – скроется из города, из страны. То, что открыл карты Богоеву, не беспокоило, знал, тот ничего никому не скажет, а главное

– формула, поскольку только она за бугром даст всё: и уважение, и любовь, и признание. Урванов мыслями взлетел, уже маячила перед глазами богатая жизнь, даже заёрзал на месте и испугался, что упустит руль. Да сдержал себя, вытянул из бардачка бутылку с коньяком, отхлебнул.

– Много пьёшь, Николаич, – заметил мрачно Хлебнов.

– Ерунда, меня не берёт, – отмахнулся Урванов.

Он скосил глаза на друга, недовольный. Раздражало теперь в нём всё: тихая манера делать замечания, простецкое, с оттопыренными ушами лицо, привычка то и дело отбрасывать мягкие длинные волосы со лба, да и вся тонкая жилистая фигура, пренебрежение к одежде и скрытность, не замечаемая в пору их детства и юности. Старый друг словно бы таил от него какую-то мысль, а его серые глаза говорили: нет, тебе не выскажу, это моё сокровенное. Урванов сжал оплетку баранки, он ненавидел теперь не только Женю, Богоева, Марковича, директора, институт, всё здесь, но и Хлебнова – верного исполнителя любой его воли. Виктор часто мстительно вспоминал, как его, полуголодного, неухоженного, принимали в богатой семье Хлебнова: кормили, поили, иногда оставляли ночевать, жалели, как бедного сироту, озлобленного на весь мир... Понятно, сейчас не открыл своих замыслов, а что касалось формулы, лишь небрежно бросил: мол, нужно кое-что перепроверить, сравнить. Хлебнов же молчал, отлично и верно чувствуя, что с шефом что-то не так. Но откровенности не ждал, хотя был единственным, кто понимал урвановскую природу –

искажённую детством, ущербную, злую и мстительную. И держался на расстоянии. Оставшись после смерти родителей один, он не надеялся ни на кого, тем более, на друга. А потому следовало быть начеку. Несмотря на кажущуюся простоту и покорность, в пику хозяину, как тот учил, что никому доверять нельзя, а брать всегда своё любыми путями, Хлебнов при постройке дачи оформил её на двоих, и свою долю отдавать был не намерен. А как-то, когда Урванов был в пьяной отключке, обнаружил в подвале тайник с валютой, золотом, загранпаспортами на разные фамилии. Время от времени вглядывался в одутловатое, в тяжёлых очках, с припухшими веками лицо шефа, почерневшее от недобрых дум, и каждый раз, злясь, представлял Женю, его жену, в которую был давно влюблён. Не раз Урванов приставал к нему с вопросом: почему не женишься. «На ком? – равнодушно парировал тот. – Девочек вокруг – море? – наступал хозяин. А Хлебнов, помолчав, ответил серьёзно. – Я – однолюб... – Урванов вздёрнул густые брови. – Кто, я знаю её?..» – Но помощник лишь отрицательно мотнул головой.

В уютном кабинете их принял невысокого роста скромный мужичок в синем халатике, с умными быстрыми глазами, с типичной профессорской бородкой.

– Мне нужно знать, что это и где применимо, если применимо в будущем? – с порога начал Урванов, протягивая запись. – Так сказать, качественно и количественно.

Мужичок, чуть сведя жиденькие брови, оглядел их.
– Это очень важно?.. – спросил он.

– Иначе не пришли бы...

– Посмотрим, сколько стоит моя работа. – Он взгляделся в формулу. – Это, как я понимаю, только часть, а вы хотите получить всю?

– Да, – твёрдо сказал Урванов. – Сколько?

– Скажу по результату. Подъезжайте завтра к концу дня...

Урванов поднялся и неторопливо низким голосом спросил:

– А вы занимались подобным?

Профессор скромно улыбнулся и ответил:

– Я, молодой человек, главный эксперт в нашей системе, это – моя специальность, и прекрасно догадываюсь, о чём идет речь.

Они попрощались и удалились.

– Мотнём на дачу, расслабимся, – проговорил в машине Урванов и дернул газ. – Помянем Финникова, жаль, хотя примитивен был покойничек и недалёк. Ну, об ушедших или хорошо, или ничего... Баба у него – красавица. Как я к ней ни подкатывал, и подпаивал, и заманивал, и обманом действовал – всё мимо. Чёрт, интересно девки пляшут, бывают же такие, да не тем достаются!..

До полуночи они играли на бильярде и много пили. Урванов быстро хмелел, по большей части молчал, плохо владел кием, наконец упал в кресло тут же у стола и уснул. А Хлебнов, уложив хозяйина спать, обошёл участок, заперев вход, спустился в подвал к тайнику – тот был не тронут.

На следующее утро, хмурый и неразговорчивый, Урванов не мог найти себе места, ходил по даче, курил в беседке, прокручивая варианты как быть, с чего начать, вскрыть ли тайник сейчас или

позже, дождавшись результата, а там налегке до аэропорта, якобы на отдых... Он отключил телефон и решил сегодня на работе не появляться. Лишь когда часы отбили четвёртый час пополудни, завёл автомобиль, и с Хлебновым поехали в город, к химику.

По дороге Урванов молча делал глоток за глотком из бутылки. Нетерпение полно взяло его, мысль была только о одном.

– Ответ готов, господа, – заявил мужичок, встретив их в своём затрапезном халатике. – Вы мне должны... – Он назвал сумму, Урванов тотчас рассчитался.

Химик протянул бумажку. Урванов, достав ту самую богоевскую формулу, сличил – они совпали. Сердце вспрыгнуло. «Есть, интересно девки пляшут, в яблочко? А дальше?..» Он облизал в предчувствии губы, выступил пот, вскинул голову, приготовившись выслушать вердикт.

– Это касается геомиграции, очень простая, можно сказать, элементарная формулка, правда, редкая, – негромким голосом продолжил мужичок. – Что из неё следует, уважаемые, сказать не берусь. Много зависимых факторов, очень много, молодые люди...

Урванов застыл, как убитый, в глазах потемнело.

– Это всё?.. – наконец грозно спросил Урванов. – А где, где можно её, так сказать, использовать ещё, возможно ли иное применение?

– Увы... – химик пожал сухими плечиками.

Внутри Урванова всё бушевало. Он не верил ни единому слову и на негнущихся ногах двинулся по

коридору, не видя встречных. Его обходили, обращивались, а он забыл про друга, покинул здание, влез в машину и долго сидел не шелохнувшись. Мысли метались, но тяжесть в теле глушила все чувства. «Значит гений не просёк момент и ничем не помог... Или не желает говорить... Подлец, сука, сволочь! – шептали его нервные губы. – Так облажать!» Он выскочил, шагнул то туда, то обратно и стукнул кулаком по крыше машины, затем достал из бардачка коньяк и сделал несколько больших глотков, пока не ощутил в мозгах лёгкий туман.

– Не садись за руль, убьёшься! – остерег подошедший Хлебнов.

– Отстань! – с ненавистью бросил он, обдав друга злобным взглядом. Теперь его целью был Богоев. – Я размозжу башку этому хлюпику!.. Вздумал шутки со мной шутить! – Он злобным потоком выплёскивал ругательства, матерился. Наконец ухватил ручку двери. – Уйди!.. – дико заорал и оттолкнул помощника.

Урванов влез внутрь, с силой захлопнул дверцу, не сразу нашёл ключ, упёрся большим лбом в обод руля, дышал тяжело и горячо. За окном спускался вечер, запад светился последними лучами солнца. Казалось, ещё минутка-другая – и сверкнёт первая звезда. Но тучи плотнее и плотнее застилали небосвод от горизонта до горизонта, подул ветерок, запахло дождём... Урванов поднял голову, резко ввернул ключ зажигания, снял тормоз, дал газ. Машина дёрнулась с места, развернулась и вывернула на трассу, что вела к дому Богоева. Не оглянувшись, ещё ничего не надумав

и не зная, как поступит, Урванов вёл автомобиль. Пошёл дождь, мелкой дробью пролился на кузов, капот, бока, багажник. Дворники едва успевали сметать потоки, окна запотели, и он чудом улавливал, что происходит впереди. «Теперь одно – во что бы то ни стало дожать гада Богоева и взять своё!..» – наконец собрав мысли, процедил он сквозь зубы, глубже вдавливая рычаг скорости, обгоняя машины. И упустил, что на пути, возле универсама, круг разворота, посреди которого рекламный щит на мощном основании...

Последнее, что отразилось в его зрачках – бетонный серый куб, летящий навстречу. И сознание Виктора Урванова умерло...

17

Маркович рано утром отправился к Богоеву с намерением помириться, ибо червячок вины не давал покоя. Но дверь никто не открыл, а выглянувший сосед сообщил, что Валентина забрала «скорая».

– А что, что произошло? – спросил он нервно, но ответа не получил.

Тогда побежал в больницу, и там подтвердили: Богоев в реанимации, положение крайне серьёзное и шансов мало. Он позвонил в директорскую, но секретарь ответила, что начальству уже известно. В нервном напряжении заспешил в институт, в фойе его встретил ещё один некролог – с фотографией Урванова. Предприятие снова накрыли суета и деловое движение, связанное с похоронами. Маркович нашёл Тому, вызвал в коридор, взял под локоть.

– На обед приглашаю в ресторан... – объявил он серьёзно.

– С чего это вдруг? – спросила она, вскинув брови.

Со вчерашнего вечера её не отпускала необъяснимая тревога: то вспоминался последний разговор с Валентином, то стычка с Урвановым, то неопределённость с Вадимом. Долго не могла уснуть, покоя в душе не было.

– Повод есть. Я не шучу и дал тебе понять о своих намерениях...

– Но, Вадим, ты опять за своё... – она растерялась.

– Пойдём, объяснись, – настаивал Маркович.

Они прошли во внутренний дворик, сели на лавку. Вадим нежно взял её за руку, пытаясь заглянуть в глаза. И глухо заговорил:

– Я всё решил. Мы должны быть вместе.

Тома молчала, но качала головой, потом тихо сказала:

– Поздно, Вадик...

– Ты отказываешься? Но что произошло? – Он крепче сжал её руку. – Это связано с Валентином? – он вскочил с места, покраснев. – Да?.. – А поймал её взгляд, всё понял. Злость и отчаяние вскипели в нём, заглушив все другие чувства. Он упал на колени и схватил её руки.

– Успокойся, встань, что ты...

А он заговорил, выплескивая с жаром каждое слово, глядя пристально и недобро:

– Держись за него зря, твой обожаемый Валентин умер, точнее, умирает в реанимации.

– Как – в реанимации? И ты молчал, идиот?.. Видеть тебя не могу...

Она вскочила с места, порываясь то вправо, то влево. Затем, оттолкнув Марковича, побежала через двор.

– Но Тома...

Ничего не слыша, миновала проходную и на проезжей части остановила первую же машину, приказав ехать в больницу. В регистратуре подтвердили слова Марковича. У стеклянной матовой двери с табличкой «реанимация» сидела яркая девушка со студенческим рюкзаком. Тома заходила туда-сюда, каждый раз останавливаясь у белой двери, а когда та открывалась, пыталась заглянуть внутрь. Мысли мешались, но знала одно: должна быть тут.

– Если Вы к Богоеву, – проговорила тонким голосом девушка, – то с Валентином сейчас Инна Андреевна. А мой папа, Острогин Владимир Сергеевич, у главврача. Им только и позволили пройти, больше никому... – Она поднесла тонкий платочек к носику, промокнула и, наведя взгляд на ту же дверь, прошептала: – Говорят, есть надежда. Ведь правда?..

Тома кивнула, потеряно вышла, опустилась на лавку, непослушной рукой достала сигарету. Слезы душили её. Никак не находилась в сумочке зажигалка. Она сердилась и готова была вытряхнуть всё содержимое прямо на землю. Но в этот момент рядом оказался Маркович и дал огня...

Басни

О равноправии

Придя во власть, Медведь сказал:
– Я буду справедлив и строг
И уничтожу криминал,
Поверьте мне, в кратчайший срок.

Нет равноправия в лесу,
Отсюда и начало бед.
Возьмите Волка ли, Лису,
Ведь все другие – им обед.

Пожалуй, напишу приказ,
Дам зайцам право на охоту.
По волку в день открою квоту,
Пусть начинают хоть сейчас.

И будет тишь да гладь в лесу.
Я мир зверушкам принесу.

Зайчишку изловив теперь,
Волк ухмылялся: «Страшный зверь!
Ты знаешь, я сочту за честь,
Коль ты меня захочешь съесть.

Но вот в чём кроется беда:
Не я, а ты моя еда».

Когда о равноправии кричат,
Частенько видят в нас зайчат.

**НИКОЛАЙ
АНАНЬЧЕНКО**

Поэзия

На своём месте

Петух, послушав соловья,
Взгрустнул: «Талант! Не то, что я.
Его прекрасные рулады
Любому уху – верх улады.

Не зря во мне бушует грусть –
Так петь вовек не научусь».

Взлетел петух наш на забор
И посмотрел на птичий двор.
«А где же все? Неужто спят?
Избалуют мне всех цыплят!»

И перья грозно распушив,
Пропел известный всем мотив.
«Ку-ка-ре-ку!» – звучит сигнал,
И вот пастух телят погнал,
Хозяйка в птичник корм несёт,
И пчёлы ринулись в полёт.
Всё оживилось! День идёт!
Вот для чего петух поёт.
Он на заборе, глядя вдаль,
Уже забыл свою печаль.
«Что ж, соловей – певец чудесный,
Но ведь и я, видать, полезный».

Друзья, я с петухом вполне согласен:
На месте на своём любой прекрасен.

Разные дороги

Карась, что в омуте озёрном жил,
На суету не тратил сил.
Поест личинок, червячков
И – под корягу в царство снов.

– Не скучно жить, забившись под корягу?
Так окунёк спросил, гордясь своей отвагой.

– Да, скука здесь имеет место,
И жизнь моя не интересна.
Зато, здесь точно не совру,
Лишь потому я и живу.

Взъерошил окунь плавники:
– Так скучно жить мне не с руки!
Люблю рискованные прогулки,
В любые лезу закоулки.

Готов с друзьями съесть пуд соли,
И главное – чтоб жить на воле!

Я думаю, что оба правы.
Один горит желаньем славы,
Другой – труслив и недотрога...
У каждого своя дорога.

Свинья в луже

Покинув свой свинарник как-то раз,
Свинья на улице вдруг лужу увидала.

И хоть воды в той луже очень мало,
Но грязи был достаточный запас.

Что лучше для свиньи, чем грязь!?
В неё немедленно хавронья улеглась.

Блаженствует то на боку, то на спине
И солнечные ванны принимает.
– Мой организм здесь просто оживает,
За что такое счастье привалило мне?
Ведь это настоящий рай земной.
Жаль, что пора уже мне двигаться домой.

И среди людей такой найдётся сорт –
Сидит в грязи, а думает: «Курорт!».

Львиное воспитание

Сказал однажды Львице Лев,
Едва свой сдерживая гнев:
– Ты посмотри на сына, мать.
Как стал он голос повышать!

Сказал вчера мне Бегемот,
Что пнул лисёнка он в живот.
Он обижает малышей,
Учительнице врёт своей,
От дел, где надо труд вложить,
Он увильнуть всегда спешит.
И даже, эдакий нахал,
Сегодня на меня визжал!

Хлебнём мы с нашим чадом бед.
Но возразила львица: – Нет,
Ты понапрасну тратишь гнев.
Он хоть и мал, но всё же Лев.

– Боюсь, – сурово Лев сказал,
– Что вырастет не Лев – Шакал.
Свою под визгом пряча злость,
У слабого утащит кость
И, словно шелудивый пёс,
При сильном подождёт он хвост.

И чтоб не вздумалось опять
На старших голос повышать,
Чтоб не Шакалом рос, а Львом
В семействе царственном своём,
Лев сына в логово позвал
И царской лапой наказал.

Лев – царь зверей, а среди людей
Отыщешь эдаких «царей»?

О благих вестях

Водили зайцы хоровод.
Был праздник. Может, Новый год.
А может, хитрая лиса
Навек покинула леса.

Короче: получили весть,
Что нынче их не будут есть.

Свободы было через край –
Хоть пой, хоть в чехарду играй.
И шло веселье от души
У зайцев в их лесной глуши.

Какой-то заячий юнец
Кричал: «Репрессиям конец!
И мы построим новый мир,
Наполненный звучаньем лир...».

Но старый опытный русак
Ворчал: «Ох, попадём впросак.
Уже бывало и не раз –
В силки заманивали нас».

И ведь накаркал же косою –
Запахло в воздухе лисой.
А та в друзьях уж знает толк –
С ней вместе появился волк.

И многих зайцев больше нет.
Был сытным у друзей обед.
Когда придёт благая весть,
Ты помни: кто-то хочет есть...

Провод и фонарь

Поглядывая вниз на город,
Сказал Фонарь: – Послушай, Провод,
Ну что вцепился ты в меня,
Как будто я твоя родня.
Ты тощ, ты холоден, невзрачен,

А я, смотри, почти прозрачен.
Я Солнцу брат, Я брат Луне.
С тобой быть рядом стыдно мне.
Ты от меня бы отцепился...

Тут Провод в гневе накалился –
Ответить Фонарю хотел,
Да, на беду, перегорел.
И в тот же час Фонарь погас.

Гордыня часто губит нас.

Коза и волки

Однажды старая Коза
В лесу собранье проводила
(Она там всем руководила).
А в этот день была гроза.

Попала молния в Козу –
Бывает всякое в грозу.

С тех пор Коза лишилась сна.
В лесной уклад внести поправку
Решительно взялась она –
Чтоб Волки ели только травку.

Но Волки, слушая её,
Лишь зубы скалили в ухмылке.
Едой считали лишь зверьё,
А сено – в качестве подстилки.

Коза стояла на своём
Не дни, а долгие недели.

И Волки как-то ясным днём
Её, случайно может, съели...
Что ж, может, здесь плоха мораль,
Но мне Козу совсем не жаль.

Нарвался

Петух, увидев индюка,
Вскричал: «А ну, извольте драться!
Пора уже нам разобратся,
Кто в доме главная рука!
Я самый сильный, я герой!
Не вздумай стать мне на дороге,
Да я повыдергаю ноги,
Коль кто со мною вступит в бой».

Но Индюку не нужен спор –
Он избежать стремится драки
И не вступает в разговор,
Но нет покоя забияке.

« Да я тебя одной ногой,
В миг перьев всех своих лишишься!
Что смотришь? Ты ж меня боишься!
Давай посмотрим, кто крутой!»

Ну, в общем, Индюка достал,
Тот всё-таки не удержался
И с Петухом так разобрался,
Что тот едва живым сбежал.

Порой и мы не без греха,
Но помни, братец, петуха.

К 95-летию
Игоря Романова

Гвардии рядовой

Перечитывая сборник военных стихотворений Игоря Романова «Гвардии рядовой», изданный в 2013 году, вспомнил, как в 1970 году я впервые пришёл в редакцию альманаха «Ставрополье». Принёс тетрадку со своими стихотворениями. Помню, одно из них начиналось так: «Полночью глубокой отошла гроза...»

Первым, кто меня встретил, был Игорь Степанович Романов. Он быстро, как-то легко, пролистал мою тетрадку. Отметил в стихотворениях некоторые удачные сравнения. Спросил, в каком классе я учусь, кто мои родители, что мне больше всего нравится из школьных предметов, что я читаю...

Увидев у меня в руках двухтомник «Великая Отечественная: Стихотворения и поэмы», спросил, откуда книги? «Выи-

НИКОЛАЙ
БЛОХИН

*Литературо-
ведение*

грал по книжной лотерее», – ответил я, улыбнувшись. В семидесятых годах в киосках Ставрополя продавали билеты Всероссийской книжной лотереи. Это была очень популярная лотерея. По ней можно было выиграть от пятидесяти копеек до пяти рублей. В тот день, купив билет, я выиграл три рубля. Так мне достались эти заветные книги.

Игорь Степанович поздравил меня с удачей и попросил разрешения полистать книги. Пробежав бегло оглавление, увидел, как он сам заметил, много знакомых имён. Вернув книги, прочитал стихотворение Сергея Орлова «Его зарыли в шар земной...» Читал красиво, ёмко. Позднее я узнал, что он очень любил творчество поэта-фронтовика Сергея Орлова. Помню, что на строчку Сергея Орлова «...мальчики по возрасту, солдаты по делу и слову...» Игорь Степанович написал стихотворение «Моё поколение». В нём есть такие строки:

Тогда мы были мальчики по возрасту,
Но воины по долгу и делам,
Когда в сороковых со всею грозностью
В глаза тревога заглянула нам.

Когда война под Брестом, Брянском, Витебском
На плечи наши юные легла,
Мы как потомки легендарных витязей
Продолжить встали ратные дела...

(«Моё поколение»)

О войне поэт знал не понаслышке. Игорь Романов родился 13 марта 1927 года в Ейске, неболь-

шом городке на берегу Азовского моря. Шести лет родители увезли мальчика из пахнущего морем городка. Отца поэта Степана Лукича Романова, прошедшего Первую мировую войну, отважно воевавшего, ставшего в восемнадцатом красным партизаном, зачислили в отряд «двадцатипятитысячников». В стране начиналась массовая коллективизация. Жили Романовы в крохотной деревушке неподалёку от Миллерово. Затем переехали в Новочеркасск...

Весть о начавшейся войне застала четырнадцатилетнего Игоря в Нальчике, куда его родители перебрались после ареста главы семейства как «врага народа». «Позже я так и не смог добиться от отца: за что его арестовали, как ему удалось (повезло) выбраться из застенков зловещего НКВД, и что он почти за четыре года заточения пережил?..» – писал поэт в предисловии к двухтомнику «Избранные произведения» 2010 года издания.

Довоенный Нальчик, приютивший семью лепщика-строителя Степана Лукича Романова, напоминал небольшой тихий, уютный и мирный двор. Во дворах сады. Вокруг города тоже фруктовые сады, в которых произрастали знаменитые сорта под названием Кабардинка. Осенью в городе пахло яблоками, сливами, грушами, айвой, виноградом. Нальчик, расположенный у вечных заснеженных отрогов Кавказского хребта, с кабардинского переводится как «подкова». О довоенном Нальчике у поэта на всю жизнь остались светлые и радостные воспоминания.

В июне сорок второго Игорь окончил седьмой класс. Шёл второй год войны. Город полон слухов, что наши войска оставили Ростов-на-Дону, а в начале августа противник был уже в Ставрополе. А потом до Нальчика дошли вести о том, что девятого августа танки и мотопехота 3-й танковой дивизии вермахта ворвались в Пятигорск, а через пять дней заняли Кисловодск, и что со дня на день немцы будут в Нальчике.

Кабардино-Балкария перешла на военное положение. Вокруг города по решению комитета обороны Нальчика возводили оборонительные сооружения. По всей северной Кабардино-Балкарии население строило противотанковые рвы, дзоты. Прошёл август, сентябрь, заканчивался октябрь, наступление немецких войск, казалось, было остановлено.

На третье ноября 1942 года намечалось наступление войск Северной группы на малгобекско-моздокском направлении. Но немецкое командование опередило замысел наших военных. Совершив двадцать пятого октября мощный налёт на штаб 37-й армии в Долинском, под Нальчиком, немецкие лётчики разбомбили его, лишив командование связи и управление войсками. В тот же день части вермахта начали наступление. Двадцать восьмого октября, прорвав оборону 37-й отдельной армии, немецкие части вошли в Нальчик.

Игорь и его сверстники видели, как на следующий день нескончаемым потоком в город входили немецкие и румынские войска. Во дворе шко-

лы стояли танки и автомобили. Повсюду слышна немецкая речь. В первый же день немецкие солдаты разграбили гостиницу «Турист», а здание подожгли. Город был обклеен различными приказами, за неисполнение которых новая власть грозила расстрелом. «Новый порядок», установленный бургомистром Нальчика, обязывал его жителей поставлять для германской армии продукты питания – пшеницу, кукурузу, картофель, овощи, мёд. На учёт брался крупный рогатый скот, лошади, рабочие инструменты. Горожане обязаны были сдать в комендатуру пилы, топоры. Офицеры и солдаты занимали дома и квартиры жителей Нальчика.

Игоря Романова и его маму фашисты выгнали из дома. По рассказам поэта, они с матерью вырыли в саду землянку, соорудили над ней крышу, сложили печку, установили дверь. Жильё, где они ютились, было ненадёжным и сырым. За дровами ходили в ближайший лес, что было небезопасно. Можно было нарваться на немецкий патруль, которому повсюду мерещились партизаны. Там же, в лесу, жители Нальчика искали себе пропитание: копали корни, собирали травы, жёлуди, орехи, шиповник, дикие яблоки и груши, ловили птиц. Искали пропитание в окрестных огородах: копали неубранную картошку, собирали початки кукурузы. А во дворе дома Романовых, рядом, на летней печке, немцы целыми днями жарили яичницу на масле. От голода и запахов у Игоря кружилась голова, и темнело в глазах.

По приказу военного коменданта офицеры промышленного отдела германской армии «Викадо» изымали имущество из учреждений, школ, библиотек, театров, госпиталей, больниц, жилых домов, магазинов, фабрик и заводов. Мальчишки Нальчика видели, как из города ежедневно уходили вагоны с награбленным добром. Команда мародёров вывозила в Германию исторические ценности культуры и искусства, в том числе экспонаты Кабардино-Балкарского музея, оборудование кабинетов педагогического института, школ, редкие книги, картины. В предместьях города фашисты взорвали здания санаториев. С наступлением холодов вырубали городской парк. Мальчишки Нальчика не могли равнодушно смотреть, как враги грабят их родной город. По соседству с районом, где жил Игорь Романов и его друзья, находилась кондитерская фабрика. Немцы собирались запустить её линии и наладить производство. Юные патриоты решили помешать им. Тайком пробрались на фабрику и принялись торопливо резать ремни движущихся лент, ломать электромоторы. Увлечлись так, что не заметили, как в дверях появился немец с бляхой на груди. Мальчишки рванули из цеха и вмиг перемахнули через двухметровый забор. Но опасность не остановила их. Ночью в парке они повесили на дереве петлю из верёвки с надписью: «Для Гитлера». Тайком разбрасывали по дворам листовки с призывом «Бороться с заклятыми врагами». Мальчишки готовились идти в партизаны. Игорь притащил на чердак несколь-

ко «лимонок», ящик с патронами, бикфордов шнур...

Самым тяжёлым испытанием для Игоря, его сверстников и всех жителей Нальчика стали последние дни декабря сорок второго. При отступлении немцы взорвали госпиталь, в котором до осени сорок второго находились раненые красноармейцы.

Пострадали здания Наркомзема Кабардино-Балкарии, почти до основания было разрушено здание кинотеатра «Зимний». Полностью сгорела вместе с книгами библиотека имени Н.К. Крупской. Немцы сожгли детские ясли, педагогическое училище, две гостиницы, Дом Правительства. Город горел и днём и ночью. Позднее Игорь узнал, что всего, по заключению Государственной комиссии, в Нальчике фашисты уничтожили полностью сто семнадцать крупных зданий.

Оккупация Нальчика продолжалась несколько месяцев, но и этого времени хватило Игорю и его сверстникам, чтобы на всю жизнь запомнить, какое у войны лицо.

Четвёртого января сорок третьего Нальчик был полностью освобождён от немецких захватчиков. Пятого января жители города собрались на митинг, чтобы отпраздновать освобождение. Сразу после освобождения родители учеников вымыли школу: Игорь и его сверстники пошли в восьмой класс. Игорю было неполных семнадцать лет, когда из военкомата ему и его сверстникам принесли повестки и призвали в армию. Ребята попали в автороту, научились мастерски водить военные

грузовики по крутым «серпантинам» головокружительных перевалов около малоизвестного городка Степанавана в Армении. А потом пришёл свыше приказ, и в составе 6-го отдельного автомобильного полка, приданного конно-механизированной группе под командованием генерала И. А. Плиева, молодые водители отправились на Дальний Восток, на войну с милитаристской Японией.

Из бесед политработников с личным составом Игорь и его сослуживцы знали, что японцы ещё очень сильны, что в Северном Китае, в районе Пекина, располагались две японские армии. При необходимости японцы легко могли бы передвинуть их в Маньчжурию.

Водители Красной Армии подвозили к линии фронта боеприпасы, орудия, продовольствие, воду. Вот где пригодились им навыки, приобретённые на опасных перевалах в Армении. Та учёба помогла выжить в боевых условиях Игорю и его товарищам, как он сам говорил, по сути, пацанам, впервые севшим за «баранки» «фордов», «доджей», «студебеккеров», загруженных боеприпасами, горючим, да ещё и с прицеленными орудиями. Игорь Степанович не отрицал того факта, что он и его сослуживцы выросли в настоящих солдат, и несомненно, – это заслуга командиров и политработников тех лет.

Всю жизнь он помнил, как водители 6-го отдельного автомобильного полка преодолели за один переход по безводной пустыне сто двадцать километров. Степь, казалось, раскалена как ско-

ворода. Только тогда Игорь узнал по-настоящему, что такое пустыня. Желание пить перебивало все остальные. На сутки каждому солдату отпускалось по шесть литров воды. А автомобилю – двадцать литров. «Наш полк, – вспоминал Игорь Степанович, – маленькая частичка Красной Армии. Мы, рядовые красноармейцы, тогда многого не знали о противостоянии двух огромных армий. Не знали и о готовящейся японцами бактериологической войне. Перед нами стояли более конкретные задачи».

В августе сорок пятого авторота, в которой служил рядовой Игорь Романов, оказалась в районе Большого Хингана. Эта горная система на северо-востоке Китая стала настоящим испытанием для молодых водителей. Игорю в ту пору шёл девятнадцатый год. Длина Большого Хингана с севера на юг около 1200 километров. Высота – выше двух тысяч метров. Надо было преодолеть с запада на восток около четырёхсот километров по крутым, расчленённым отрогам.

На одном из участков водители вели автомобили по глубокому ущелью с нависающей над ним отвесной скалой. Жара невероятная: до сорока градусов. Едва начали движение, как впереди загорелся автомобиль. Движение перекрыто. Вся колонна встала. Выбора, как вспоминал Игорь Романов, не было: надо было столкнуть горящую, как факел, машину в пропасть. Но как к ней прикоснуться? Солдаты сделали невозможное: навалились на автомобиль и голыми руками столкнули горящий «форд» с дороги в ущелье.

Восьмого августа, с обожжёнными руками, очумевшие от жары, непроглядной пыли, грохота техники, под прикрытием «тридцатьчетвёрок» водители одолели последние метры Большого Хингана и вырвались на равнинные степи Маньчжурии. По пути были города Хайлар, Харбин, Чанчунь... В дороге деревенели руки, державшие «баранку», тело ломило от несговорчивой усталости, хотелось спать. «Чтобы не забыться за рулём, что означало бы большую беду, – вспоминал Игорь Степанович, – мы придумали «безотказное средство»: подвешивали к потолку кабины походный котелок с алюминиевой ложкой на дне, звонко дребезжавшей, едва в полудрёме заденешь котелок наклонившейся вперёд головой. Сон отступал и если жуёшь окаменевший сухарь».

Много лет спустя, вспоминая всё то, казалось бы, далёкое, удивлялся собственной выносливости и мужеству сослуживцев. «В пути делали короткие остановки, – писал после войны Игорь Степанович. – Забегали в какие-то диковинные для нашего восприятия монастыри... «Прогулки» враз прекратились, когда мы узнали, что большинство поселений и городов – безупречно замаскированные, опасные ловушки для наступающих войск. Уяснили с широко раскрытыми глазами, что Квантунская армия к этому времени насчитывала семь миллионов вымуштрованных солдатиков, несчётное количество орудий, огневых точек, целые скопища дотов, крепостей, практически невидимых и для внимательного глаза». По дороге, вспоминал поэт, куда-то сгинул их доблестный

«взвод прикрытия». Исчез из поля зрения вместе с кухней и бравый повар Пэтро, который, как с юмором писал Игорь Степанович, «кроме постных галушек с ладонь размером, нычего не вмив готовить». Повар объявился через неделю: «шото зломалось у него». «Мы остались с карабинами в руках, пятью патронами в «магазинах» и двумя «лимонками» (гранатами) в прочных карманах галифе старшины», – делился Романов.

Так, претерпев всё и вся, авторота докатила до города Чифын, куда прибыла третьего сентября. До побережья Жёлтого моря оставалось совсем немного. Здесь автоколонну застала весть о том, что Вторая мировая война закончилась полной победой Красной Армии, что подписан акт о капитуляции Японии. В эту ночь солдатам впервые позволили спать восемь часов.

В честь Победы над Японией их добрый повар Пэтро наварил полный котёл галушек и с радостью пригласил солдат: «Налётуй!» Игорь ещё долго служил, вернулся с войны через семь лет после призыва. В пятьдесят первом году он вернулся в полуразрушенный Нальчик. Устроился в бригаду лепщиков-строителей, которую создал раньше него вернувшийся с фронта отец Степан Лукич Романов. Одновременно Игорь учился в школе рабочей молодёжи, добирал знания до «десятилетки».

В 1953 году, успешно сдав вступительные экзамены, поступил на филологический факультет Ставропольского педагогического института. С выбором профессии он как-то сразу определился:

стихи начал сочинять ещё в четвёртом классе. То ли в шестом, то ли в седьмом классе Игорь подружился с Муратом Богдагуляном. Тот увлекался поэзией, увлёк и Игоря. Писал, по его мнению, довольно приличные стихи, Игорь тоже пробовал. Порой посылал Мурату какие-то рифмованные строчки, рождавшиеся в его голове. Мурат присылал свои.

Первые стихотворения Игорь Романов напечатал в 1955 году в газете «Молодой ленинец», с редакцией которой дружил на протяжении многих лет, стал её штатным сотрудником. Всего за годы их содружества в «Молодом ленинце» напечатано около полусотни стихотворений поэта. Его стихи печатали газеты «Ставропольская правда», «Кавказская здравница», «Ленинское знамя», «Наше Ставрополье», «Советская Россия».

На долгие годы поэт связал свою творческую биографию с литературным альманахом «Ставрополье», где работал ответственным секретарём. Первая публикация в альманахе писателей Ставрополья относится к 1958 году, последняя – к 2012 году.

В пятьдесят восьмом вышла его первая книжка «Корень зла». Игорь Романов писал, что его «многие стихотворные вещи публиковались в самых разных центральных журналах, газетах, коллективных сборниках; что-то перевели на другие языки, скажем, на болгарский... Но первой книжкой была «Корень зла». Это был сборник сатирических стихотворений поэта. Всего пятьдесят две страницы. Затем одна за другой выходи-

ли из печати книги Игоря Романова: «Встречи» (1960), сборник сатирических стихотворений и басен «Практический вывод» (1963), «Открытый вопрос» (1965), «Обидный намёк» (1969), «Практический вывод» (1963), «Чужая беда» (1967), «Услуга» (1972; в сборник вошли рассказы, сатирические стихотворения, литературные пародии), «Тропюю доброты» (1975), «Суматошная карусель» (1977), «Белое утро» (1979), «Душа нараспашку» (1982), «Чистые следы» (1983; книга издана в московском издательстве «Современник»), «Поздние холода» (1984), «Секрет долголетия» (1986), «Круговорот» (1998).

Он много переводил абазинских, карачаевских, калмыцких поэтов. Его переводы печатали журналы «Байкал», «Москва», «Нева», «Огонёк», «Октябрь». Про поэзию Игоря Романова писали многие известные и малоизвестные литературные критики. Вениамин Госданкер называл её «обаянием усталой красоты». Елена Иванова считала, что поэт шёл «по жизни со штыком и лирой». Станислав Касперский утверждал, что поэт «всё доверил строчкам». Ольга Метёлкина писала, что поэт «жил полной мерой, не в рассрочку». После ухода Игоря Романова из жизни 22 ноября 2009 года Ольга написала, что это был «незаконченный разговор» поэта с читателями. И в 2010 году Ставропольский государственный университет издал двухтомник стихотворений поэта, в который вошли его лучшие поэтические произведения.

...В 1981 году на экраны страны вышел двухсерийный художественный фильм «Через Гоби и

Хинган», который Игорь Романов смотрел много раз. Фильм – воспоминание о юности, о друзьях-товарищах, о нелёгком переходе через Большой Хинган. Он смотрел фильм и видел в актёрах своих тогдашних однополчан. Вспоминал их в выгоревших гимнастёрках, кирзовых сапогах, помнил их, исхудавших, вспылчивых и горячих, стриженных «под машинку». Он смотрел фильм и вспоминал, как они вместе сидели в холодных блиндажах, спали в казарме на нарах, делились новостями из дома и мечтали о том, как они будут жить после войны. А их долго не отпускали. Зимой начавшегося сорок седьмого года Игорь Романов и его товарищи ходили в наряды, дежурили в карауле. С тревогой посматривали на огромный спиртовой термометр, который показывал минус 63 градуса! «На часах» стояли только по пятнадцать минут! От холодов лопалась броня танков. А люди выстояли. И готовы были прийти друг другу на помощь.

Он помнил имена сослуживцев и через десять, и через тридцать, и через сорок, и через пятьдесят лет. Жаль, что не встретились потом, в мирное время. И писал о них:

До смертного заката,
До рокового дня
Мне помнить вас, ребята,
Простившие меня –
Что выжил,
Битый, тёртый
За вольность и стихи...

Живым прощает мёртвый
Невольные грехи...

(«Победа»)

Была у Игоря Романова ещё одна книга – о строителях Большого Ставропольского канала. Называлась просто «Наступление». Но сколько же сил Игорь Степанович вложил в неё: ездил по стройке, дневал и ночевал, встречался со специалистами, беседовал с проектировщиками, разговаривал с экскаваторщиками, водителями... Об этой книге журналисты и литературоведы почти не вспоминают, а ведь в ней весь Игорь Степанович.

Технический редактор: Ю.П. Шаталов
Дизайн и вёрстка: С.Е. Стефанова
Корректор: Е.Л. Ясинская

Подписано в печать 00.00.2022 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,00. Уч. изд. л. 8,26.
Заказ № 696. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Вектор-Принт».
650021, г. Кемерово, ул. Стахановская, 1-я, 39а.